

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХІІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІИ В. С. ВЛАЗНЕВА.

Евгенийевскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1883.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія.

О вліяніи германскаго и кельтическаго права на систему каръ и покаяній западной церкви. (Продолженіе) В. Сокольскаго.

Къ вопросу о древнихъ славянскихъ мягкихъ слогахъ въ произношеніи и на письмѣ А. Головачевскаго.

Гербордова біографія Оттона, епископа Бамбергскаго. (Продолженіе). А. Петрова.

Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу „пересмотра“ вопроса о происхожденіи Гунновъ. Н. Веселовскаго.

Вопросъ о Кельтахъ В. Васильевскаго.

Критика и библіографія:

Г. Н. Потанинъ. Очерки сѣверо-западной Монголіи. Результаты путешествія, исполненнаго въ 1876—1877 годахъ по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Д. Анучина.

Изсѣдованія въ области русской грамматики. А. Соболевскаго В. Качановскаго.

Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣвъ; ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Историко-литературный очеркъ А. С. Архательскаго. Д. К.

Новые журналы по народной словесности и мифологіи. А. Веселовскаго.

Наши коммерческіе учебники П. Колумбуса.

Общество любителей древней письменности въ 1881 году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) высшія учебныя заведенія; б) педагогическіе курсы учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ въ гг. Миргородѣ, Гадячѣ и Кременчугѣ въ 1881 году.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ВОПРОСЪ О КЕЛЬТАХЪ.

1) Отношеніе Кельтовъ къ Иберамъ и Лигурамъ.—Родство Иберовъ съ Васками и Лигурійское племя.—Кельты и область, ими занимаемая въ III в. до Р. X.—Теорія Амедея Тьерри о двойственности внутри Кельтическаго племени; наблюденія В. Эдвардса.—Сочиненіе Беллоге и разрушеніе теорій Ам. Тьерри; единство галльскаго или кельтическаго типа.—Исследования Брока и другихъ новѣйшихъ французскихъ ученыхъ; взгляды англійскихъ ученыхъ на родство съ Кельтами.—2) Помощь со стороны до-исторической археологій, труды Ал. Вертрана.—3) Нравственный характеръ Галловъ по древнимъ и новымъ писателямъ. — 4) Религія Кельтовъ и трудности ея изученія; главные боги, друиды, ихъ вѣроученіе и ихъ значеніе.—5) Основныя черты социальнаго быта и политическаго строя. — Уровень кельтской и галльской цивилизаціи.

I.

Въ историческое время главною этнографическою основою населенія Западной Европы представляются намъ Кельты; но уже прошло то время, когда Кельты считались единственными, самыми первичными и основнымъ слоемъ племеннаго состава даже въ древней Галліи. Не говоря пока о до-историческихъ расахъ, изъ-за Кельтическаго племени выступаютъ два другихъ, болѣе древнихъ, Иберійское и Лигурійское. Для большаго удобства и ясности мы начнемъ свое изученіе, имѣющее въ виду преимущественно Кельтовъ, краткимъ ознакомленіемъ съ этими двумя послѣдними племенами. Нѣкоторые признаютъ Иберовъ и Лигуровъ за одно племя, но это мнѣніе, какъ сейчасъ увидимъ, не можетъ быть признано основательнымъ.

Память объ Иберахъ сохранилась въ названіи Иберійскаго полуострова; но первоначально они населяли не одну Испанію, а также

значительную часть южной Галліи между Пиринеями и Гаронною, что видно уже изъ словъ Цезаря о населеніи Аквитаніи, подтверждаемыхъ и разъясняемыхъ извѣстіями Страбона ¹⁾.

Страбонъ замѣчаетъ (Geogr. lib. IV cap. 4), что Аквитаны отличаются отъ прочихъ жителей Галліи не только языкомъ, но тѣлосложеніемъ и учрежденіями и болѣе похожи на Иберовъ (Испанскихъ), чѣмъ на Галловъ. Поэтому древнихъ жителей южной Галліи дѣйствительно должно отнести къ Иберійскому племени. Если мы далѣе обратимся къ Фукидиду и Тациту, то найдемъ у нихъ указанія и на другія мѣстности, также населенныя Иберами. По свидѣтельству Фукидида, Сиканы, занимавшіе съ древняго времени Сицилію, были собственно Иберы, прогнанные изъ восточной Испаніи Лигурами въ незапамятныя времена. По Тациту, Иберы жили также и въ Британіи: именно къ нимъ принадлежало племя Силуровъ, обитавшее въ Валлисѣ. Тацитъ сообщаетъ и внѣшнюю характеристику ихъ, по которой у нихъ оказываются темный цвѣтъ лица и курчавые волосы; это, впрочемъ, можетъ относиться не къ первоначальному Иберійскому, а къ тогдашнему Испанскому типу (см. ниже) „*Silurum colorati vultus, torti plerumque crines et posita contra Hispania Iberos veteres trajecisse easque sedes occupasse fides faciunt*“ (Agr. cap. XI). Иберійское племя древнѣе Кельтскаго, и уже позднѣе Иберы въ Испаніи подверглись воздѣйствію Кельтовъ и образовали смѣшанное племя Кельтиберовъ.

Итакъ, извѣстія древнихъ говорятъ о широкомъ распространеніи Иберовъ: Что же это за племя? Какое его происхожденіе и родство? Наука уже давно пришла къ заключенію, что до настоящаго времени существуютъ остатки Иберовъ и эти остатки нужно видѣть въ Баскахъ, небольшомъ племени, живущемъ по обоимъ склонамъ Пиренеевъ, въ глубокихъ долинахъ Наварры и Беарна. Во время Меровинговъ они населяли также пынѣшнюю Гасконь, которая тогда называлась Васконьею *Vasconia*, — слово, очевидно, тождественное съ именемъ Басковъ. Сами себя Баски называютъ теперь Эускарійцами (*Euskal duak*), а свой языкъ эускарою. Племя, удѣлѣвшее въ небольшомъ числѣ (около 600 тыс. душъ) въ отдаленномъ

¹⁾ «*Gallia est omnis divisa in partes tres*», говорилъ Цезарь (De bello Gallico, lib. I cap. I), *quarum unam incolunt Belgae, aliam Aquitani, tertiam qui ipsorum lingua Celtae nostra Galli appellantur*, и далѣе: «*Aquitania a Garumna flumine ad Pyrenaeos montes et eam partem Oceani quae est ad Hispaniam, pertinet*».

захолустіѣ Европы, очевидно, представляетъ вымирающій остатокъ, постепенно исчезающій обломокъ какой-то глубокой древности. Особое вниманіе обращаетъ на себя именно его языкъ, своимъ строеніемъ отличающійся отъ всѣхъ индо-европейскихъ, и не смотря на большія заимствованія отъ сосѣдей, въ самомъ словарѣ сохраняющій много своеобразныхъ корней. Знаменитый Вильгельмъ Гумбольдтъ первый воспользовался этимъ языкомъ въ своемъ классическомъ изслѣдованіи о первоначальныхъ жителяхъ Испаніи ¹⁾. Изучая географическія имена мѣстностей урочищъ, горъ, рѣкъ и городовъ древней Испаніи, онъ пришелъ къ слѣдующимъ важнымъ выводамъ. Именно: 1) названія мѣстностей Пиренейскаго полуострова принадлежатъ къ языкамъ совершенно различнымъ; 2) первая группа именъ относится къ мѣстностямъ, гдѣ жили Кельты, и легко объясняется языкомъ кельтскимъ (кимрскимъ, галльскимъ) и сходствомъ географическихъ названій другихъ кельтскихъ странъ; 3) другая группа, заключающая въ себѣ большинство именъ, принадлежавшихъ областямъ, которыя, по извѣстіямъ древнихъ писателей, были заняты Иберами, легко объясняется языкомъ Басковъ, такъ что нельзя и сомнѣваться въ тождествѣ нынѣшнихъ Басковъ съ древними Иберами; 4) иберійскія имена мѣстностей, кромѣ Испаніи, встрѣчаются на югѣ Галліи, въ Италіи и на островахъ Средиземнаго моря; 5) тамъ, гдѣ встрѣчаются иберійскія названія рядомъ съ географическими именами другихъ языковъ, ихъ можно считать древнѣйшими. Вотъ выводы Гумбольдта относительно языка и національности Басковъ. Правда, что въ недавнее время они подвергнуты были большому подозрѣнію относительно ихъ основательности; скептики встрѣчаются среди мѣстныхъ знатоковъ, занимающихся спеціальнымъ изученіемъ эускарійскаго языка. Таковы Французы Bladé (*Etudes sur l'origine des Basques*. Paris, 1869) и Vinson (*La Question iberienne*. Paris, 1873); изъ нихъ послѣдній пришелъ къ тому заключенію, что еще нельзя ничего сказать опредѣленнаго ни о происхожденіи Басковъ, ни объ языкѣ Иберовъ. Нужно думать, что, какъ это обыкновенно бываетъ въ началѣ, разысканія Гумбольдта не чужды были увлеченій и ошибокъ; но за вѣрность основнаго положенія ручаются новѣйшія изслѣдованія, принадлежащія лицамъ, обладающимъ современнымъ строгимъ и точнымъ филологическимъ методомъ. Изъ Французовъ слѣдуетъ

¹⁾ Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens mittelst der baskischen Sprache. Berlin, 1821.

назвать Люшера (Luchaire), изъ Нѣмцевъ Филиппса, помѣщавшаго свои изслѣдованія объ Иберахъ въ изданіяхъ Вѣнской академіи наукъ (Sitzungsberichte за 1875 г.). Продѣлавъ сызнова топонимическую работу Гумбольдта со всею строгостью истиннаго этимологическаго метода, то-есть, предварительно изучивъ добросовѣстнымъ образомъ, съ одной стороны, законы образованія современной географической номенклатуры, а съ другой—фонетическіе законы и словарь языка Басковъ, Люшеръ считаетъ себя въ правѣ выставить слѣдующее положеніе: „Во время Страбона, Плинія и Птолемея, на обонхъ склонахъ Пиренеевъ, на берегахъ Гвадалквивира, Тахо и Ебро уже существовали мѣстности съ наименованіями баскскими. Почему же нельзя будетъ допускать совершенно логическаго заключенія, что область еускары была нѣкогда болѣе обширна, чѣмъ нынѣ, что она обнимала по крайней мѣрѣ двѣ трети Испаніи и значительную часть южной Галліи? Замѣтимъ, что тутъ нѣтъ рѣчи ни объ Иберахъ, ни о Лигурахъ, ни объ иберійской нумизматикѣ, а дѣло идетъ объ одномъ простомъ фактѣ лингвистики, котораго не могутъ подвергнуть подверженіямъ (compromettre) ни увлеченія послѣдователей Гумбольдта, ни всѣ насмѣшки его болѣе или менѣе добросовѣстныхъ противниковъ“. Чтобы характеризовать методъ Люшера, возьмемъ одно изъ несомнѣнныхъ моренныхъ словъ еускары, наиболѣе легко узнаваемое въ древней географической номенклатурѣ. На языкѣ Басковъ *igi* (съ переходомъ въ *ili*, *ugi*) значитъ городъ, населенное мѣсто, *berri* значитъ новый. Затѣмъ въ области древнихъ Иберовъ мы находимъ города: *Illi-beris* въ Руссильонѣ (теперь Elne), *Elimberge* въ Гасконіи (теперь Auch), *Illiberis* въ Андалузій, Римской Батікѣ (теперь Гранада). Уже этихъ трехъ именъ, ради примѣра взятыхъ въ трехъ крайнихъ оконечныхъ пунктахъ господства древнихъ Иберовъ, достаточно для того, чтобы установить фактъ распространенія языка Басковъ въ Андалузій, Гасконіи и Руссильонѣ. Нужно прибавить, что Филиппсъ такихъ Иберійскихъ нов-городовъ насчиталъ до 46-ти. По своему строю языкъ Басковъ принадлежитъ къ группѣ агглютинирующихъ языковъ, то-есть, онъ не имѣетъ ни родовъ, ни флексій, а образуетъ наклоненія и другія формы присоединеніемъ особыхъ служебныхъ словъ; онъ сходенъ съ языкомъ Финновъ и краснокожихъ племенъ Америки. Пораженный этимъ сходствомъ, Гумбольдтъ пошелъ далеко въ своихъ гипотезахъ; онъ думалъ объ американскомъ происхожденіи Басковъ, и такъ какъ ему нужно было построить какой-нибудь мостъ черезъ океанъ, то онъ вспомнилъ островъ Атлантиду, о которомъ

говорилъ еще Платонъ. Съ географической точки зрѣнія, очевидно, гораздо легче провести линію отъ Басковъ къ финскому сѣверу. Если мы вышеприведенныя данныя объ языкѣ нынѣшнихъ Басковъ перенесемъ на языкъ древнихъ Иберовъ, то окажется, что Иберы говорили агглютинирующимъ языкомъ. Затѣмъ, если мы допустимъ гипотетически тожество, или только родство, между Иберами и Лигурами, то выйдетъ, что значительная часть первобытнаго населенія южной Европы говорила не арійскимъ языкомъ и по всѣмъ признакамъ была происхождения не индо-европейскаго, а можетъ быть, финскаго, то-есть, одинаковаго съ значительнымъ числомъ народовъ, населяющихъ и до сихъ поръ сѣверо-восточную Европу и уходящихъ далеко въ глубь Азіи. Въ распространенности Финскаго племени въ Средней Европѣ въ эпоху, предшествовавшую кельто-германскому періоду, теперь никто не сомнѣвается. Незадолго до послѣдней Франко-Прусской войны, знаменитый французскій натуралистъ Катрфажъ, изучая краиологію (науку о строеніи череповъ), доказывалъ, что населеніе Пруссіи — финскаго и славянскаго происхожденія; перенося этотъ научный выводъ на политическую почву, онъ утверждалъ, что Пруссакъ не могутъ претендовать на первенствующую роль въ Германіи, чѣмъ и привелъ въ негодованіе Нѣмцевъ. А теперь самыя серьезныя и притомъ патріотическія нѣмецкія ученныя, — мы имѣемъ въ виду Вирхова, и его статью о первоначальномъ населеніи Европы (*Urbbevölkerung Europas*, переведена на русскій языкъ въ журналъ Знаніе) — не только признають за несомнѣнное, что въ Германіи жило нѣкогда Финское племя, но и допускають ту мысль, что оно не исчезло безслѣдно для настоящаго, что финская кровь остается въ жилахъ значительной массы Тевтоновъ. И такъ, мы можемъ провести линію отъ области нынѣшнихъ Финскихъ племенъ сѣверо-восточной Европы на юго-западъ и предположить, что область зускары распространялась въ отдаленныя времена на всю западную Европу до встрѣчи на востокъ съ Финскими племенами. Противъ родства Басковъ или древнихъ Иберовъ съ Финнами, которое отсюда слѣдовало бы совершенно логически, существовали нѣкоторыя сомнѣнія, сохранившія большое значеніе и для Вирхова. Дѣло въ томъ, что Баски, хотя и говорятъ агглютинирующимъ языкомъ, физіологически представлялись имѣющимъ очень мало сходнаго съ Финнами: Финны до сихъ поръ признавались ярко обозначенными брахицефалами, а Баски — долихоцефалы. Въ самое послѣднее время и на основаніи недавнихъ раскопокъ кургановъ въ сѣверныхъ русскихъ губерніяхъ, въ области распространенія финно-

угорской семьи, обнаружилась ошибочность представлений объ исключительной короткоголовости Финновъ. Оказывается, что напротивъ всѣ народы угорской семьи были длинноголовы, и что даже собственно Финны не принадлежатъ къ одному типу: если финляндскіе Финны короткоголовы, то другіе — настоящіе долихоцефалы (см. статью Елистрева: „Къ археологич. и антропологич. Ильменскаго бассейна“. Журн. Мин. Нар. Просв., апрѣль и май 1881 г.).

Обратимся теперь къ Лигурамъ. Этотъ народъ въ древнія времена, раньше утвержденья Кельтовъ, былъ распространенъ гораздо больше, чѣмъ мы можемъ заключить по названію одного Лигурійскаго берега. Западною границею ихъ въ эпоху вполне историческую была рѣка Рона, но они входили и на правый берегъ ея и образовали въ южной Галліи (въ Лангедокѣ) смѣшанное населеніе Иберо-Лигуровъ. Сѣверною ихъ границею были Севенны и Швейцарскіе Альпы, ватѣмъ они спускались въ Италію, жили по берегамъ Лигурійскаго залива, въ нынѣшнемъ Пьемонтѣ, по склонамъ Апеннинъ, въ Сардиніи и даже по берегамъ Адриатическаго моря. На основаніи — правда, нѣсколько темныхъ — указаній Авіэна въ его сочиненіи: „Ora maritima“¹⁾, считается достовѣрнымъ, что въ глубокой древности, ранѣе прихода Кельтовъ, они жили въ средней Галліи, около Атлантическаго океана, занимая значительныя ея пространства; указаніе Авіэна подтверждается прямымъ и вполне яснымъ свидѣтельствомъ Артемидора (около 110 г. до Р. Х.), которое сохранено Стефаномъ Византійскимъ, о жительствѣ Лигуровъ въ области рѣки Луары. Одинъ новый ученый Беллогэ находитъ Лигуровъ и въ Британіи. Онъ сопоставляетъ названіе Лозгры (такъ назывались у Кельтовъ Валлиса жители юго-восточной части острова) съ именемъ Лигуровъ; а съ другой стороны, тѣхъ же Лигуровъ онъ склоненъ видѣть и въ Силурахъ Тацита, предполагая, что подъ Иберами въ данномъ мѣстѣ біографіи Агриколы пущено разумѣть испанцевъ вообще, какъ жителей извѣстной страны, называемыхъ, правда, всего чаще по имени древнихъ Иберовъ, но по крови происходившихъ отъ нихъ только частію; напротивъ какъ у Авіэна, такъ и у другихъ писателей — есть указанія, что въ самой Испаніи въ древнѣйшія времена было распространено Лигурійское населеніе (припомнимъ

¹⁾ По изслѣдованію Мюлленгофа, это сочиненіе, по крайней мѣрѣ, по своей основѣ, заимствовано изъ египетско-парфянскаго источника, относящагося къ VI вѣку до Р. Хр.

вышеприведенное извѣстіе Оукидида); оно-то, по мнѣнію Беллогэ, и сообщило Испанцамъ (Иберамъ тожъ) ихъ типъ, знакомый Тациту; вообще по мнѣнію этого ученаго, Лигуры сугъ настоящая южная раса, состоявшая также въ родствѣ съ сѣверо-африканскими Гетулами.

Нѣкоторые ученые отождествляютъ Лигуровъ съ Иберами. Существенное возраженіе противъ этого мнѣнія находится уже въ томъ, что лучшіе писатели древности никогда не смѣшиваютъ двухъ сосѣднихъ племенъ, а наоборотъ постоянно и тщательно указываютъ ихъ границы; такимъ образомъ уже древнимъ бросалась въ глаза разница между обоими народами. Съ другой стороны замѣчено, что въ мѣстахъ кореннаго лигурійскаго населенія совсѣмъ не встрѣчается названій, напоминающихъ характеристическіе еускарійскіе корни *igi* и *beggi*, что указываетъ на различіе языковъ, которыми говорили оба народа. Наконецъ, въ томъ же смыслѣ различенія между Иберами и Лигурами высказываются и антропологи. Они сравниваютъ физиологическій типъ сохранившихся доселѣ немногихъ представителей Лигурійскаго племени — Сардовъ (жителей Сардиніи) съ физиологическимъ типомъ Басковъ, остатковъ племени Иберійскаго, и оказывается существенная разница: первые — короткоголовые, вторые — длинноголовые¹⁾. Къ сожалѣнію, о языкѣ древнихъ Лигуровъ не сохранилось почти никакихъ данныхъ (Сарды говорятъ на одномъ изъ италіанскихъ нарѣчій), и вопросъ о ихъ происхожденіи остается съ этой стороны совсѣмъ не разъясненнымъ. Попытка же сблизить Лигурійскій языкъ съ Кельтскимъ посредствомъ толкованія мѣстныхъ названій собственно Лигуріи (статья Куно въ *Rheinisches Museum* 1873 г.) должна быть признана совершенно неудачною, равно какъ неудовлетворительными представляются и вообще доказательства принадлежности Лигурійскаго языка къ индо-европейскимъ (статья Arbois de Jubainville о Лигурахъ въ *Revue archéologique* 1875, вошедшія потомъ въ его книгу *les premiers habitants de l'Europe*). Ко-

¹⁾ Нужно, однако, замѣтить, что натуралисты (между прочихъ Вирховъ), по видному, не знаютъ о прямыхъ указаніяхъ на существованіе собственно Иберійскаго населенія на островахъ *Сардиніи* и *Корсики*, находящихся у древнихъ писателей (у Сенеки, относительно Корсики, у Павланиа и блаженнаго Геронима относительно Сардиніи). Жители Сардиніи уже въ египетскихъ памятникахъ извѣстны подъ именемъ Шардана (*Schardana*), что напоминаетъ Сордоновъ Иберійское племя, жившее въ восточныхъ Пиринейхъ. Впрочемъ на сѣверо-восточномъ берегу Сардиніи обитали *Корсы*, племя действительно лигурійское (ср. *Kiepert, Lehrbuch der alten Geogr.*, p. 477).

ренное различіе между Иберами и Лигурами предостерегаетъ насъ противъ излишняго увлеченія финнскою теоріею, которая на первый разъ можетъ представляться самою подходящею для объясненія неарійскихъ элементовъ въ европейскомъ населеніи. Если бы можно было съ достаточною степенью достовѣрности принять Сардовъ за потомковъ предполагаемаго первоначальнаго населенія Европы Финско-Туранскаго племени, съ сохранившимся фізіологическимъ типомъ предковъ, а Басковъ за ихъ потомковъ съ сохранившимся языкомъ, но измѣнившимся подъ вліяніемъ климата и смѣшенія съ Аріидами фізіологическимъ типомъ,—то эта теорія была бы гораздо прочтѣе. Впрочемъ, мы не должны ея пугаться; нѣкоторые даже французскіе ученые признаютъ, что въ жилахъ многихъ Французовъ течетъ не арійская, а туранская кровь, и типъ бретонскій, типъ національнаго героя, Бертрана Дюгеслена — есть типъ туранскій. Большое значеніе Лигурамъ въ вопросѣ о предкахъ Французскаго народа придаетъ Беллогэ. Дальнѣйшія подробности для насъ разъяснятся послѣ того, какъ мы ближе познакомимся съ отношеніемъ къ этому вопросу новѣйшихъ изслѣдованій о Кельтахъ, къ которымъ мы и обращаемся.

Вопросъ о Кельтахъ имѣетъ обширную и выдающуюся литературу. Поэтому укажемъ сперва на главнѣйшія изслѣдованія, сообщающія намъ свѣдѣнія о раселеніи и жизни этого народа.

1) Amédée Thierry: „Histoire des Gaulois depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'entière soumission de la Gaule à la domination romaine“. Первое изданіе. 1829 г., четвертое—1857 г. (3 тома). Это сочиненіе между прочимъ развиваетъ теорію о двойственности Галло-Кельтскаго племени. По поводу новой теоріи Тьерри

2) Вильямъ Эдвардсъ написалъ: „Письмо къ Тьерри о фізіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи“. Оно переведено на русскій языкъ съ примѣчаніями Т. Н. Грановскаго (въ I томѣ его сочиненій, первоначально въ Магавинѣ Землевѣдѣнія — Фролова, томъ I).

3) Belloguet: „Ethnogénie gauloise ou mémoires critiques sur l'origine et la parenté des Cimmériens, des Cimbres, des Ombres, des Belges, des Ligures et des auciens Celtes“ (3 тома, 4-й не оконченъ за смертью автора).

4) Первою частью этого сочиненія уже имѣлъ возможность пользоваться авторъ полезнаго и дѣльнаго русскаго труда: „Галлы въ эпоху Юлія Цезаря“. Соч. А. Георгіевскаго. Москва, 1865,

5) Henri Martin: „Études d'archéologie celtique“, Paris, 1872—

вышли тотчасъ послѣ появленія сочиненія Беллога, — рядъ статей довольно важныхъ и интересныхъ.

6) Desjardins: „Géographie administrative et historique de la Gaule romaine“; для насъ особенно важенъ 2-й томъ, вышедшій въ 1878 году, гдѣ разбирается вопросъ этнографическій и изслѣдуется религіозный бытъ Кельтовъ.

7) Bertrand: „Archéologie Celtique et Gauloise“. 1876 года.

8) Вальрожэ (Valroger): „Les Celtes — la Gaule Celtique“. Paris. 1879 г. Рассмотрѣніе юридическаго быта Кельтовъ. Подробный и весьма сочувственный разборъ этого сочиненія, вообще хорошаго, но не имѣющаго самостоятельнаго значенія, помѣщенъ въ „Сборникъ государственныхъ знаній“.

Изъ англійскихъ сочиненій, трактующихъ о Кельтахъ въ отношеніи къ образованію англійской національности назовемъ:

9) Pike, the English and their origin. 1866.

10) Nicholas, Pedigree of the english people. Second edition. London, 1868.

11) Elton, Origins of english history. London. 1882.

12) Новѣйшая французская обширная книга: Lemiére, Etude sur les Celtes et les Gaulois (Paris, 1881) хотя и должна быть упомянута, но большой цѣны не имѣетъ.

Кельтологія имѣетъ во Франціи свой спеціальный органъ — журналъ: *Revue Celtique*, правда, выходящій довольно неаккуратно, но существующій уже нѣсколько лѣтъ. Сверхъ того много статей по этому предмету помѣщается въ другомъ спеціальному изданіи: *Revue archéologique*.

Приступая къ рассмотрѣнію размещенія, характера, національнаго типа, жизни и нравовъ Кельтовъ, я отправляюсь отъ сочиненія Амѣдеэ Тиерри и его взглядовъ, подкрѣпленныхъ изслѣдованіями Эдвардса. Кельты жили въ Галліи, Британіи, Дунайскихъ странахъ — Реціи и Панноніи до древняго Syngidunum (нынѣшній Бѣлградъ), въ сѣверной Италіи — Цизальпинской Галліи и Умбріи. Въ V вѣкѣ до Р. Х. они проникли въ Испанію и образовали въ соединеніи съ Иберами новый смѣшанный народъ Кельтиберовъ. Наконецъ, въ III в. до Р. Х., ордою завоевателей пройдя черезъ Македонію, они пробрались въ Малую Азію и образовали тамъ государство Галатовъ, раздѣленное на три народа—Толистобоевъ (съ главнымъ городомъ Пессинунтомъ), Тектосаговъ (съ главнымъ городомъ Анкирю) и Троковъ. Къ этому времени, къ 280 году до Р. Х., отно-

сится наибольшее могущество Кельтскаго племени. Господствующій языкъ во всей центральной и западной Европѣ былъ тогда языкъ кельтскій; онъ непосредственно соприкасался съ областью языка греческаго. Кельтская раса владѣла тогда наибольшею частію полуострова Иберійскаго, островами Британскими и обширною территорію, которая образуетъ теперь сѣверную и центральную Францію, Бельгію и Голландію; ей принадлежали западныя провинціи и южныя области нынѣшней Австро-Венгерской имперіи. Въ 281 году они утвердились въ Малой Азіи. Въ Европѣ Кельтская раса простиралась тогда отъ Атлантическаго океана до Чернаго моря, отъ Нѣмецкаго моря до Адріатики, и отъ Британскаго острова до сосѣдства съ Гибралтарскимъ проливомъ. На берегахъ Дуная, почти на всемъ его протяженіи, на берегахъ Рейна, верхней Эльбы, Темзы, Сены, Тахо и Ебро раздавался кельтскій языкъ если не исключительно, то какъ господствующій. Географическія названія еще въ римское время сохраняли память объ этомъ широкомъ распространеніи кельтскаго языка. На самомъ крайнемъ восточномъ пунктѣ кельтскаго господства мы находимъ городъ *Noviodunum* (около нынѣшней Исакии) — на правомъ берегу Дуная, близъ Чернаго моря въ Добруджѣ. Это названіе, въ которомъ латинскаго одно только окончаніе, тождественно съ именемъ, которое носилъ во время Цезаря одинъ городъ Трансальпинской Галліи въ странѣ Эдуевъ, которое носили въ эпоху Римской имперіи *Nyon* въ Швейцаріи, одинъ городъ въ средней Франціи (*Sublains* въ Мэнѣ, *Maupenne*), одна мѣстность въ Панноніи, одна волость общины *Плаценціи* (*Піаченчѣ*) въ сѣверной Италіи. Въ приведенныхъ географическихъ наименованіяхъ уже содержатся нѣкоторые указанія на единство языка, которымъ говорило широко распространенное Кельтское племя. Тѣмъ не менѣе трудно предполагать, чтобы это единство исключало всякія діалектическія отличія и уже прямо доказывало полную этнографическую однородность состава. По мнѣнію Тьерри, оно распадалось на двѣ вѣтви съ существеннымъ различіемъ и въ языкѣ, и въ внѣшнемъ характерѣ, и въ нравахъ. Тьерри развилъ теорію о двойственности Кельтской расы. Точкою отсчета для него служатъ слова Юлія Цезаря: не говоря объ Аквитанахъ, еще раньше выдѣленныхъ нами, Цезаря различаетъ среди населенія Галліи собственныхъ Галловъ, которые сами называли себя Кельтами, отъ Белговъ, которые живутъ къ сѣверу отъ Марны и на востокъ отъ Сены. Страбонъ подтверждаетъ слова Цезаря, но говоритъ, что поселенія Белговъ тянутся далѣе на югъ и на юго-западъ между Сеною и Луа-

рою. Эти замѣчанія древнихъ писателей Тьерри искусно иллюстрируетъ чертами различія между обѣими вѣтвями Кельтскаго племени, замѣчаемыми и теперь. Именно онъ обращаетъ вниманіе на двойственность кельтическаго населенія Британіи и видитъ подтвержденіе своей теоріи въ раздѣленіи ихъ на жителей Валлиса, называющихъ свое нарѣчіе кимранкъ (*langue cymraïque*), а самихъ себя Кимрами, и на жителей Шотландіи и Ирландіи, носящихъ названіе Гаэлловъ (*Gaidheal*). Такимъ образомъ является въ Англіи двѣ вѣтви Кельтскаго племени. Какъ же перевести это дѣленіе на древній языкъ? Жители Валлиса и Корнуоллиса, отвѣчаетъ Тьерри, — Кимры — несомнѣнно тѣ же Белги, потому что у Цезаря и у Тацита есть прямыя извѣстія, что Белги жили и въ Британіи, переходя туда изъ Галліи съ цѣлю войны или пріисканія новыхъ земель для поселенія. Остальные британскіе Кельты, то-есть, Гаэлы, соотвѣтствуютъ собственнымъ Кельтамъ или Галламъ Цезаря и вмѣстѣ съ ними составляютъ одну семью. Если обратить вниманіе на географическое распространеніе, то подобное расположеніе племенъ можетъ пугаться въ объясненіи, и Тьерри, на основаніи соображеній географическихъ, возстановляетъ длинную исторію отношеній двухъ племенъ. Кимры явились позднѣе Гаэлловъ, врѣзались въ ихъ середину и раздѣлили ихъ пополамъ. Отсюда понятно, что на сѣверѣ Франціи и на югѣ Британіи, то-есть, внутри помѣстились Кимры (Белги) и стали распространяться во Франціи по направленію къ югу отъ Сены, а Гаэльское (собственно Галльское) племя, разрѣзанное пополамъ, осталось въ Шотландіи и Ирландіи и въ восточной Франціи.

Теорія Амедея Тьерри, построенная на остроумномъ, но довольно произвольномъ сопоставленіи древнихъ извѣстій съ новыми наблюденіями, нашла себѣ неожиданное подкрѣпленіе изъ сферъ естественнонаучныхъ; она привлекла вниманіе извѣстнаго натуралиста Вильяма Эдвардса и вызвала появленіе вышеназваннаго письма къ Тьерри о физиологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи. Выходя изъ совершенно новыхъ основъ, именно изъ данныхъ физиологій, Эдвардсъ приходитъ къ тому же выводу, къ которому пришелъ и Тьерри, и тѣмъ подтверждаетъ его теорію. Эдвардсъ объѣхалъ большую часть странъ, имѣющихъ отношеніе къ изданной Тьерри исторіи Галловъ. Отправляясь отъ того, всѣми теперь признаваемого принципа, что антропологическіе характеристическіе признаки наследственны, и что, не смотря на всяческія иностранныя нашествія, туземная раса, почти всегда преобладающая численно, со-

часть ссхххх, отл. 2.

храняетъ свой типъ, онъ отыскивалъ древнихъ Галловъ въ современныхъ населеніяхъ Франціи и нашелъ два отличные другъ отъ друга типа: съ одной стороны, обратило его вниманіе населеніе великорослое, съ овальною продолговатою головою и блѣдыми волосами, съ другой—средняго роста съ округленною головою и черными волосами. Настоящее заставило его сдѣлать заключеніе относительно существованія и въ прошломъ двухъ вѣтвей Кельтическаго племени, изъ коихъ одна, соответствующая первому типу, должна называться, какъ у Тьерри, Кимрскою, а другая, соответствующая второму типу, — Галльскою. Нужно признать, что наблюденія Эдвардса, дополненные потомъ имъ самимъ, фактически совершенно правильны; они были подтверждены позднѣйшими совершенно методическими и точными изслѣдованіями знаменитаго антрополога, недавно умершаго доктора Брокъ (Paul Broca). Что касается роста, перваго и наиболѣе важнаго признака, выставленнаго Эдвардсомъ, то Брокъ собралъ статистическія данныя, относящіяся къ рекрутскимъ наборамъ (конскрипціи) въ разныхъ департаментахъ Франціи за много лѣтъ, при чемъ оказалось, что случаи исключенія по малорослости въ однихъ встрѣчаются гораздо чаще и больше, чѣмъ въ другихъ. На картѣ, которая на этомъ основаніи была составлена, оказались два пояса: одинъ соответствовалъ Галліи Бельгійской или Кимрійской, а другой поясъ простирался отъ Альпъ къ Бретани и заключалъ въ себѣ всю центральную массу Франціи—съ отличительнымъ признакомъ низкаго роста; по срединѣ оставались нѣсколько департаментовъ съ населеніемъ посредственнаго роста вслѣдствіе, нужно думать, смѣшенія породъ. Вѣстѣ съ тѣмъ получила, по видимому, новое блистательное подтвержденіе и общая доктрина историка, за исключеніемъ его частнаго мнѣнія о принадлежности Армориканцевъ (Бретонцевъ) къ Кимрской вѣтви; Арморика прямо связывалась черною краскою, означающею малорослость, съ центральною массою, и оказывалась, слѣдовательно, не принадлежащею къ великорослому поясу. Кромѣ роста, Эдвардсъ указывалъ на форму головы, что въ сущности у него означало форму лица, но не черепа; наблюденіе основывалось на глазомѣрномъ сравненіи наибольшей ширины лица съ разстояніемъ между двумя пунктами, опредѣляющими его длину, то-есть, между мѣстомъ, гдѣ начинаются корни волосъ, и оконечностію подбородка: лицо Галловъ имѣло округленную форму, лицо Кимровъ—овальную. Это наблюденіе, хотя и важное, замѣняется теперь у антропологовъ болѣе точнымъ, но за то и болѣе затруднительнымъ измѣреніемъ собственно черепа, опредѣленіемъ такъ-на-

зывается головнаго указателя. Двѣ величины, входящія въ него, суть: а) передне-задній діаметръ, простирающійся отъ надпереносья къ самой выдающейся назадъ точкѣ черепа, къ наибольшей затылочной точкѣ, и б) поперечникъ наибольшей ширины, получающійся, какъ показываетъ названіе, на мѣстѣ наибольшей ширины, гдѣ бы оно ни пришлось. Отношеніе наибольшей ширины къ наибольшему переднезаднему поперечнику и есть головной указатель ¹⁾; онъ измѣняется у человѣческихъ расъ отъ 71, 40 (у Гренландцевъ), до 85, 63 у Лапландцевъ (для отдѣльныхъ череповъ крайности больше); на основаніи его черепа раздѣляются на длинныя и короткія, и человѣческія породы — на долихокефаловъ (длинноголовыхъ) и брахикефаловъ (короткоголовыхъ), при чемъ допускаются еще средніе терминъ ²⁾.

Возвращаясь къ теоріи Амедея Тьерри и наблюденіямъ Эдвардса, мы опять должны признать, что за вышеозначеннымъ исключеніемъ, она сохраняетъ свое значеніе и въ виду этой новой, болѣе научной классификаціи. Формѣ лица соотвѣтствуетъ, конечно, извѣстная форма черепа; Кимры оказываются долихокефалами, а другіе Кельты, Гаэлы Тьерри — брахикефалами. Въ первомъ своемъ мемуарѣ „О фзіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ“, извѣстномъ намъ по переводу Грановскаго, Эдвардсъ не говорилъ ничего о цвѣтѣ волосъ, а только о ростѣ и чертахъ лица; но въ своемъ позд-

¹⁾ Его формула такая:

$$\frac{\text{Н. шир.} \times 100}{\text{Попер. пер.-зад.}}$$

См. Антропология Топпинара (переводъ подъ редакціею Мечникова. С.-Петербургъ, 1879), стр. 224, 225.

²⁾ Для обозначенія среднихъ череповъ Брокъ ввелъ терминъ среднеголовыхъ, месатикефаловъ, который теперь и принятъ всѣми. Но такъ какъ область обихъ крайнихъ группъ оказывалась на практикѣ все-таки слишкомъ обширною, то Брокъ прибавилъ еще два обозначенія: *подъ-длинноголовые*, для менѣе длинныхъ череповъ, и *подъ-короткоголовые*, для наименѣе круглыхъ череповъ. Итакъ получилось пять подраздѣленій, границы которыхъ опредѣляются слѣдующимъ образомъ:

длинноголовые: указат.	75,00
и менѣе	
подъ-длинноголовые	. 75,01 — 77,77
среднеголовые	. . . 77,78 — 80,00
подъ-короткоголовые	. 80,01 — 83,33
короткоголовые	. . . 83,31 и большіе

См. Антропология Топпинара, стр. 226.

нѣйшемъ трудѣ о Газлахъ онъ дополнилъ свое описаніе тѣмъ, что призналъ за ними, какъ отличительный признакъ, волоса темнаго цвѣта; въ отличіе отъ другихъ Французовъ потомки Газловъ суть черноволосые брюнеты; при этомъ само собою бросалось въ глаза преобладаніе этого типа на югѣ и значительная его распространенность даже на сѣверѣ, гдѣ встрѣчается бѣлокурый типъ. Брокъ, съ своей стороны, вполне признаетъ результатъ наблюденій относительно цвѣта волосъ; онъ несомнѣнно болѣе темный въ одной области, чѣмъ въ другой.

Теорія Ам. Тьерри о двойственности Кельтской расы, поддержанная естественно-научными данными со стороны Эдвардса, долго считалась неопровержимой и была во Франціи общепринятымъ, можно сказать, официальнымъ ученіемъ, хотя, помимо разныхъ частныхъ недостатковъ, она оставляла совершенно неразъясненными причины такой существенной и коренной разницы между вѣтвями одного и того же племени. Возраженія противъ нея дѣлались и раньше, но только въ шестидесятихъ годахъ она нашла себѣ сильнаго и компетентнаго противника въ лицѣ Беллогэ. Въ сочиненіи, которое было уже названо, „Ethnogenie Gauloise“, онъ самымъ тщательнымъ образомъ обработалъ вопросъ о Кельтской расѣ. Первый томъ занятъ филологическими изысканіями. Онъ собралъ древне-кельтскія слова, всѣхъ около 320, разобралъ, какъ они могутъ относиться къ языкамъ двухъ кельтскихъ народовъ—Ирландскаго и Валлійскаго, и нашелъ, что они могутъ быть объяснены и тѣмъ, и другимъ, при чемъ предположеніе двойственности племени является совершенно излишнимъ. Второй томъ посвященъ изслѣдованію физіологическаго типа; въ обширномъ введеніи устанавливается основной анатомическій и историческій принципъ постоянства типовъ и незначительнаго вліянія вѣшной среды на измѣненія въ нихъ: типы прочно измѣняются только при скрещиваніяхъ при томъ подѣ условіемъ ихъ многократнаго и послѣдовательнаго повторенія, иначе опять возвращаются къ своей первоначальной чистотѣ; доказавъ свои основныя положенія многочисленными историческими примѣрами, собранными въ первомъ отдѣлѣ тома (Section I) Беллогэ переходитъ къ спеціальному своему вопросу, рассматриваетъ самымъ внимательнымъ образомъ всѣ дошедшія до насъ данныя о вѣшнихъ признакахъ древнихъ Галловъ и Кельтовъ, заключающіяся какъ въ литературныхъ извѣстіяхъ, постоянно указывающихъ на высокій ростъ, свѣтлые волосы и большіе суровые глаза Галловъ, просега согрога,

flava caesaries, truces oculi, — такъ и въ художественныхъ памятникахъ, и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ, которые мы передаемъ его собственными словами:

„Мы можемъ резюмировать свѣдѣнія, говорить онъ, — нами собранныя о предметѣ нашего изученія, и должны представлять себѣ Галловъ первыхъ временъ ихъ исторіи людьми высокаго роста, съ очень сильными членами, съ бѣлыми цвѣтомъ кожи, съ волосами длинными и свѣтлыми, даже красными, хриплыми и угрожающимъ голосомъ, страшнымъ взглядомъ и глазами, вѣроятно, голубыми. Одаренные большою мускульною силою и яростною стремительностію въ нападеніи, они не имѣли энергіи, чтобы выдержать долгій бой, имъ не доставало бодрости и терпѣнія, чтобы переносить утомленіе, или тяжелый трудъ. Конечно, съ точки зрѣнія антропологической это черты болѣе или менѣе поверхностныя, мѣняющіяся съ климатомъ, пищею и успѣхами цивилизаціи. Тутъ не оказывается никакого наблюденія остеологическаго, ничего такого, что касалось бы образованія черепа или даже чертъ и пропорцій лица. Однако эти черты достаточны въ нашихъ глазахъ, какъ и въ глазахъ всѣхъ древнихъ, для того, чтобы отличить совершенно Галловъ отъ всѣхъ южныхъ народовъ; онѣ даютъ намъ право на слѣдующія весьма важныя заключенія:

1) Физическія черты, приписываемыя древними Галльскою расѣ, вездѣ однѣ и тѣ же, въ Бельгіи, какъ и въ самомъ центрѣ Трансальпійской Галліи, при подошвѣ Аппенинъ, какъ и въ Бретани и въ Галатіи — онѣ обнаруживаютъ одинъ и тотъ же типъ; исторія не знаетъ въ немъ другаго измѣненія, кромѣ постепеннаго ослабленія, прогрессъ котораго мы прослѣдили отъ юга къ сѣверу, и которое сближало все болѣе и болѣе этотъ типъ съ южными населеніями. Это единство типа, не позволяющее отличить древняго Белга отъ собственнаго Галла, сѣверныхъ Галатовъ Діодора и Сеноновъ Италіи — отъ туземцевъ центральной Галліи, и которое потомъ обнаружится изъ знакомства съ произведеніями классической скульптуры — это единство имѣетъ непосредственнымъ слѣдствіемъ полное тождество расы. Итакъ, фізіологія приводитъ насъ къ тому же, какъ и філологія; еще разъ сокрушается и падаетъ знаменитый дуализмъ галльскій Амедея Тьерри, и это знаменитое различіе между Кимрами и Галлами, которое Эдвардсъ доказалъ открытіемъ ихъ соотвѣтственныхъ типовъ, — различіе, которое допущено было, какъ членъ символа вѣры (*article de foi*), всѣми нашими изслѣдователями,

хотя оно не было совсѣмъ извѣстно древности относительно Белговъ и Галловъ.

2) Но за то этотъ же результатъ находится въ прямомъ противорѣчій съ главными выводами, къ которымъ приходитъ филологическое изученіе. Языкъ доказываетъ совершенное различіе Германской расы и Галльской. Между тѣмъ не возможно отрицать сходства ихъ физическихъ типовъ: необходимо признать, что физиологія сближаетъ два племени, раздѣляемыхъ языкомъ. Все различіе состоитъ развѣ въ томъ, что наши свѣдѣнія даютъ Германской расѣ съ ея голубыми глазами и волосами еще болѣе свѣтлыми (различіе *flavus* отъ *gutilus*, *ξανθός* отъ *πορρός*) ростъ еще болѣе высокій и мягкость, нѣжность фибры меньшую, такъ что она дѣлала возможнымъ перенесеніе большихъ трудовъ. Итакъ, вотъ наши Галлы, къ великой радости Моке и Гольцмана (нѣмецкіе ученые, стремившіеся доказать принадлежность Галловъ къ германскому племени) готовы превратиться въ Германцевъ.

3) Наконецъ, третій выводъ, поразительный, есть только констатированіе факта, для всѣхъ очевиднаго, то-есть, что типъ галльскій, рассматриваемый въ своей совокупности такимъ, какъ его описали древніе, совершенно исчезъ въ трехъ четвертихъ Франціи и въ видѣ рѣдкихъ исключеній встрѣчается развѣ только въ очень ослабленномъ видѣ, то въ Бретани, то въ нѣкоторыхъ изъ сѣверныхъ департаментовъ. Онъ лучше сохранился въ Бельгіи, особенно во Фландріи,—но чѣмъ это объясняется? Точно также, какъ и въ Нормандіи—это вліяніе многочисленныхъ германскихъ элементовъ. Къ этимъ послѣднимъ скорѣе, чѣмъ къ галльской крови, восходятъ, вѣроятно, высокій ростъ, блѣлые волосы и голубые глаза большей части этихъ населеній. Какимъ образомъ, исчезъ этотъ типъ столь замѣтный, бывшій предметомъ постоянныхъ наблюденій древности, такъ что, не смотря на всяческую примѣсь, преобладаютъ все-таки физическіе признаки южныхъ народовъ даже и въ сѣверныхъ провинціяхъ Франціи? Какія причины вызвали такое удивительное превращеніе, которое началось, впрочемъ, еще раньше римскаго завоеванія и нѣсколько разъ останавливаемое германскими поселеніями, все-таки продолжало свой начатый процессъ?

Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, Беллогэ дополняетъ наблюденія, переходя, какъ онъ говоритъ,—изъ академіи наукъ въ академию художествъ; онъ рассматриваетъ изображенія Галловъ на разнаго рода медаляхъ съ изображеніями символическими или даже пред-

ставляющими боговъ греческихъ, римскихъ и галльскихъ, изображенія разныхъ лицъ на галльскихъ или вообще кельтскихъ монетахъ: не смотря на заимствованія и подражательность, галльскіе рѣзчики и монетчики въ концѣ концовъ придавали своимъ фигурамъ національныя черты, изъ коихъ главными являются удлиненность головы и выдающійся изгибъ носа; головы лицъ, носящихъ извѣстныя исторически галльскія имена, вообще представляютъ длинноголовый типъ. Всего любопытнѣе и всего важнѣе изображеніе Галла на знаменитой бронзовой медали, найденной въ Римини (*Aes grave ariminum*). На этой медали, найденной въ той области, гдѣ ни Тьерри, ни Эдвардсъ никакъ не предполагали присутствія Кимровъ, а допускали однихъ только чистыхъ Галловъ, изображенія представляютъ ту же характерную выпѣшность, тѣ же продолговатые лица и тѣ же призраки, о которыхъ свидѣлствуютъ авторы: длинная голова, лобъ, не много подающійся назадъ, соединяется сверху прямою линіей съ носомъ безъ замѣтнаго углубленія при его началѣ; самая форма носа представляется слегка изогнутою и конецъ его круто загнутымъ къ низу, губы—верхняя и нижняя—кажутся на одной линіи вслѣдствіе усовъ; наконецъ, подбородокъ круглый и рѣзко обозначенный. Это несомнѣнно тотъ самый типъ, который Тьерри и Эдвардсъ называли кимрскимъ, и тотъ самый типъ, который у древнихъ считался принадлежностью Галловъ, единственный засвидѣтельствованный историческимъ преданіемъ кельтскій типъ.

Выводъ Беллоге о единствѣ галльскаго или кельтскаго типа долженъ быть признанъ во всей силѣ. Уже и раньше нѣкоторые ученые находили противорѣчіе между описаніями Кельтовъ у древнихъ (большой ростъ, продолговатая голова, лимфатическое сложеніе, голубые глаза, блѣлокурные волосы) съ преобладающимъ типомъ новыхъ Французовъ (малый или средній ростъ, овальная голова, жилистое сложеніе, черные глаза и волосы). Беллоге принадлежит та заслуга, что онъ выставилъ противорѣчіе наиболѣе рѣзкимъ и научнымъ образомъ. Больше $\frac{2}{3}$ Французовъ, считающихся потомками Кельтовъ, не похожи на восстановленный наукой портретъ Галла, не обнаруживаютъ кельтическаго типа. Какъ же теперь объяснить, что этотъ сѣверный, чисто галльскій типъ исчезъ, и среди Французовъ преобладаетъ типъ южный? Беллоге утверждаетъ, что нынѣшніе Французы происходятъ въ массѣ, въ большинствѣ вовсе не отъ Кельтовъ, а отъ Лигуровъ и отчасти отъ Иберовъ. Замѣченная другими и отчасти при личныхъ наблюденіяхъ длинноголовость Басковъ, и соотвѣтствующій ха-

рактёръ изображеній головъ на древнихъ испанскихъ монетахъ заставили Беллогe усумниться въ значительномъ вліаніи иберійскаго элемента на образованіе преобладающаго французскаго типа, и обратиться къ Лигурамъ. Лигурійская раса когда-то населяла большую часть Франціи, и хотя была подчинена политическому господству позвѣе пришедшихъ Кельтовъ, но сохранила свое преобладающее этнографическое значеніе и повліяла на исчезновеніе сѣверно-Кельтскаго типа, который сохранился только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было сильное воздѣйствіе германскаго элемента. Къ подобному же выводу приходятъ и новѣйшіе натуралисты.

Взглядъ о не арійскомъ происхожденіи Французовъ очень не понравился кельтоманамъ, и самый видный ихъ представитель, Анри Мартэнъ, немедленно возсталъ противъ мнѣнія Беллогe. Зачѣмъ вводить въ вопросъ Лигуровъ, говоритъ онъ; — это, конечно, упрощаетъ дѣло, но за то вовлекаетъ въ новое заблужденіе. Галлы, если разумѣть подъ этимъ названіемъ чистыхъ Кельтовъ, не одни прибыли въ западную Европу: они увлекли съ собою многія другія арійскія племена, а можетъ быть, и туранскія орды. Между Арійскими племенами были и Славяне: тутъ Мартэнъ сопоставляетъ названіе Венетовъ, которые жили въ обѣихъ Британіяхъ и на Адриатикѣ, съ Венетами (Вендами), прибалтійскимъ племенемъ славянскаго происхожденія, предками нѣкоторыхъ нынѣшнихъ Славянскихъ племенъ, въ особенности Поляковъ, и полагаетъ, что во французскомъ языкѣ можно найти гораздо больше словъ, родственныхъ съ языкомъ славянскимъ, чѣмъ съ бакскимъ или близкимъ къ нему языкомъ. Такимъ образомъ Мартэнъ предпочитаетъ родство со Славянами родству съ Лигурами. Но высказанныя имъ мнѣнія мало основательны и прямо направлены къ тому, чтобы отбиться отъ непріятной для кельтомана мысли о присутствіи, даже преобладаніи неарійской крови въ жилахъ французской націи.

Большая часть Французовъ — едва ли потомки древнихъ Галловъ или Кельтовъ. Во Франціи восторжествовалъ лигурійскій и иберійскій, или лигуро-иберійскій типъ, который и наложилъ яркую печать своихъ физиологическихъ признаковъ на современныхъ Французовъ. Если мы будемъ примѣнять выводъ этотъ дальше, относимъ его къ нравственной сторонѣ Французовъ, то замѣтимъ интересное противорѣчіе съ общепринятымъ мнѣніемъ объ унаслѣдованіи Французами главныхъ основъ своего нравственнаго характера отъ древнихъ Галловъ. Принято говорить, что пылкіе Французы по нравственному

типу и темпераменту напоминаютъ Галловъ: они подвижны, непостоянны, склонны къ быстро проходящимъ увлеченіямъ (*mobilitas animi*), пристрастны къ вѣшнему блеску и военной славѣ. Еще Катонъ Старшій говорилъ, что „*Pleraque Gallia duas res industriosissime persequitur: rem militarem et argute loqui*“ (*Origines*, II, frag. 2), да и теперь во Франціи высоко цѣнятся *esprit* и *gloire militaire*. Самые основательные и серьезные писатели и мыслители Франціи, напримѣръ, Токвиль и Мишле, обращаютъ вниманіе на рѣшительное сходство Французовъ съ Кельтами по характеру. Странное явленіе, если посмотрѣть на него съ точки зрѣнія Беллоге: наслѣдственности фیزیологической отъ Кельтовъ нѣтъ, а нравственное сходство съ ними весьма значительно. Беллоге, конечно, не могъ не замѣтить этого противорѣчія, и онъ объясняетъ его съ своей точки зрѣнія довольно любопытнымъ и остроумнымъ образомъ. Соотвѣтственно съ своею теоріею онъ находитъ, что не всѣ черты нравственной природы Французовъ сходны съ чертами характера Кельтовъ; въ нравственномъ обликѣ Француза замѣчаются черты и другихъ прародителей. Но объ этомъ подробнѣе мы будемъ говорить ниже, когда займемся характеристиккою Кельтскаго племени; теперь же насъ главнымъ образомъ интересуетъ вопросъ объ его фیزیологическихъ признакахъ и физическомъ сродствѣ. Въ этомъ отношеніи книга Беллоге составляетъ эпоху, его основныя положенія въ сущности остаются весьма мало измѣненными, даже и послѣ блестящихъ изслѣдованій Брокъ. Въ главной своей статьѣ, относящейся къ нашему вопросу, „Кельтическая раса древняя и новая“, помѣщенной во французскомъ Антропологическомъ обзорѣ¹⁾, этотъ знаменитый ученый, по видимому, опять сближается съ воззрѣніями Тьерри и принимаетъ двойственность Кельтическаго племени, замѣняя только неудачные термины „кимрскій и галльскій“ болѣе древними и подлинными „Кельты и Белги“, при чемъ первое слово принимается совершенно въ томъ же смыслѣ, какой оно имѣетъ у Цезаря („Галлы, которые на своемъ языкѣ называютъ себя Кельтами“), и сверхъ того, Бретонцы (древніе Армориканцы) относятся къ Кельтамъ, а не къ Белгамъ (Кимрамъ). Кельты и Белги, по воззрѣнію Брокъ, представляютъ двѣ главныя вѣтви галльской національности; антропологическіе характеристическіе признаки обѣихъ вѣтвей и теперь еще удерживаются, болѣе или менѣе измѣненныя вслѣдствіе скрещиванія: Белги имѣли вы-

¹⁾ *Race celtique ancienne et moderne: Revue d'anthropologie*, II, 577 — 628 (ann. 1873).

сокій ростъ, волосы и глаза свѣтлаго цвѣта и долихоцефальный черепъ, Кельты были болѣе низкаго роста, имѣли болѣе темный цвѣтъ волосъ и черепъ брахикефальный. Горные Овернѣйцы и въ меньшей степени Нижне-Бретонцы, а также Бритты Велса (Валлиса), сохранили типъ Кельтской расы, къ которой въ древности принадлежали ихъ предки — Арверны, Армориканцы и пр. Но дѣло въ томъ, что собственно Кельтская порода Брокъ у него самого является уже вторичною и сложною, совсѣмъ не первоначальною. О своихъ Кельтахъ Брокъ говоритъ слѣдующее. Брахикефалія ихъ весьма трудно объяснима. Правда, что въ послѣднія времена (до-исторической) палеолитической эпохи (см. объ этомъ ниже), рядомъ съ расою или расами долихоцефаловъ, которые преобладали, существовала раса, которой черепъ былъ менѣе удлинениъ, но впрочемъ все-таки былъ месатикефальнымъ или подъ-брахикефальнымъ; еслибы этотъ послѣдній типъ возобладалъ въ Кельтскомъ собственно племени, то не было бы необходимости для объясненія брахикефаліи Кельтовъ прибѣгать къ предположенію чуждыхъ пришлыхъ элементовъ. Но Кельты не только подъ-брахикефалы, они рѣшительно короткоголовы, въ такой степени короткоголовы, какой мы не находимъ ни въ расахъ палеолитическихъ, ни въ неолитическихъ кладбищахъ. Итакъ, нужно допустить, что послѣ эпохи отбываго камня, и вѣроятно, къ концу эпохи неолитической, какая-то раса, очень короткоголовая, смѣшалась на нашей почвѣ съ туземными расами, и что она была довольно многочисленна, такъ что могла значительно измѣнить головной типъ. Этотъ фактъ можно сравнить съ другимъ, уже прежде замѣченнымъ и выставленнымъ на видъ; именно, что бронзовый періодъ и сооруженіе такъ-называемыхъ круглыхъ дольменовъ (round-barrows) начались на островѣ Британіи съ появленіемъ короткоголовой расы. Откуда пришла эта раса, имѣвшая свою родину, очевидно, не на сѣверѣ? Прежде чѣмъ ступить на берега Британіи, она должна была пройти страну, которая тогда еще не имѣла имени, и которая послѣ назвалась Галлією. Она могла проникнуть въ Галлію только со стороны Альпъ. Тамъ мы находимъ на югѣ расу Лигурійскую, которую напрасно смѣшиваютъ съ Иберійскою, и которую новѣйшія изслѣдованія позволяютъ считать очень короткоголовою ¹⁾. Потомки древнихъ Лигуровъ въ сѣверной Италіи имѣютъ: головной указатель болѣе 86. Именно эта брахике-

¹⁾ Брокъ имѣетъ въ виду и прямо ссылается на изслѣдованія *Nicolucci: La stirpe ligure in Italia ne' tempi antichi e moderni. Napoli, 1864.*

фація Лигуровъ, превосходящая короткоголовость Овернятовъ, самыхъ короткоголовыхъ представителей Кельтской расы, и можетъ служить хорошимъ объясненіемъ головнаго указателя Кельтовъ—при предпологаемомъ, конечно, смѣшеніи расъ. Итакъ, вѣроятно, что чрезъ альпійскую границу, еще ранѣе первыхъ проблесковъ исторіи, на почву Галліи проникъ этническій элементъ, сдѣлавшій Кельтовъ болѣе короткоголовыми, чѣмъ ихъ туземные предки; это былъ элементъ лигурійскій. Значеніе его въ образованіи Кельтской расы имѣетъ первостепенную важность; именно его вліяніе обособило Кельтовъ въ отдѣльную расу, совершенно отличную, по взгляду П. Брокъ, отъ Белговъ. Родство Кельтовъ съ Белгами или Кимрами, по этому взгляду, основывается только на позднѣйшемъ фактѣ завоеванія и политическаго подчиненія, и потомъ развѣ на сходствѣ еще болѣе первоначальнаго, до-историческаго племеннаго слоя. Кельтская раса во времена Юлія Цезаря простиралась на сѣверѣ только до Сены и Марны, но очень вѣроятно, говоритъ Брокъ,—что она нѣкогда занимала, по крайней мѣрѣ, южную часть Бельгійской Галліи; пришедшая позднѣе изъ-за Рейна, сѣверная и бѣлокурая Кимрская раса оттѣснила ее на югъ, отчасти покорила, отчасти поглотила; на сѣверѣ Галліи эта послѣдняя раса осталась преобладающею въ отношеніи этнографическаго состава; на югѣ бѣлокурый типъ, не смотря на политическое господство, не былъ достаточно многочисленъ, чтобы восторжествовать надъ образовавшимся изъ разныхъ элементовъ кельтскимъ. Такъ какъ Кельтская раса Брокъ въ фізіологическомъ отношеніи сложилась ранѣе прихода бѣлокураго сѣвернаго элемента, соотвѣтствующаго нашему галльскому, подъ наибольшимъ вліяніемъ Лигуровъ, то собственно говоря, онъ могъ бы гораздо правильнѣе называть свою Кельтскую расу Лигурійскою, не отступая отъ Беллоге и въ терминологіи, какъ онъ сходится съ нимъ въ сущестѣ дѣла. Названіе короткоголовой расы, утвердившейся въ центрѣ и на югѣ Франціи, Кельтами по своему происхожденію все-таки относится къ періоду позднѣйшему, къ періоду политическаго господства здѣсь сѣверной бѣлокурой или Кимрской расы, даже въ сущности выражаетъ фактъ этого господства, относится собственно къ пришлымъ побѣдителямъ. Напрасно Брокъ даетъ выраженію Кельтъ слашкомъ тѣсное и узкое значеніе. Онъ говоритъ, что оттѣснившіе черноволосую короткоголовую расу племена сами не были Кельты ни по имени, ни по племени; по его мнѣнію, совершенно напрасно и наперекоръ исторіи и антропологіи новыя ученые простираютъ на-

именованія Кельты и Кельтская раса на населеніе острововъ Британскихъ, Бельгійской Галліи, сѣверной Германіи до Балтійскаго моря, даже до Скиѳіи; эти народы, будто бы, никогда не носили имени Кельтовъ и не имѣли физическихъ признаковъ этой расы (I. c. pag. 625). Не говоря уже о томъ, что Брокъ забываетъ о допускаемомъ имъ самимъ проходѣ черезъ Галлію въ Британію короткоголовой Лигурійской расы, собственно и сообщившей его Кельтамъ ихъ особенный физическій характеръ, онъ недостаточно принялъ въ разсчетъ филологію. Изъ всѣхъ древнихъ писателей Брокъ признаетъ только Юлія Цезаря; въ извѣстной фразѣ его: „Галлы, которые называютъ себя Кельтами“, дѣйствительно слову Кельты придано спеціальное тѣсное значеніе; но есть цѣлый рядъ другихъ писателей, начиная съ Полибія, которые употребляютъ то же выраженіе въ обширномъ смыслѣ, прилагая его, какъ къ жителямъ сѣверной Италіи, такъ и другихъ частей Европы. Очень обычное явленіе, что народныя имена имѣютъ два значенія, частное и общее. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія и одобренія мнѣніе, поддерживаемое однимъ изъ лучшихъ современныхъ французскихъ кельтологовъ (d'Arbois de Jubainville), что выраженіе Кельтъ, встрѣчающееся въ первый разъ у Гекатея (половина VI вѣка до Р. Х.), первоначально у самихъ Кельтовъ означало только одну вѣтвь племени, жившую между Гаронною, Сеною и Марною и прежде всѣхъ другихъ сдѣлавшюся извѣстною Грекамъ, которые утвердились по сосѣдству—въ Массиліи (Марсели), но затѣмъ, разъ проникши въ языкъ греческій, оно получило болѣе обширное значеніе, было распространено на другія вѣтви той же національности, стало у Грековъ означать всѣхъ континентальныхъ Кельтовъ, хотя въ національномъ кельтскомъ языкѣ и были особыя наименованія для отдѣльныхъ вѣтвей. Точно такимъ же образомъ названіе Волковъ, *Volcae*, первоначально принадлежавшее одному небольшому племени на сѣверѣ Дуная, высланному впослѣдствіи колонію въ южную Францію, получило у другихъ сосѣдей Кельтскаго племени общее значеніе, какъ названіе цѣлой расы: *Volca* соотвѣтствуетъ нѣмецкому *Valah* и славянскому Вѣлахъ. Соотвѣтствующее слову Кельтъ, собственно латинское выраженіе „Галль“ тоже употребляется для обозначенія всѣхъ континентальныхъ Галловъ; оно прилагается не только къ Галліи и сѣверной Италіи, но и къ Галламъ (Кельтамъ) Испаніи, Германіи и восточной Европы (напримѣръ, у Тита Ливія).

Нѣтъ необходимости разбирать другія теоріи, основываемыя на

признаніи двойственности внутри самаго Кельтическаго племени или же на разліченіи въ немъ двухъ совершенно отличныхъ составныхъ частей. Объ одной изъ этихъ теорій, связанной съ новыми открытіями до-исторической археологіи (теорія А. Бертрана), рѣчь будетъ ниже. Что же касается весьма обширнаго новѣйшаго труда въ этой области, именно книги Лемьера (*Etude sur les Celtes et les Gaulois*), то, не смотря на всю начитанность и ученость автора, мы не можемъ признать его результатовъ достаточно серьезными ¹⁾. Въ вопросахъ подобнаго рода нельзя теперь ограничиваться подборомъ и простымъ сопоставленіемъ извѣстій, равныхъ случайныхъ и отрывочныхъ замѣтокъ, оставленныхъ намъ древними, нельзя игнорировать данныхъ, сообщаемыхъ антропологіей и археологіей, измѣненіемъ череповъ старыхъ и новыхъ, изученіемъ кургановъ и находимой въ нихъ домашней утвари и оружія. Между тѣмъ именно таковъ методъ Лемьера. Да кромѣ того, и при оцѣнкѣ литературныхъ своихъ источниковъ, при выборѣ того, что нужно принять и что отвергнуть, онъ совсѣмъ не соблюдаетъ основныхъ законовъ критики; позднее и несамостоятельное извѣстіе имѣетъ для него такую же цѣну, какъ и то, которое идетъ отъ перваго свидѣтеля или изъ глубокой древности; показаніе Діодора или даже Полибія столько же вѣситъ, сколько какое-нибудь недоразумѣніе, либо искаженіе позднѣйшаго Византіяда. Съ такими приемами онъ достигаетъ слѣдующихъ результатовъ: 1) Галлы и Кельты должны быть различаемы какъ два совершенно отличныхъ племени; 2) Кельты составляли первоначальное населеніе не только нынѣшней Франціи, но также Италіи, Балканскаго полуострова и даже западной Азіи; они тождественны съ Пелазгами и древними Фракійцами; 3) Галлы же соотвѣтствуютъ древнимъ Скивамъ, жителямъ сѣверной Европы, и тождественны съ Германцами. Такимъ образомъ, сверхъ всего, прочаго здѣсь подновляется давно отвергнутая теорія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ (Гольцмана и др.) о принадлежности Галловъ къ Германскому племени, которую въ настоящее время даже опровергать было бы излишне. (См. Георгіевскаго, Галлы, стр. 38, 50 и сл.). Къ различенію же Галловъ и Кельтовъ, принимаемому хотя совершенно въ другомъ смыслѣ самимъ виднымъ представителемъ французской

¹⁾ Судя по отзывамъ французской критики, не отличается научнымъ характеромъ и другая книга о томъ же предметѣ, появившаяся въ послѣднее время: *Bois et Pontmère, Histoire nationale des Gaulois sous Vercingetorix* (Paris, 1881). Мы поэтому не считали необходимымъ и обязательнымъ ознакомленіе съ нею.

археологін, мы еще возвратимся. Однако, заранее скажемъ, что мы не находимъ причинъ отказаться отъ высказаннаго нами предпочтенія къ выводамъ Беллогэ и Брокъ. Такимъ образомъ мы принимаемъ: 1) что Лигурійская короткоголовая раса представляетъ основной этнической элементъ населенія южныхъ и западныхъ странъ Европы; 2) что отъ него отлично Иберійское племя, также весьма распространенное и оставившее несомнѣнные слѣды своего существованія въ Испаніи, а также въ южной Франціи до Гаронны, и 3) что Галлы и Кельты, длинноголовая и бѣлокурая сѣверная раса, явились здѣсь, то-есть, въ Галліи и Британіи, сравнительно поздними завоевателями.

То или другое рѣшеніе вопросовъ о Галлахъ и Кельтахъ имѣетъ прямое отношеніе къ проблемѣ образованія нынѣшней Британской или Англійской націи. Недавнія воззрѣнія на этотъ предметъ англійской науки характеризуются достаточно сочиненіями Пайка (Pike) и Никелеса (Nicholas), и хотя эти воззрѣнія уже являются нѣсколько отсталыми, мы считаемъ нелишнимъ съ ними познакомиться. Кто хочетъ лучше и живѣе понимать значеніе и важность, даже смыслъ новыхъ научныхъ положеній, тотъ долженъ интересоваться ихъ отношеніемъ къ недавно господствовавшимъ старымъ теоріямъ. Оба сочиненія одинаково направлены противъ крайностей тевтонизма, противъ увлеченія историческою системою, которая единственными предками Англичанъ считаетъ Германскихъ завоевателей V вѣка, то-есть, Англовъ и Саксовъ, и предполагаетъ, что все кельтическое населеніе въ первоначальной области завоеванія подверглось всецѣлому истребленію. Опровергая это положеніе при помощи всѣхъ относящихся сюда историческихъ и филологическихъ данныхъ, которые намъ здѣсь пока не мѣсто оцѣнивать,—замѣтимъ только, что по нашему мнѣнію, въ обоихъ трудахъ они толкуются не особенно строго и научно—Пайкъ и Никелесъ выставляютъ сверхъ того одинъ и тотъ же фізіологическій аргументъ, именно—существованіе среди современнаго англійскаго населенія на островѣ двоякаго типа людей, изъ коихъ только одинъ можетъ быть признанъ чисто германскимъ или англо-саксонскимъ, а другой, отличающійся самымъ нагляднымъ образомъ по цвѣту волосъ, будетъ, конечно, кельтскимъ. Для насъ очень любопытно, по какимъ именно признакамъ опредѣляется типъ кельтскій или британскій. Передаемъ вкратцѣ разсужденія втораго болѣе поздняго и болѣе обстоятельнаго изслѣдователя. Если наблюдатель, отказавшись отъ изслѣдованій въ самой столицѣ Великобританіи, гдѣ господствуетъ крайняя пестрота и разнообразіе пришлыхъ и чуждыхъ элементовъ,

обратится къ центру англійскаго населенія на островѣ, изберетъ пунктъ, менѣе подверженный чуждымъ влияніямъ; и послѣдствіе того, сохраняющій въ большей чистотѣ основной типъ Британскаго народа, соотвѣтствующій, положимъ, времени короля Альфреда, когда Бритты и Англо-Саксы сплавились въ одну твердую массу, однимъ словомъ, если наблюдатель отправится въ Винчестеръ, Лейчестеръ или Ланкастеръ, то онъ все-таки встрѣтится съ разнообразіемъ, однако не въ такой подавляющей и смущающей степени. Онъ замѣтитъ присутствіе двухъ расъ, Кельтской и Тевтонской, съ весьма ясно выраженными главными чертами, онъ замѣтитъ гораздо большее приближеніе къ единству и однообразію, чѣмъ это было бы на лондонскихъ улицахъ, хотя, конечно, чистую Кельтскую породу съ трудомъ найдешь теперь даже въ Вельсѣ, а равнымъ образомъ нигдѣ на Британскихъ островахъ не отыщешь чистаго Тевтона. Мы должны довольствоваться описаніями древнихъ и результатами новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій. Какія же, по свидѣтельству древнихъ писателей, были отличительныя физическія черты Кельтовъ и Тевтоновъ, и какія заключенія относительно ихъ сдѣлапы наукою? Мы можемъ ограничиться только двумя существеннѣйшими и характеристичными признаками: цвѣтомъ волосъ и формою черепа. Что касается цвѣта волосъ у Тевтоновъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что, по мнѣнію греческихъ и римскихъ писателей, какъ историковъ, такъ и поэтовъ, древніе Германцы были свѣтловолосы или даже имѣли золотистый и рыжій цвѣтъ волосъ; Тацитъ говоритъ о *rutilae comae*. И въ настоящее время соотвѣтствующій цвѣтъ волосъ распространенъ среди Германцевъ гораздо болѣе, чѣмъ у Англичанъ, особенно если при сравненіи мы будемъ болѣе держаться Скандинавскихъ народовъ, представляющихъ болѣе свободную отъ примѣсей Германскую расу. Теперь спрашивается: Представляетъ ли Англійскій народъ, о которомъ говорится, что онъ происходитъ отъ Германцевъ, тѣ же самыя характеристическія черты? Преобладаютъ ли среди его голубые глаза и золотистые или свѣтлые волосы? Нужно только открыть глаза, чтобы убѣдиться въ противномъ. Леди, которыя ради моды приобѣгаютъ къ искусственнымъ средствамъ туалета, чтобы сдѣлать свои волосы рыжими, свидѣлствуютъ о противномъ. Подлинный красный цвѣтъ составляетъ такую рѣдкость, что онъ обращаетъ на себя вниманіе въ толпѣ и на улицѣ. Въ двадцати большихъ собраніяхъ англійскихъ особъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ (а извѣстно, что въ дѣтствѣ многіе индивидуумы бываютъ болѣе свѣтловолосы, чѣмъ

впослѣдствіи) сосчитано было 20,000 человѣкъ и отмѣченъ цвѣтъ волосъ на головѣ каждого. Оказалось, что только одна четверть изъ этого числа имѣла цвѣтъ волосъ, склоняющійся къ красному или желтому. Въ Лондонѣ, на 6000 человѣкъ оказывается 4,500 черноволосыхъ и темноволосыхъ, 1,000 съ каштановымъ цвѣтомъ волосъ (light auburn), 350 блондурихъ и 150 рыжихъ (red). Подобныя наблюденія сообщаются намъ одинаково обоими авторами (см. Pike p. 134 и сл.), съ тѣмъ прибавленіемъ, что на сѣверѣ отношеніе нѣсколько измѣняется въ пользу свѣтловолосыхъ... Исторія и естественныя науки доказываютъ, что расы если и не абсолютно неизмѣнчивы, то вообще и въ цѣломъ, при отсутствіи посторонней примѣси, все-таки сохраняютъ постоянство въ своихъ характеристическихъ чертахъ. Слѣдовательно на тѣхъ, кто вѣрять въ англо-саксонское происхожденіе Англіійской націи, лежитъ обязанность объяснить это странное и далекое уклоненіе отъ первоначальнаго типа. Какимъ образомъ Англичане сдѣлались темноволосою расою? Сама собою представляется гипотеза, что англо-саксонская порода видоизмѣнилась подъ вліяніемъ кельтическихъ туземцевъ Британіи. Точная наука, по видимому, подтверждаетъ эту догадку. Но можно ли быть увѣреннымъ, что Кельты и между ними древніе Бритты были темноволосы?.. Къ сожалѣнію, отвѣтъ автора на этотъ послѣдній вопросъ, имъ самимъ поставленный, неудовлетворителенъ. Доводы его въ пользу утвердительнаго отвѣта заимствованы отъ настоящаго и прошедшаго. Нынѣшніе Валлисцы, хотя и не совсѣмъ свободны отъ примѣсей, въ цѣломъ суть все-таки наиболѣе чистые Кельты, какіе только существуютъ въ Британіи (за исключеніемъ, конечно, Ирландіи), а они народъ темноволосый. Если вникнуть въ дѣло, то этотъ аргументъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторый *circulum in demonstrando*. Нужно доказать, что нынѣшніе темноволосые Валлисцы—есть и свѣтловолосые—происходятъ отъ Кельтовъ, что возможно только при предположеніи темноволосости послѣднихъ, и опять предположеніе, что Кельты были темноволосы, доказывается тѣмъ, что таковы въ большинствѣ Валлисцы. Далѣе, Валлисцы были темноволосыми и въ средніе вѣка, и въ римское время. Относительно среднихъ вѣковъ это доказывается часто встрѣчающимися въ народной поэзіи и въ другихъ памятникахъ прозвищами, заимствованными отъ цвѣта лица и волосъ, и при томъ чаще всего отъ чернаго и рыжаго съ большимъ преобладаніемъ перваго. Доводъ сомнительный уже въ томъ отношеніи, что прозвища даются болѣе на основаніи выдающихся, рѣже встрѣчающихся признаковъ.

Наконецъ, что всего важнѣе, относительно древности приводимыя свидѣтельства оказываются неправильно истолкованными. Каледоняне тоже считаются теперь Кельтами, а Тацитъ прямо говоритъ, что волосы у нихъ были желтокрасные (*rutilao*); этому противопоставляется показаніе того же Тацита о темномъ цвѣтѣ волосъ у Силуровъ, но хотя Силуры по географическому положенію и могутъ считаться отчасти предками Валлисцевъ, за то съ другой стороны самимъ Тацитомъ они исключены изъ числа прочихъ народовъ Британіи и отпесены къ Иберійскому племени. Объ этихъ прочихъ народахъ тѣмъ же Тацитомъ замѣчено, что тѣ изъ нихъ, которые по положенію ближе къ Галліи, и внѣшнимъ своимъ видамъ похожи на Галловъ. Наши англійскіе изслѣдователи полагаютъ, что въ этомъ заключаются указаніе на черноволосость древнихъ Британцевъ, то-есть, другими словами они убѣждены, что континентальныя Галлы имѣли темный цвѣтъ волосъ. На чемъ же основывается такое мнѣніе, противорѣчащее общепринятому взгляду, вышеприведеннымъ соображеніямъ Беллогге и Брокъ? Не болѣе какъ на поверхностномъ и фальшивомъ объясненіи двухъ указаній, тоже идущихъ изъ древности, объясненіи, принадлежащемъ первоначально одному ученому французскому доктору и пропикшемъ и въ нашу литературу (см. Сочиненія Ешевскаго, I, 75. 76). Римскія дамы временъ имперіи смотрѣли съ презрѣніемъ на свои великолѣпныя черныя волосы и за дорогую цѣну доставали себѣ для париковъ бѣлокурныя изъ Германіи: мы будто бы не видимъ, чтобы промышленники обращались для этого въ Галлію. Но именно въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ Тертуліанъ обличаетъ римскихъ модницъ и для своего времени подтверждаетъ намъ любопытный фактъ, Галлія сопоставлена съ Германіей, какъ страна бѣлокурыхъ волосъ¹⁾; а римскіе поэты, какъ Проперцій (III, 18⁶), о выкрашенныхъ въ свѣтлую краску волосахъ прямо говорятъ, что постыдно видѣть белгійскій цвѣтъ (*belgicus color*) на римскомъ лицѣ и безумно подражать крашенымъ Бриттамъ. Если Проперцій разумѣетъ тутъ не природный цвѣтъ лица и волосъ, а знаменитое Галльское мыло (*sapo, savon*), то-есть, приготовляемую изъ козлинаго жира и буковаго пеня краску для окрашиванія волосъ, то все-таки Тибуллъ

¹⁾ De cultu femin II p. 157. Video quasdam capillum croco vertere. Pudet cas etiam nationis quod non Germaniae atque Galliae sint procreatae. Ita jam capillos transferunt... Въ другомъ мѣстѣ (pag. 178) Тертуліанъ, правда, говоритъ объ одной только Британіи. Ср. *Belloguet* II, 83. Ср. *Elton* p. 116, 241.

говорить о *flavi Carnuti* (Eleg. I, 7) и Луканъ о *flavi Britannii* (III, 78). Еще менѣе заслуживаютъ вниманія подробности, сообщаемыя Светоніемъ о триумфѣ Калигулы, тѣмъ болѣе что изъ нихъ, можетъ быть вовсе и не слѣдуетъ тѣхъ заключеній, которые выводятся нашими учеными, англійскими и русскими ¹⁾. Громадное большинство свидѣтельствъ во всякомъ случаѣ утверждаетъ противное, то есть, свѣтлый и блѣдный цвѣтъ волосъ у собственныхъ Галловъ или Кельтовъ: *Flava Gallia crine ferox*, говоритъ одинъ въ стихахъ; *cel-sioris staturae et candidi praene Galli sunt omnes et rutili*, пишетъ другой въ прозѣ, и т. д. Итакъ, съ точки зрѣнія первой основной характеристической черты родство черноволосаго англійскаго типа съ кельтскимъ, утверждаемое прежними англійскими изслѣдователями, представляется намъ не доказаннымъ. Что касается втораго признака, формы черепа, то авторъ „Родословной Англичанъ“ (*the Pedigree of the English*) утверждаетъ, ссылаясь на Ретціуса, что преобладающая форма головы въ Вэльшъ, въ Ирландіи и въ кельто-англійскихъ округахъ Кумберланда, Сомерсета, Девона и Корнуэльса, есть длинно-овальная, и что такой же типъ господствуетъ и вообще въ Англіи—съ нѣкоторыми исключеніями отъ присутствія позднѣйшей датской и Норманнской примѣси. Будучи, вообще говоря, короче древняго кельтскаго, и можетъ быть, въ цѣломъ нѣсколько короче новѣйшаго

¹⁾ Светоній разсказываетъ, что Калигула, не рѣшившись пуститься въ опасный походъ въ самую Германію, а выѣсть съ тѣмъ желаніемъ получить триумфъ за своими своимъ победы надъ Германцами, которыхъ онъ не видалъ въ глаза, придумалъ слѣдующее средство, чтобы обмануть римское населеніе: Онъ велѣлъ набрать въ Галліи высокорослыхъ Галловъ и выкрасить имъ волосы въ рыжеватый цвѣтъ, чтобы придать имъ сходство съ Германцами и выдать ихъ за германскихъ плѣнниковъ... Если Галлы не отличались высокимъ ростомъ, и если нужно было красить имъ волосы, то они были малорослы и темноволосы... *Египетскій* I, 75. Но, въ первый разъ можетъ быть, британская экспедиція Калигулы вовсе не была такимъ шармомъ, какимъ она представлена у Светоніемъ, и сообщенныя подробности суть только отголосокъ городскихъ слуховъ и злоречій, въ чемъ Римъ не уступалъ никакой другой столицѣ; Светоній же, какъ извѣстно, былъ большой до нихъ охотникъ (Ср. *Merival*, *History of the Romans under the empire* V, 449); и повторныхъ предположеній даже полную достоверность извѣстій, служившихъ бы для согласенія его съ другими свидѣтельствами о ростѣ и цвѣтѣ волосъ Галловъ понимать дѣло такъ, что Калигула выбиралъ изъ среды Галловъ высокорослыхъ для достиженія *полнаго* сходства съ Германцами, которые все-таки въ общемъ были еще болѣе высоки ростомъ, чѣмъ Галлы, и равнымъ образомъ для *довершенія* сходства, красилъ волосы свѣтлорусыхъ Галловъ въ желто-красный цвѣтъ.

вельскаго (валлійскаго), англійскій черепъ весьма мало похожъ на четверугольную (square), широкую или же сфѣрическую (globular) скандинавскую или германскую голову. Относительно германскаго черепа можно принять за несомнѣнное слѣдующія два положенія: 1) типическій германскій черепъ широкій и коротко-овальный, и 2) существуетъ рѣшительное сходство между старыми англо-саксонскими черепами, находимыми на англійскихъ кладбищахъ, и типическимъ германскимъ черепомъ. Спрашивается: какъ же объяснить, что потомки квадратноголовые воинственные Саксы не только въ перепосномъ смыслѣ, но и въ дѣйствительномъ физическомъ значеніи этого выраженія, сдѣлались „длинноголовыми“ (long-headed)? Мы рѣшаемся утверждать, заключаетъ Nicholas, на основаніи научныхъ (то-есть, естественно-научныхъ) и археологическихъ открытій, что они получили черепа кельтскаго типа вслѣдствіе смѣшенія и сліянія (amalgamation) съ Кельтскою расою. Однако, мы знаемъ, что собственно галльскій или кельтскій типъ тоже былъ длинноголовый, и что брахикефальность первоначально принадлежала другому племени. Съ точки зрѣнія втораго основнаго признака происхожденію преобладающаго англійскаго типа отъ Кельтовъ представляется сомнительнымъ почти въ такой же степени, какъ и его происхожденіе отъ Англо-Саксовъ, или вообще отъ Германскихъ племенъ. Ясно, что помимо Кельтовъ и Германцевъ необходимо предположить вліяніе еще другихъ основныхъ элементовъ. Новѣйшіе англійскіе ученые обращаются къ Иберійскому племени, которое мы, слѣдуя Беллогу и Брокъ, могли бы замѣнить Лигурійскимъ, а затѣмъ къ остаткамъ расъ до-историческихъ (Dawkins, *Early man in Britain*. London, 1880), или же къ финскимъ породамъ и равнымъ образомъ къ до-историческимъ расамъ, оставившимъ въ Британіи многочисленныя и разнообразныя слѣды своей каменной цивилизаціи (Елтонъ). Здѣсь опять выступаетъ на сцену до-историческая археологія, съ основными выводами которой, очевидно, и намъ необходимо хотя отчасти познакомиться.

II.

Вопросъ объ отношеніи Кельтовъ къ предшествовавшему имъ населенію другихъ расъ не остановился на послѣднихъ выводахъ Беллога. Оказалось, что рѣшить задачу о первобытныхъ обитателяхъ Европы не такъ-то легко, что при этомъ обнаруживается такая масса неясныхъ пунктовъ, что необходимо дѣлается предположить суще-

ствование нѣсколькихъ самостоятельныхъ, послѣдовательныхъ слоевъ населенія. Въ этой области изученія жизни народовъ Европы въ давноминувшія времена сѣдой древности на помощь филологин и историн должна прійти наука, недавно еще родившаяся, юная, но внесшая уже въ общую сокровищницу человѣческихъ знаній весьма цѣнные вклады: мы говоримъ о до-исторической археологин, имѣющей своимъ предметомъ изученіе вещественныхъ памятниковъ исторической жизни народовъ съ цѣлю опредѣленія ихъ быта въ древнѣйшія времена. Исследуя остатки жизни исчезнувшихъ, или переродившихся народовъ, археологин различаетъ три главные періода или вѣка первобытной культуры человѣчества:

I) Каменный вѣкъ, предшествовавшій переселенію въ Европу Аріійскихъ народовъ,—вѣкъ, когда люди не знали еще употребленія металловъ, а дѣлали себѣ оружіе защиты и орудія для домашняго обихода изъ камня и кости, то-есть, изъ самаго простаго и прочнаго матеріала, для обдѣлки котораго не требуется ни большаго искусства, ни знаній; этотъ обширный періодъ до-исторической жизни Европы распадается на два отдѣла: 1) самый древній — періодъ нешлифованныхъ или отбивныхъ орудій, и 2) позднѣйшій — періодъ шлифованныхъ орудій, при чемъ нужно замѣтить, что послѣднее выраженіе очень не точно, такъ какъ первоначальный способъ добыванія орудій посредствомъ простаго отбиванія и оббиванія употреблялся еще долго послѣ того, какъ появились первые шлифованные топоры; теперь чаще употребляютъ выраженія: палеолитическая и неолитическая эпоха. Остатки каменнаго вѣка находятся во множествѣ на пространствахъ большей части Европы: во Франціи, по южнымъ берегамъ Балтійскаго моря, въ Швейцаріи, Давіи, южной Швеціи и Россіи, а также въ Италіи и Испаніи.

II) Бронзовый вѣкъ, когда люди выковывали уже себѣ оружіе и орудія изъ сплава олова и мѣди.

Наконецъ, III) Желѣзный вѣкъ, наиболѣе близкій къ историческимъ временамъ (Аріійцы, переселяясь въ Европу, уже знали употребленіе желѣза).

Во Франціи археологин открыто блестящее поле для изслѣдованій; тамъ осталось много памятниковъ невѣрно называвшихся друидическими, памятниковъ, которые съ усиліемъ изучаются археологами и проливаютъ новый свѣтъ на давнюю исторію Европы. Памятники эти принято въ наукѣ называть общимъ именемъ мегалитическихъ, такъ какъ они сдѣланы изъ огромныхъ дѣйстви-

ныхъ камней (*piéges vierges*) и обломковъ скалъ, не отдѣленныхъ человѣческою рукою, а оставленныхъ въ томъ видѣ, какъ они находились въ природѣ. Смотра по формѣ и расположенію мегалитическіе памятники дѣлятся на нѣсколько группъ: 1) Менгиры (*menhir*)—огромные камни, помѣщенные на землѣ въ столбчатомъ положеніи (*piéges levées*) и расположенные иногда такъ, что могутъ вращаться. 2) Дольмены (*dolmen*) — большія цѣльныя каменные плиты, сложенные такъ, что образуютъ подобіе стола или пещеры (4 камня) и гrotты, иногда солидныхъ размѣровъ. Англичане отбрасываютъ названіе менгиръ и называютъ оба эти вида дольменами, но мы будемъ держаться французской терминологіи. 3) Кромлехи (*Cromlech*)—группы огромныхъ камней, расположенныхъ массами, кругами, длинными галлереями, которыя тянутся въ глубинѣ долинъ и производятъ оригинальное, волнующее впечатлѣніе. 4) Къ числу этихъ остатковъ древнѣйшихъ вѣковъ нужно отнести еще особый видъ памятниковъ — курганы, земляныя насыпи особаго вида безъ присутствія на нихъ мегалитическихъ памятниковъ. Такимъ образомъ матеріала для археологіи является много, ученые усердно принялись за его изученіе и пришли къ весьма важнымъ соображеніямъ. Они поколебали прежде широко господствовавшее убѣжденіе, что мегалитическіе памятники представляютъ остатки жизни Кельтскаго племени. Оказалось, что подобнаго рода памятники встрѣчаются не только въ Кельтскихъ земляхъ—Франціи и Великобританіи, но и въ Дакіи, южной Швеціи—въ большомъ количествѣ, въ сѣверной Африкѣ, въ сѣверной и южной Америкѣ и Азии, напримѣръ, въ Палестинѣ, на восточномъ берегу Индустана (Мартенъ говоритъ даже, что одно племя въ Индустанѣ до сихъ поръ возводитъ такіа сооруженія), у подошвы Гималаевъ и центральной Татаріи ¹⁾. Вслѣдствіе того въ настоящее время пришли къ заключенію, что это памятники не кельтическіе, а представляютъ остатки загадочной расы, прежде населявшей Европу. Съ другой стороны, послѣ многихъ споровъ подворилось общее убѣжденіе, что въ дольменахъ нужно видѣть не что другое, какъ именно погребальныя памятники.

¹⁾ Нужно однако замѣтить, что памятники, находящіеся въ Палестинѣ, при сходствѣ, представляютъ и значительное различіе отъ европейскихъ мегалитическихъ памятниковъ: дольмены европейскіе—погребальныя памятники, дольмены палестинскіе—алтари или собственно памятники, поставленные для воспоминавія о какомъ-нибудь событіи (*monuments*).

Хотя они и представляютъ извѣстное разнообразіе въ разныхъ странахъ, но, какъ уже сказано, всегда имѣютъ одинъ и тотъ же основной планъ: это всегда—большія каменные плиты, покоющіяся на подставкахъ обыкновенно такого же матеріала и служащія кровомъ иногда для одной компаты, иногда для нѣсколькихъ погребальныхъ камеръ; довольно часто — узкій корридоръ, построенный тѣмъ же способомъ, предшествуетъ этимъ помѣщеніямъ смертныхъ остатковъ. Что касается кромлеховъ и стоячихъ камней, то это суть остатки мегалитическихъ сооружений такого же назначенія, скрывавшіеся первоначально внутри кургановъ и потомъ облаженные отъ покрывавшей ихъ земляной насыпи,—такъ какъ извѣстно, что курганы въ прежнія времена часто были тревожимы искателями кладовъ, а иногда даже просто фермерами, уносившими землю на свои поля, или добывавшими селитру. Со времени появленія книги Беллогэ (въ 60-хъ годахъ) и до нашихъ дней во Франціи усиленно занимаются изслѣдованіемъ мегалитическихъ памятниковъ, и во главѣ французскихъ ученыхъ, изучающихъ до-историческую древность, стоитъ авторъ обозначеннаго выше сборника статей по „Археологіи Кельтской и Галльской“, Александръ Бертранъ, издающій также журналъ, специально посвященный вопросамъ археологіи *Revue archéologique* и завѣдующій специальнымъ археологическимъ музеемъ кельтскихъ древностей. Результаты своихъ и чужихъ изслѣдованій онъ самъ изложилъ, кромѣ своей книги, въ одной небольшой и общедоступной статьѣ, которая и послужитъ точкою отправленія для нашихъ разсужденій. Опираясь на археологическія данныя, Бертранъ принимаетъ не только двойственность первоначальнаго Кельтскаго племени, отличая Кельтовъ отъ Галловъ, но и два періода, принадлежащіе, по видимому, двумъ его отдѣльнымъ вѣтвямъ. Приводимъ его собственныя слова, заимствованныя изъ упомянутой статьи, помѣщенной имъ въ августовскомъ номерѣ *Revue archéologique* 1878 г. (Alex. Bertrand: „Conférence sur les populations primitives de la Gaule“):

„Если провести линію отъ Марсели къ Брюсселю черезъ Дижонъ, то мы получимъ приблизительно вѣрную границу двухъ археологическихъ областей и двухъ цивилизацій. На востокъ безраздѣльно царствуютъ курганы. Здѣсь же встрѣчаются большія кладбища, въ которыхъ трупы зарывали въ землю. На западѣ дольмены господствуютъ въ поразительной пропорціи. Очевидно, что такое рѣзкое разграниченіе памятниковъ, разнообразныхъ по своей формѣ,

но одинаковыхъ по назначенію, не можетъ быть дѣломъ случая. Мы должны видѣть въ немъ слѣды двухъ народностей, существенно отличающихся другъ отъ друга правами, обычаями, а вѣроятно, и происхожденіемъ.

„Начнемъ съ запада. Что находимъ мы подъ этими плитами, нагроможденными въ видѣ компатъ? Смертные остатки предковъ, трупы въ спячемъ или лежащемъ положеніи (*accroupis ou allongés*). Около головы, въ ногахъ скелета, вокругъ него разбросана глиняная посуда (*poteries*), обдѣланные кремни, острія стрѣлъ, топоры полированного камня, иногда очень твердаго, иногда же сдѣланные изъ драгоценнаго восточнаго нефрита (о нефритѣ шла рѣчь на Тифлисскомъ археологическомъ съѣздѣ 1881 года). Иногда здѣсь же встрѣчаются жемчужныя ожерелья, особый видъ бирюзы (*callais*) и ожерелья изъ янтара, что можетъ служить доказательствомъ распространенности торговыхъ сношеній этихъ народовъ: извѣстно, что *callais* добывается съ Кавказа, а янтарь изъ Балтійскаго моря. Между этими каменными предметами иногда, но очень рѣдко, попадаются вещи изъ бронзы и золота; мы находимся въ присутствіи цивилизаціи, по справедливости заслуживающей названіе каменной.

„Обратимся теперь къ свайнымъ постройкамъ Цюрихскаго и Константскаго озеръ, гдѣ преобладаютъ тѣ же каменные орудія которыя мы видѣли въ дольменахъ. На ряду съ каменными топорами въ такомъ же пластѣ земли, какъ и во Франціи, здѣсь встрѣчаемъ мы остатки животныхъ, спутниковъ человѣка, остатки обуглившихся растений, зерна и т. п. Эти растенія, эти зерна, эти остатки животныхъ показываютъ намъ, что человѣкъ каменной цивилизаціи держалъ возлѣ себя собаку, лошадь, свинью, козу, овцу, быка, то-есть, главнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, что онъ охотился на лань, косяку, оленя, кабана, лисицу, каменнаго барана и т. п. Глиняные сосуды, упавшіе въ воду въ ту эпоху, содержатъ въ себѣ пшеницу, ячмень, овесъ, горохъ, чечевицу, линни, яблоки, сѣмена земляники и малины. Итакъ, земля вокругъ озеръ обрабатывалась; люди каменной цивилизаціи были земледѣльцами и пастухами, выдѣлывали себѣ ткани изъ льна и коры, но виѣствъ съ тѣмъ не презирали и охоты.

„Перейдемъ теперь на востокъ, въ область кургановъ. Здѣсь, на ряду съ особымъ способомъ погребенія, мы встрѣчаемъ и новый родъ цивилизаціи, новую утварь. Каменный топоръ, ожерелье изъ *callais* и янтара исчезаютъ; вмѣсто ихъ мы находимъ бронзовые и желѣзные мечи, пояса и нагрудники изъ бронзы, остатки дере-

выпннхъ щитовъ, отдѣланныхъ бронзой и желѣзомъ, какъ и ожерелья изъ бронзы, желѣза и золота, ручные и ножные браслеты изъ тѣхъ же металловъ, булавки и шпильки, обломки колесницъ, иногда богато украшенные. Мы находимся въ области цивилизаціи индо-европейской.

„Важность этихъ фактовъ, несомнѣнно достовѣрныхъ, очевидна для каждаго. Мы можемъ считать вполне вѣрными слѣдующіе выводы изъ вышеупомянутыхъ археологическихъ данныхъ: въ началѣ, и преимущественно, на западѣ, Галлію населяла группа народностей, достигшихъ извѣстной степени культуры, хотя еще не успѣвшихъ разрабатывать металлы. Впослѣдствіи, въ историческое время, явилась другая группа, обрабатывавшая бронзу, желѣзо и золото; эта вторая группа сначала исключительно занимала восточную часть Франціи. Обѣ эти цивилизаціи существовали другъ подлѣ друга и имѣли происхожденіе различное; мы не можемъ никакъ считать вторую наследницею первой.

Эти два пояса, эти двѣ столь различныя археологическія области продолжаются и внѣ Франціи. Мегалитическіе памятники тянутся во всѣхъ сѣверныхъ странахъ: Ирландія, Англія, Шотландія, Данія, Швеція и южные берега Балтійскаго моря въ большомъ количествѣ обладаютъ ими. Курганы, аналогичные французскимъ, тянутся по ту сторону Рейна и занимаютъ часть древней Германіи, гдѣ никогда не встрѣчалось ни одного мегалитическаго памятника. И какъ во Франціи, такъ и внѣ ея, эти два пояса сохраняютъ свое очевидное, рѣзкое различіе.

„Нѣтъ сомнѣній, что цивилизація желѣза и бронзы, эпоха кургановъ, есть эпоха галльская. Принесли ее съ собою и водворили въ самомъ сердцѣ Европы тѣ Галлы, или Галаты, которые въ III и IV вѣкахъ до-христіанской эры явились съ востока и вторглись въ Италію. Откройте Полибія, Страбона, Діодора, Тита Ливія, Плутарха, посмотрите на галльскія монеты, на статуи и памятники. Эти мечи и продолговатые деревянныя щиты, эти каски и коня, нагрудники изъ бронзы и золотыя браслеты, находимые въ нашихъ курганахъ, не были ли они описаны древними авторами, какъ вооруженіе Галловъ? Итакъ, наши курганы суть курганы галльскіе“.

Бертранъ опредѣлилъ даже время, когда этотъ народъ, погребавшій своихъ умершихъ въ курганахъ, утвердился въ означенной выше странѣ. Въ курганахъ Вейссенкирхена (Weissenkirchen) на Саппѣ подлѣ Трира, Роденбаха (Rodenbach) и Дуркгейма (Dürkheim) близъ

Шнейсера, говоритъ онъ, — найдены между прочими вещами, этрусскія вазы, золотыя драгоценности артистической работы, на которую, конечно, сами варвары не были способны, словомъ, предметы, которые знатоками весьма легко отличаются отъ подобныхъ же произведеній мѣстнаго происхожденія. Эти вазы, эти драгоценныя золотыя кольца и браслеты относятся къ періоду этрусскаго искусства III и преимущественно IV столѣтія до Р. Х., почти ко времени нашествія Галловъ на Римъ. Однако, наиболѣе архаическіе памятники классическаго искусства, находимые въ курганахъ, принадлежатъ именно правому берегу Рейна, такъ что къ прежнимъ двумъ положеніямъ археологія заставляеть присоединить еще третье, именно — что Галлы, прежде своего утвержденія въ Галліи, жили нѣкоторое время на востокъ отъ Рейна, и что нашествіе галльское, подобно другимъ, шло съ востока, двигалось со стороны Германіи. Предъ наступленіемъ седьмага вѣка, по мнѣнію Бертрава, Галаты, вооруженные большимъ желѣзнымъ мечемъ, подвигаются впередъ малыми переходами. Въ IV вѣкѣ они вполне овладѣли восточными странами Галліи, а въкоторыя группы ихъ достигли Буржа и даже Дижона, иныя же заняли Овернь. Антропологія отчасти подтверждаетъ выводы археологіи о направленіи такого пути. Изученіе кургановъ Бургоніи показало, что скелеты, въ нихъ сохранившіеся, не имѣютъ никакого сходства по своимъ формамъ и пропорціональнымъ отношеніямъ со скелетами расъ, прежде обитавшихъ въ Галліи (раса дольменовъ, раса пещерная), а напротивъ тождественны со скелетами Германскихъ народовъ, во множествѣ выкапываемыми въ могилахъ Меровингскаго періода. Фактъ близкаго сходства между Галльскою или Кельтскаго расою, извѣстный уже древнимъ и ясно выставленный на видъ Страбономъ, находитъ здѣсь новое себѣ выраженіе, и въ то же время онъ свидѣтельствуетъ о направленіи, въ какомъ слѣдуетъ отыскивать родину Галловъ.

Но если цивилизація желѣза принадлежитъ Галламъ, то какому же племени принадлежитъ довольно развитая культура каменнаго неолитическаго періода съ дольменами и другими мегалитическими памятниками? Отвѣчая совершенно положительно и очень убѣдительно на вопросъ о представителяхъ желѣза, современная археологія не въ состояніи представить такого же точнаго и опредѣленнаго отвѣта на другой, сейчасъ нами выраженный, хотя она уже успѣла привести эпоху дольменовъ въ весьма близкое отношеніе и сосѣдство къ области чисто исторической, поставить ту эпоху подъ ея почти полное освѣщеніе. Берт-

ранѣ отчасти затруднилъ себя своею теоріей различенія Кельтовъ отъ Галловъ, правда, очень пужною при его представленіи о позднемъ сравнительно приходѣ носителей желѣза въ Галлію, тогда какъ Греками гораздо ранѣ IV вѣка было замѣчено присутствіе Кельтовъ въ южной части страны, въ окрестностяхъ Марсели, и даже въ Испаніи. Такъ какъ этому второму, ранѣ пришедшему племени приходилось удѣлать какую-нибудь соответствующую эпоху, то Бертранъ, болѣе всѣхъ другихъ содѣйствовавшій къ устраненію прежде господствовавшаго воззрѣнія о принадлежности дольменовъ Кельтамъ или ихъ друидамъ (см. его статью: *Les monuments dits celtiques* въ *Archéologie*, pag. 131—164), впоследствии склонялся нѣкоторое время на большія уступки своимъ противникамъ, защищавшимъ старое мнѣніе (Henri Martin, *De l'origine des monuments mégalithiques: Etudes*, p. 224—267). Съ самаго начала приписавъ постройку дольменовъ неизвѣстному племени, названному Гиперборейскимъ только для обозначенія его прибытія съ сѣвера, Бертранъ готовъ былъ признать въ своихъ Гиперборейцахъ передовые отряды Кельтскаго племени, приписать Кельтамъ, предшественникамъ родственныхъ Галловъ, возведеніе мегалитическихъ памятниковъ вообще и въ частности самихъ дольменовъ ¹⁾. Однако въ настоящее время онъ возвратился къ результатамъ своихъ первоначальныхъ изслѣдованій, поддерживая все-таки различіе между Галлами и Кельтами, но приписывая дольмены какому-то третьему племени. Мы не будемъ долго останавливаться на этнографическомъ различіи, долженствующемъ замѣнить предложенное Цезаремъ дѣленіе обитателей Галліи (за исключеніемъ Аквитаніи) на Белговъ и собственныхъ Галловъ, или — что тоже — Кельтовъ, при чемъ Белги, о которыхъ Бертранъ не говоритъ ничего опредѣленнаго, по его мысли будутъ, конечно, относиться къ его Галламъ. (Ремь, несомнѣнные Белги, жили въ области кургановъ, приписываемыхъ Галламъ). Это различіе не находитъ себѣ опоры ни у Цезаря, ни у другихъ древнихъ авторовъ. Бертранъ преимущественно опирается на Полибіѣ, но всѣ его старанія доказать, что этотъ авторитетнѣйшій свидѣтель сознательно придаетъ различный смыслъ наименованіямъ „Кельты“ и „Галаты“, отзываются излишнею искусственностію и явными натяжками; для непредубѣжденнаго взгляда совершенно ясно, что въ первыхъ книгахъ, гдѣ идетъ рѣчь о дѣлахъ

¹⁾ См. *Robiou*, *Observations critiques sur l'archéologie dite préhistorique* (Paris 1879) pag. 95 (отрывокъ изъ письма Бертрана къ автору).

Италія, наименованія „Кельты“ и „Галаты“ суть для Полибія совершенно два безразличные синонима, такъ что одинъ разъ онъ можетъ выразиться „Римъ взяли Галлы“, а другой: „Римъ взяли Кельты“. Мы не имѣемъ возможности касаться споровъ, возбужденныхъ разными мемуарами и статьями Бертрана, и между прочимъ еще не оконченныхъ препирательствъ относительно знаменитаго разказа, сообщаемого Титомъ Ливіемъ (V, 34, 35) о переселеніи въ сѣверную Италію, страну собственно Кельтскую по Бертрану, многочисленныхъ племенъ Галльскихъ, пришедшихъ подъ предводительствомъ Белловеса и Сигонеса около 600 года по Р. Х. именно изъ Галліи (теперешней Франціи), гдѣ, по теоріи Бертрана, въ данное время могли быть только Кельты. Достаточно сказать, что филологическіе и историческіе аргументы Бертрана успѣшно опровергаются французскими же учеными ¹⁾. Переходимъ опять къ археологіи. Послѣ того какъ неолитическая эпоха дольменовъ окончательно усвоена третьему безыменному племени, археологическое существованіе Кельтовъ представляется неосознаемымъ и неуловимымъ; на ихъ долю можно отнести—да и то съ большимъ сомнѣніемъ—развѣ только бронзовую эпоху, тоже не имѣвшую въ Галліи ни самостоятельнаго значенія, ни значительной продолжительности во времени. Какъ мы видѣли, бронза постоянно встрѣчается въ восточныхъ курганахъ вмѣстѣ съ желѣзомъ, и только иногда сопровождается каменными орудіями въ дольменахъ западной полосы. Нѣтъ особенной нужды разрывать ради такой неопредѣленной эпохи собственно галльское единство; по можно признать то, что уже вытекаетъ изъ другихъ данныхъ, именно — что Кельтская раса, поглотившая туземныя предшествовавшія послѣдствія пылѣвшей Франціи, не воздѣ представляла одну и ту же степень безпримѣсной чистоты и не одинаково была распредѣлена на поверхности галльской почвы; на востокѣ и юго-востокѣ видимымъ образомъ преобладали Галлы, тогда какъ на западѣ и сѣверо-западѣ преобладали потомки расъ, ими покоренныхъ при помощи, какъ желѣза, такъ и бронзы. Онѣ-то, эти старыя расы, и были строителями дольменовъ, имѣ-то собственно и принадлежите мегалитическій періодъ, тогда какъ бронза уже служить указаніемъ галло-кельтскаго вліянія. Тамъ, гдѣ получили пре-

¹⁾ См. *Dejardins*, *Géographie* II, 193, 201; *Arbois de Jubainville*, *Les Celtes les Gaulois: Revue archéolog.* XXX (1875), pag. 12, *A. Maury*, *Journal des sciences* 1877 (четыре критическія статьи на книгу Бертрана).

обладаніе Галлы, пѣть дольменовъ, или какъ болѣе осторожно выражаются другіе (Альфр. Мори), они очень рѣдки; причина тому заключается либо въ томъ, что самый обычай строить дольмены возникъ среди отщепенныхъ къ западу туземныхъ расъ позднѣе галльскаго нашествія, позднѣе утвержденія Галловъ на востокѣ, либо въ томъ, что существовавшіе нѣкогда первоначальные образцы этого искусства были истреблены, уничтожены въ эпоху кургановъ, буквально закрыты ими. Авторъ спеціального изслѣдованія о мегалитическихъ памятникахъ, Англичанинъ Фергюссонъ¹⁾, идетъ, очевидно, слишкомъ далеко, доказывая, что дольмены и другія подобныя постройки изъ камня съ погребальными цѣлями, относятся къ сравнительно весьма намъ близкой эпохѣ, что онѣ строились въ продолженіе первыхъ десяти вѣковъ по Р. Х., и что самая мысль о такихъ зданіяхъ возникла у варварскихъ племенъ, благодаря, съ одной стороны, существовавшему у нихъ культъ предковъ (ancestral worshipping), съ другой римскому архитектурному вліанію. Доказательства Фергюссона основываются на молчаніи древнихъ римскихъ писателей, нигдѣ не упоминающихъ о дольменахъ, и на томъ, что въ нѣкоторыхъ дольменахъ найдены монеты Римскихъ императоровъ отъ I до IV вѣка, что одинъ французскій дольмень утвержденъ на колонпахъ очень опредѣленнаго средневѣковаго стиля X вѣка; но такіе доводы отчасти могутъ быть обращены противъ него самого, такъ какъ и средневѣковые писатели, которыхъ было не мало, тоже не указываютъ строителей нашихъ памятниковъ,—отчасти носятъ слишкомъ явный характеръ быстрого заключенія отъ части къ цѣлому; дольмены строились и въ кельтскую эпоху, какъ, съ другой стороны, это доказывается посредствомъ бронзовыхъ предметовъ, въ нихъ иногда находимыхъ, а въ видѣ исключенія могли быть возводимы и въ позднѣйшія времена, даже въ римское время и т. п. Однако отсюда никакъ не слѣдуетъ, что мы должны признать теорію позднего происхожденія всѣхъ вообще дольменовъ. Отсутствие металла въ громадномъ большинствѣ ихъ никакъ не можетъ удовлетворительно объясниться предположеніемъ нѣкоторыхъ особенностей въ погребальномъ ритуалѣ, воспрещавшемъ употребленіе металла (къ чему прибѣгаетъ Апри Мартепъ, поддерживающій галльское ихъ происхожденіе). Ниже мы сейчасъ приве-

¹⁾ Rude stone monuments in all contries; their age and their uses. James Ferguson. Murray London 1872. Есть французскій переводъ (Hamard); и подробное обзоръ содержанія въ *Revue d'anthropologie* II, 509 и сл. 694 и сл. (1873 г.).

демъ осязательныя данныя, которыя сближаютъ начало этого способа погребенія съ эпохою палеолитическою, ведутъ его не къ верху въ галльскій или галло-римскій періодъ, а внизъ, къ періоду пещерныхъ людей, первобытныхъ до-историческихъ породъ. Теперь же, имѣя въ виду разъяснить вопросъ о принадлежности строителей дольменовъ къ той или другой расѣ, мы должны замѣтить, что даже и Фергюссонъ хотя отпослѣтъ происхожденіе всѣхъ вообще мегалитическихъ памятниковъ къ очень позднему времени, все-таки не считаетъ возможнымъ приписать ихъ Кельтамъ. Кромѣ тѣхъ аргументовъ, которые уже были указаны другими, именно—что дольмены находятся во многихъ мѣстахъ странахъ, гдѣ Кельтовъ никогда не было, Фергюссонъ приводитъ и то любопытное и важное наблюденіе, по опять, можетъ быть, нѣсколько преувеличенное въ его обобщеніи, именно—то обстоятельство, что дольменовъ нѣтъ въ странѣ древнихъ Белговъ (ему, однако, указываютъ на открытіе ихъ въ Люксембургскомъ герцогствѣ). Белги какъ будто раздѣляли на двое область дольменовъ на материкѣ Европѣ и въ Англіи; отсюда, по мнѣнію изслѣдователя, вытекаетъ заключеніе, что обычай строить дольмены возникъ тамъ и здѣсь послѣ нашествія Белговъ, ибо еслибъ онъ возникъ ранѣе, то памятники такого же рода непременно нашлись бы и на мѣстѣ позднѣйшаго жительства Белговъ и прежняго сплошнаго обитанія предшествовавшихъ имъ населеній; вполне истребить дольмены Белгамъ, конечно, не удалось бы. Какія же это населенія были раздѣлены нашествіемъ Белговъ? Изслѣдователь, въ виду весьма широкаго распространенія дольменовъ, не считаетъ возможнымъ остановиться на одномъ какомъ нибудь племени, хотя и существуютъ замѣчательныя сходства между африканскими, напримѣръ, дольменами и сѣверными; въ Испаніи это будутъ Иберы, оттѣсненные Кельтами внутрь полуострова, въ Британіи — родственные Иберамъ Силуры, тоже подъ давленіемъ Кельтовъ отступившіе изъ долины Северна въ пынѣнній Валлисъ; для Ирландіи и Шотландіи предполагается другое теченіе племенъ отъ Скандинавіи и финскаго сѣвера; во Франціи это суть, по мнѣнію Фергюссона, прямые потомки пещерныхъ людей, остатки которыхъ открываются въ такомъ множествѣ на берегахъ Дордоны и другихъ рѣкъ южной Франціи. Полагаемъ съ своей стороны, что въ дѣлѣ возведенія мегалитическихъ памятниковъ нѣтъ нужды оспаривать участія населеній Иберійскаго племени, о которыхъ думали и другіе, съ одной стороны, сближая ихъ съ Берберами Африки, а съ другой — протягивая далеко на сѣверъ, на встрѣчу Финскимъ

племенамъ; но что касается Франціи, то вмѣсто прямыхъ потомковъ пещерныхъ людей слѣдуетъ называть прежде всего Лигуровъ, на которыхъ указывалъ еще Беллогэ, считавшій ихъ настоящею южною расою, имѣвшею родичей въ самой Африкѣ въ лицѣ Гетуловъ, что равняется Гаделамъ. Однимъ словомъ, намъ кажется, что при настоящемъ положеніи вопроса, всего основательнѣе считать строителями дольменовъ въ Европѣ племена, предшествовавшія Кельтамъ, именно Иберовъ и особенно Лигуровъ. Эпоха дольменовъ определяется, съ одной стороны, отсутствіемъ въ нихъ (въ большинствѣ случаевъ) металла, съ другой—преобладаніемъ орудій шлифованнаго камня; ясно, что ихъ строили населенія, которымъ употребленіе металловъ было неизвѣстно, между тѣмъ какъ сравнительное изученіе индо-европейскихъ языковъ показываетъ, что предъ своимъ прибытіемъ въ Европу Аріицы были уже знакомы съ употребленіемъ металловъ; разрытыя во множествѣ могилы кельтскаго или галльскаго происхожденія свидѣтельствуютъ о томъ же знакомствѣ. Если Галлы тамъ и здѣсь возвели нѣсколько дольменовъ, въ которыхъ находятся слѣды ихъ болѣе развитой индустріи и металлическіе предметы, то это можетъ объясняться подраженіемъ съ ихъ стороны покореннымъ ими племенамъ. Съ другой стороны, мегалитическіе памятники несомнѣнно позднѣе эпохи отбивнаго камня (палеолитической); въ нихъ нѣтъ слѣдовъ ни тѣхъ ископаемыхъ животныхъ, по которымъ узнается древнѣйшій возрастъ человѣка, ни отбивныхъ орудій изъ кремня. Наша мегалитическая эпоха, эпоха иберо-лигурийская, уже находится въ прямомъ, непосредственномъ соприкосновеніи съ послѣднимъ звеномъ въ ряду періодовъ, опредѣляющихъ исторію человѣческой цивилизаціи, уже касается собственнаго и настоящаго до-историческаго періода. Мы, конечно, не имѣемъ нужды заниматься вопросами о первобытной четверичной или даже третичной эпохѣ существованія людей, о допотопномъ человѣкѣ, по выраженію одного ученаго, когда онъ жилъ въ сообществѣ мамонта и сѣвернаго оленя. Намъ довольно знать, что и тамъ открываются двѣ послѣдовательныя расы: человѣка аллювиальнаго или рѣчныхъ береговъ, населявшаго всю западную Европу и оставившаго слѣды своего существованія въ орудіяхъ изъ кости и отбитаго камня, и пещернаго человѣка, отличавшагося довольно развитыми способностями, длинною формою черепа (долихокефальностію), обнаружившаго удивительные признаки артистическихъ способностей въ начертанныхъ имъ рисункахъ мамонта, по пользовавшагося только не шлифованными каменными орудіями. До послѣдняго времени думали,

что между палеолитическимъ и неолитическимъ періодами существовали промежутки и перерывы, hiatus, такъ что, напримѣръ, нынѣшняя Франція въ некоторое время оставалась пустою безъ всякаго населенія: но это мнѣніе теперь оставлено. Брокъ, въ своемъ изслѣдованіи о нецерѣ мертвѣго человѣка показалъ, что въ устьяхъ рѣкъ Лозеры троглодиты, потомки охотниковъ на оленей, жили рядомъ со строителями дольменовъ. Новѣйшія открытія (Прюньера) еще болѣе убѣдительны. Въ другихъ, и притомъ не малочисленныхъ погребальныхъ нецерахъ Лозеры, открыто много человѣческихъ скелетовъ, раса которыхъ характеризуется постоянною долихокефаліей, и которые напѣрно принадлежали къ такъ-называемой Кро-Маньонской породѣ. Важно для насъ то, что эти представители четверичныхъ населеній были въ постоянной войнѣ со строителями дольменовъ; доказывается это тѣмъ, что многіе скелеты еще сохраняютъ въ себѣ вонзенныя въ нихъ нѣкогда живыя кости каменныя стрѣлы, неолитическое происхождение коихъ не подлежитъ сомнѣнію. Итакъ, обѣ породы жили рядомъ одна съ другою и нѣкогда вели между собою на равнинахъ Сенеппъ борьбу за жизнь и смерть. Впрочемъ, предполагается, что переходъ отъ ледянаго періода къ современной геологической эпохѣ, сопровождавшійся измѣненіями фауны, необходимо весьма тяжелый и трудный, въ некоторыхъ мѣстахъ сопровождался гибелью палеолитическаго населенія; но въ другихъ—это населеніе удержалось. Изъ разныхъ наблюденій, говоритъ Катрфажъ,—явствуетъ, что въ области Лозеры, въ началѣ временъ неолитическихъ, долихокефалы еще занимали страну, что въ данный моментъ они были атакованы брахикефалами, и что вскорѣ потомъ между двумя расами появились союзы, обнаруживающіеся въ метизаціи, которая констатирована въ нецерѣ мертвѣго человѣка у Кро-Маньоновъ, у строителей дольменовъ въ ихъ гробницахъ, и что, наконецъ, раса короткоголовая взяла верхъ, но крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ пунктахъ. Но, по всѣмъ признакамъ, населеніе долихокефальное, занимавшее страну въ продолженіе вѣковъ, было гораздо болѣе многочисленно, чѣмъ вторгнувшіяся племена брахикефаловъ, и легко понять, что въ некоторыхъ пунктахъ оно совсѣмъ избѣжало нашествія. Съ другой стороны, это населеніе, принадлежавшее, вѣроятно, къ той расѣ, которая оставила столько слѣдовъ своего ума и способности къ цивилизаціи (въ остаткахъ весьма замѣчательной индустріи пожелъ, щипцевъ, утвари, глиняныхъ горшковъ и вышеупомянутыхъ рисунковъ), вслѣдствіе соприкосновенія съ новопришедшими не замедлила усвоить себѣ искусства, составлявшія

ихъ превосходство. Итакъ, очень легко объяснить себѣ, почему на границахъ Лозеры и Авейрона открыта область великолѣпныхъ дольменовъ, заключающихъ въ себѣ только черепъ долихокефаловъ. Въ населеніи вѣковъ неолитическихъ замѣтно въ области Лозеры присутствіе двухъ расъ, изъ коихъ первая безспорно принадлежитъ временамъ четверичнымъ, а другая—первымъ днямъ пастоящаго періода. Сліяніе на извѣстныхъ пунктахъ, заимствованіе на другихъ помогли обѣимъ стать на одинъ уровень; но древнѣйшая раса не сама собою поднялась до того, что можно назвать неолитическою цивилизаціей; первыми строителями дольменовъ были не долихокефалы, а брахикефалы; постройка ихъ особенно ревностно стала производиться послѣ окончанія борьбы и послѣ метизаціи. Однако, если такъ было на Лозерѣ, если честь введенія неолитической индустріи въ областяхъ пинѣшней Франціи принадлежитъ брахикефаламъ—мы предполагаемъ Лигурамъ, такъ какъ Лигуры, какъ выше показано, были брахикефалы, — то нельзя ручаться, что такъ было вездѣ. На сѣверѣ Европы, въ Швеціи долихокефалы одни являются въ дольменахъ; то же — въ такъ-называемыхъ long-burrows Англіи, въ дольменахъ Германіи и Польши; но въ англійскихъ round-burrows они всегда находятся въ товариществѣ съ брахикефалами.

Съ положеніемъ вопроса во Франціи можно подробнѣе познакомиться изъ руководства де-Вэ (*L'archéologie préhistorique par le baron J. de-Bye. Paris, 1880*) и статей Катрфажа (въ *Journal des savants* за декабрь 1881 г., за мартъ и апрѣль 1882 г.). Результаты англійскихъ изслѣдованій въ книгѣ Елтона (*Origins of english History by Ch. Elton. London, 1882*) передаются слѣдующимъ образомъ (стр. 124 и сл.):

Мы не имѣемъ нужды подробно описывать остатки палеолитическихъ племенъ, блуждавшихъ въ странѣ при господствѣ почти полярнаго климата и ведшихъ небезопасныя войны съ дикими животными четверичной эпохи. Изслѣдованіе ихъ пещеръ и убѣжищъ въ скалахъ, слоевъ и залежей ила и песчаника въ Англіи и сосѣдственныхъ странахъ вывело на свѣтъ множество принадлежавшихъ имъ кремневыхъ пожей, молотовъ и топоришковъ, а также орудій для кожаныхъ работъ. Ихъ грубыя „выдолбленные“ лодки находятся въ мелкихъ бухтахъ рѣчныхъ заливовъ. Ихъ бусы и амулеты, а также рисунки мамонта и группы сѣверныхъ оленей, находимые во французскихъ отложеніяхъ, показываютъ, что имъ были нечужды нѣкоторые начатки умственнаго развитія и искусства, и что во всякомъ случаѣ,

они умѣли ловить и убивать большихъ плотоядныхъ звѣрей. Наибольше ясное понятіе объ ихъ жизни можетъ сообщить намъ изображеніе Финскихъ племенъ у Тацита, достигшихъ, по его замѣчанію, того, что наибольше трудно—свободы отъ всякаго желанія... Нельзя доказать непрерывной связи между этими дикарями и какимъ-нибудь изъ племенъ или народовъ, существующихъ теперь на западѣ Европы. Мы переходимъ поэтому къ неолитическому лѣву, которымъ въ послѣдніе годы изслѣдователи занимались такъ пристально, что мы уже можемъ составить лѣкоторое ясное представленіе объ образѣ жизни тогдашнихъ людей, объ устройствѣ ихъ жилищъ, и равнымъ образомъ объ ихъ физическихъ признакахъ. Этому періоду принадлежатъ большіе курганы или „королевскія гробницы“ (tombs of the kings), не имѣющія внутри каменнаго свода, а также каменные своды и общія племенные гробницы, которыя остаются еще погребенными въ землѣ, или же обнажены въ видѣ „кромехоль“ и стоящихъ камней: сюда же принадлежатъ такъ-называемые длинные дольмены. За исключеніемъ округовъ, гдѣ преобладалъ способъ сожиганія труповъ, эти гробницы обыкновенно заключаютъ въ себѣ обломки большаго числа скелетовъ, нагроможденныхъ выѣстъ и безъ порядка, какъ будто существовали еще временныя или предварительныя могилы, пока строился памятникъ этого рода. Въ британскихъ дольменахъ (barrows) такого первоначальнаго типа (то-есть, длиннаго) рѣдко попадаются находки большой важности. Списокъ открытій включаетъ въ себѣ нѣсколько нѣжныхъ зубце-образныхъ (leaf-shaped) наконечниковъ стрѣлъ, и другіе предметы изъ роговой кости и полированнаго камня, а также обломки черной сдѣланной руками глиняной посуды; во временамъ попадаютъ остатки роговъ козули, зубы вепря, черепа быковъ и кости гусей или драхвы (bustard), которыя, по видимому, были оставлены гостями погребальнаго пиршества. Человѣческія кости, находимыя въ этихъ могильникахъ и въ кремневыхъ прѣискахъ, оказавшихся въ Суссексѣ и Норфолькѣ, приводятъ апатомовъ къ заключенію, что неолитическіе Британцы были похожи на нынѣшнихъ Эскимосовъ. Они были малорослы и слабаго сложенія, съ мускулами излишне развитыми для ихъ тонкихъ и тощихъ костей; замѣчается большая несоразмѣрность между ростомъ мужчины и женщины, что уже указываетъ на тяжелый и скудный образъ жизни, при которомъ слабѣйшая половина подвергается сверхсильной работѣ и осуждена на постоянныя лишенія въ пищѣ. Лица были, по видимому, овальной формы съ мягкими, кроткими и правильными чертами; черепа, хотя

часть ссхін, отд. 2.

въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отличавшіеся толщиной, были вообще длинной и узкой формы (доликокефальность), иногда сжатые на темени и отиѣченные выдающимся швомъ (ridges), подобнымъ килю на опрокинутой лодкѣ.... Остатки этого до-кельтическаго населенія неолитической эпохи, можетъ быть, существуютъ доселѣ. Елтонъ, вмѣстѣ съ другими, узнаетъ его въ малоросломъ и черноволосомъ населеніи Ирландіи, горной Шотландіи (Scottish Highlands), а также многихъ частей Англіи и Вельса, гдѣ тоже перѣдко встрѣчаются малорослые индивидуумы, отличающіеся смуглымъ цвѣтомъ кожи, черными волосами и такими же глазами, съ головами длинной и узкой формы. „Что касается одной изъ двухъ до-историческихъ расъ, пишетъ проф. Роллестопъ въ сочиненіи о британскихъ дольменахъ, — то мы въ нашей странѣ встрѣчаемъ весьма значительное число населенія, у котораго длинноголовость соединяется съ низкимъ ростомъ и темнымъ цвѣтомъ волосъ: въ немъ нужно видѣть или продолженіе существованія той расы, или же фактъ переживания (survivals) или новаго возвращенія (re-assertion) ея отличительныхъ признаковъ“ (см. Elton, pag. 141.)

Открытія въ гробницахъ показываютъ, что въ первоначальныя времена эти неолитическія племена одни владѣли Британіей, и что потомъ они подверглись нападенію людей отличной расы, которые уже захватили власть надъ противоположными берегами отъ Швеціи до береговъ Атлантическаго океана. Народъ этой второй расы, которой принадлежатъ Британскіе круглые дольмены, достигъ до Финистерре, прежде чѣмъ научились употребленію какого-либо металла; его длинные скелеты и короткіе круглые черепа находятся вмѣстѣ съ остатками отъ древнѣйшей расы, въ снабженныхъ камерами дольменахъ (in chambered barrows) материка, въ которыхъ никогда не было видано бронзовыхъ предметовъ, хотя подѣлки изъ бирюзы и зеленого каллаиса, а равно и топоры, сдѣланные изъ ядента и другихъ драгоцѣнныхъ восточныхъ камней, свидѣтельствуютъ о существованіи торговли съ націями, имѣвшими въ распоряженіи металлы. Но внезапно и безъ всякаго признака приготовительной попытки или же посредствующихъ формъ, открываются могилы, содержащія въ себѣ бронзовые оружія изящной работы, какъ будто какой-то новый торговый путь направленъ былъ на сѣверъ. На сколько, впрочемъ, дѣло касается Британіи, мы ничего не знаемъ объ этой второй расѣ, прежде чѣмъ она привыкла къ употребленію бронзы. Появленіе людей этой расы въ сей странѣ совпадаетъ, по ни-

лимоу, съ введеніемъ названнаго металла; потому что всѣ могилы, содержащія въ себѣ бронзовые остатки, въ то же время заключаютъ и остатки ихъ труповъ либо безъ всякой примѣси, либо вмѣстѣ съ остатками неолитической расы; а гдѣ кости людей каменнаго вѣка преданы погребенію этими людьми, тамъ никогда не было открыто никакого слѣда металлическихъ орудій.

Пришельцы были люди высокорослые бѣлокурого (?) финнскаго типа, который въ широкихъ размѣрахъ еще преобладаетъ среди новѣйшихъ обитателей Даніи, странъ Вендскихъ и Славянскихъ. Они замѣтно отличались отъ людей съ прямымъ лицомъ и съ овальной головою, отождествляемыхъ съ Кельтами и Германцами; они были широкой кости и коренасты, жепщины относительно высокорослы и сильны, какъ это бываетъ въ обществахъ, гдѣ жизнь легка и пища дешева. Мужчины, по видимому, имѣли грубыя черты лица, широкія скулы и выдающіеся подбородки, черепа круглой короткой формы, при чемъ лбы во многихъ случаяхъ вдругъ отступаютъ назадъ, какъ будто нужно было возстановить равновѣсіе въ затылкѣ для поддержанія тяжести широкой нижней челюсти.

Мы имѣемъ нѣкоторыя указанія на ходъ и способъ завоеванія. Въ окнахъ іоркишскихъ полей находятся явные слѣды высадки и позднѣйшихъ операцій какого-то соединеннаго народа, простирающіеся на цѣлыя мили во внутренность страны. Въ этихъ мѣстахъ пришельцы, по видимому, смѣшались мирно съ людьми прежнихъ поселеній: круглые дольмены бронзоваго періода содержатъ здѣсь почти въ равной пропорціи черепа длинноголовыхъ и короткоголовыхъ; отсюда основательно заключаютъ, что пришельцы вступили въ мирное соглашеніе и сожительство, сопровождающееся взаимными браками, съ людьми другаго типа, тѣмъ болѣе, что нерѣдко попадаются черепа, соединяющіе характеристичныя черты обоего рода людей. Въ другихъ мѣстахъ, и въ частности въ окрестностяхъ Стонегенджа (Stonehenge), старыя племена были прогнаны, потому что никакихъ смѣшанныхъ формъ не находится въ многочисленныхъ гробницахъ, окружающихъ развалины этого храма; не находится также, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, явнаго смѣшенія череповъ того и другаго типа.

Исслѣдованіе шарообразныхъ круглыхъ дольменовъ, находимыхъ почти повсюду въ Англіи, сообщаетъ богатое количество данныхъ для изображенія жизни Британцевъ бронзоваго вѣка. Ясно, что это уже не были дикари, нація охотниковъ и рыболововъ, или даже народъ на степени пастушескаго и кочеваго быта. Эти племена знали уже

простѣйшія начала общественности и достигли знакомства съ нѣкоторыми утонченностями цивилизованой жизни ранѣе, чѣмъ они были покорены и поглощены господствующими породами Кельтскаго племени. У нихъ была собственность, состоявшая въ стадахъ скота; они умѣли ткать и готовить одежду изъ льна и шерсти; каменные жернова или ручныя мельницы и грады на холмахъ Вельса и Йоркшира доказываютъ ихъ знакомство съ нѣкоторыми родомъ хлѣбныхъ растений; есть явные слѣды ихъ поселеній, доказывающіе, что они уже имѣли привычку жить вмѣстѣ цѣлыми круглообразными деревнями; домашняя утварь разнообразнѣе и отличается гораздо болѣе тонкою работою и т. д.

Когда и какимъ процессомъ эти племена слились съ Кельтскими народами — это всегда останется неизвѣстнымъ. Вслѣдствіе возобладавшаго обычая сжигать трупы, слѣжалось очень трудно различать ихъ украшенія и оружіе отъ позднѣйшаго кельтскаго типа; и если гдѣ это круглоголовое населеніе остается въ своихъ потомкахъ до настоящаго времени, представляется довольно труднымъ отличить его отъ массы позднѣйшаго датскаго элемента. Очевидно впрочемъ, что племена бронзоваго періода оставались въ нѣкоторыхъ частяхъ Британіи вплоть до времени римскаго завоеванія; вѣроятно, что со временемъ труды филологовъ подтвердятъ предположеніе, что языки Кельтовъ въ Британіи подверглись чувствительному вліянію отъ соприкосновенія съ Финнскими племенами, занимавшими ранѣе ея почву. Начало этого рода уже и положено: Въ „Чтеніяхъ о вельской (Валлійской) филологіи“ (Lectures on Welsh Philology. London, 1881), проф. Рисъ (Rhys) отмѣтилъ цѣлый рядъ явленій въ кельтскихъ языкахъ, не соответствующихъ законамъ обще-арійской филологіи и объяснимыхъ только путемъ означеннаго вліянія. Кромѣ такихъ мѣстныхъ географическихъ названій, какъ Мона, Мунуу, Мапау, Мунһаин, сюда относятся одвосложныя личныя имена, встрѣчаемыя въ надписяхъ, въ спискахъ королей и въ разнаго рода повѣстяхъ и сказкахъ — въ родѣ Сопи, Ганн, Grid, Ру, Wid, Nud. Личныя имена арійскихъ языковъ — всегда сложны по своему происхожденію и если когда появляются въ формѣ односложныхъ, то всегда можно возвести ихъ къ первоначальному сложному виду, между тѣмъ какъ безсмысленныя одвосложныя, подобныя вышеприведеннымъ, не носятъ на себѣ никакихъ слѣдовъ существованія въ сложной формѣ и потому должны быть считаемы чуждыми арійскому источнику. Сверхъ того, въ древнемъ вельскомъ и ирландскомъ нарѣчій замѣчаются слѣды

агглютинація, состоящей въ томъ, что мѣстоимѣніе въ неизмѣненномъ видѣ приставляется къ глаголу или вставляется въ середину; такое соединеніе вельскихъ предлоговъ съ мѣстоимѣніями, какъ *ego* для меня, *ego* для тебя, напоминаетъ также мадьярскій языкъ и т. п. (Elton, pag. 167).

Къ какому же заключенію приводятъ насъ относительно нашего главнаго пункта данныя и результаты до-исторической археологіи? Изъ нихъ слѣдуетъ съ несомнѣнною ясностію, что Кельты вовсе не были первоначальными обитателями западной Европы, что имъ предшествовали, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, другія племена неарійскаго происхожденія, и что эти неарійскіе элементы, подчинившіеся Кельтамъ, смѣшались съ нами въ фивіологическомъ отношеніи и не только обусловили измѣненія въ первоначально единомъ галльскомъ типѣ; но отчасти сохраняютъ свое существованіе въ современныхъ намъ жителяхъ Франціи и Великобританіи, ихъ потомкахъ, и что именно тѣ малорослые черповолосые индивидуумы, которыхъ прежде считали настоящими и подлинными Кельтами, больше всего поддерживаютъ физическую традицію неарійской крови. Но если мы захотимъ археологическіе результаты сопоставить и согласить съ чисто этнографическими, если захотимъ подъ различными періодами докельтской древности подписать опредѣленные племенные названія классической географіи, то тутъ встрѣтимся съ большими затрудненіями и явными противорѣчіями. Узелъ вопроса заключается въ тѣхъ короткоголовыхъ людяхъ, которые во Франціи являются первыми соорудителями дольменовъ, а въ Англіи, сверхъ того, уже представителями бронзоваго періода. Не одинаковыми этнографическими терминами обозначаются они у приведенныхъ нами ученыхъ: одинъ считаетъ ихъ принадлежащими къ Лигурійскому племени, другой — къ Фиппскому: противорѣчіе примирялось бы легко, еслибы и всѣ дальнѣйшія черты помимо устройства черепа предполагались одинаковыми, по этому нѣтъ. Елтонъ своимъ брахикефаламъ приписываетъ высокій ростъ и бѣлокурныя полосы, чего мы не можемъ признать за Лигурійцами, такъ какъ они должны раскрыть намъ происхожденіе, малорослаго и черповолосаго населенія во Франціи. Разъясненія этихъ и другихъ противорѣчій слѣдуетъ ожидать отъ дальнѣйшихъ успѣховъ науки. Но если бы здѣсь и тамъ это была бы одна и та же раса, то на основанія всего предыдущаго мы должны были бы ходъ ея распространенія представлять себѣ такъ, что она съ начала восторжествовала надъ долихокефалами Франціи и положила здѣсь начало новому

развитію, въ которомъ приняли участіе и палеолитическіе долихокефалы, какъ материка, такъ и Британскихъ острововъ, начавшіе строить дольмены (длинные — на послѣднихъ), и что затѣмъ короткоголовое племя, уже познакомившись съ бронзою, перебравшись само въ Британію, стало сооружать тамъ круглые дольмены и открыло бронзовый періодъ на островѣ. При такомъ представленіи дѣла, очевидно, опять не остается спеціальнаго археологическаго періода для Кельтовъ, если мы будемъ мыслить ихъ какъ нѣчто отдѣльное отъ Галловъ, представителей желѣза. Въ сущности къ такому заключенію и приходитъ новѣйшій англійскій изслѣдователь, которымъ мы выше занимались. Кельты, которымъ принадлежитъ начало желѣзнаго вѣка, а въ то же время и чисто-историческаго, хотя и считаются у него отличными отъ Галловъ, но это различіе имѣетъ совершенно другой смыслъ, чѣмъ у Вертрана. Кельты у Елтона суть всѣ исконные обитатели Великобританіи и Ирландіи, пришедшіе сюда тотчасъ послѣ до-исторической бронзовой расы, а Галлами онъ называетъ тѣхъ позднѣйшихъ пришельцевъ съ противоположнаго берега, о которыхъ говоритъ Юлій Цезарь, въ частности обозначающій эти колоніи какъ бельгійскія; основаніе здѣсь этихъ поселеній завоевательнымъ характеромъ относится къ очень сравнительно позднимъ временамъ: оно началось за нѣсколько поколѣній до Цезаря и едва закончилось къ эпохѣ римскаго завоеванія. Такимъ образомъ, здѣсь противопоставляются не Белги Галламъ, не Кимры Гаеламъ, а только материковые Кельты историческаго времени такимъ же островнымъ. Нужно замѣтить, что это дѣлается совершенно сознательно; опираясь на результатахъ новыхъ филологическихъ изслѣдованій, при чемъ главнымъ образомъ имѣются въ виду „Чтенія о вельской филологіи“ Риса, Елтонъ считаетъ возможнымъ совершенно устранить предположеніе объ исконномъ различіи кимрійскаго нарѣчія въ Вельсѣ отъ гаельскаго нарѣчія въ Ирландіи (ерзе), послужившее между прочимъ исходнымъ пунктомъ для теоріи Тьерри. Результаты новыхъ филологическихъ изслѣдованій приводятъ, если слѣдовать англійскимъ ученымъ, къ признанію первоначальнаго тождества между древнѣйшими формами обоихъ нарѣчій, кимрійскаго и ерзе, и большаго различія между ними обоими, съ одной стороны, и языкомъ континентальныхъ Галловъ—съ другой. Теперешнее различіе между гаельскимъ и кимрійскимъ есть явленіе непервоначальное, а позднѣйшее; ближайшее отношеніе кимрійскаго нарѣчія къ древнему галльскому нарѣчію материка утверждено было на томъ, что въ кимрійскомъ, какъ и въ древнемъ галль-

скомъ (судя по собственнымъ именамъ и надписямъ), одинаково встрѣчались звуки и буквы *p*, *t/h*, *s*, совсѣмъ исчезнувшіе въ ирландскомъ, а можетъ быть, и никогда въ немъ не существовавшіе. Но послѣ точнаго изслѣдованія сходство оказывается обманчивымъ, ибо его признаки относятся не къ одной эпохѣ для обоихъ сравниваемыхъ языковъ, а къ различнымъ. Въ вельскомъ означенные звуки появляются и наблюдаются послѣ V вѣка, когда уже прекратилось развитіе кельтскаго языка въ Галліи, а прежде того ихъ не было; такъ что въ періодъ дѣйствительной жизни кельтицизма въ Галліи существовало напротивъ различіе между островнымъ и галльскимъ нарѣчіемъ. Позднѣе, но вслѣдствіе самостоятельнаго развитія, кимрійское нарѣчіе Вельса достигло той же степени, на которой стоялъ прежде языкъ Галліи, и вслѣдствіе того разошлось съ галльскимъ, къ которому ранѣе того было гораздо болѣе близка. Это самое заставляетъ предполагать ближайшее племенное единство самого населенія западной Британіи и Ирландіи.

III.

Наблюденіе о близкомъ сходствѣ нынѣшнихъ Французовъ съ древними Галлами по темпераменту и характеру, даже по вкусамъ и стремленіямъ, давно уже высказанное историками и мыслителями, сдѣлалось, можно сказать, общимъ мѣстомъ, которое припоминается всякій разъ, когда заходятъ рѣчь о судьбахъ и дѣяніяхъ великой и блестящей Французской націи. По общераспространенному убѣжденію, въ Галлахъ, какъ ихъ изображаютъ Цезарь и другіе древніе писатели, нельзя не признать современныхъ намъ Французовъ; не смотря на всѣ перевороты внѣшніе и внутренніе, совершившіеся въ теченіе двухъ тысячелѣтій въ предѣлахъ нынѣшней Франціи, основныя черты характера Галловъ сохранились и до нынѣ безъ всякаго измѣненія; Французы по своему характеру, по своей нравственной природѣ, остаются истинными Галлами. Это явленіе послѣдственности въ области нравственной должно представляться для насъ тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что мы только съ весьма большими ограниченіями можемъ допустить существованіе фізіологическаго родства между Галлами и Французами. Можетъ быть, старое наблюденіе требуетъ повѣрки и выведенное изъ него заключеніе—значительнаго видоизмѣненія или дополненія. Познакомимся, однако, поближе съ подлежащими изученію характерами, и воспользуемся для этого прежде всего характеристи-

кою современныхъ Французовъ у одного французскаго мыслителя, автора знаменитаго сочиненія „L'ancien régime et la révolution“ ¹⁾.

„Изъ всѣхъ явленій французской исторіи“, говоритъ Токвилль во введеніи къ своему труду, — „наиболѣе страннымъ и необыкновеннымъ кажется самъ Французскій народъ. Былъ ли когда на свѣтѣ народъ, болѣе исполненный контрастовъ и болѣе способный впадать въ крайности, болѣе руководящійся чувствами, и менѣе принципами, стоящій то много выше, то много ниже общаго уровня человечества, — народъ столь неизмѣнный въ главныхъ своихъ чертахъ, что легко его узнавать въ разказахъ Цезаря, и столь переменчивый въ своихъ ежедневныхъ помыслахъ и наклонностяхъ, что перѣдко онъ самъ для себя становится неожиданнымъ зрѣлищемъ, и самъ не менѣе иностранцевъ принужденъ изумляться при видѣ собственныхъ дѣлъ своихъ, — народъ, болѣе привязанный къ своему дому и къ своимъ привычкамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе способный все измѣнять и идти на край свѣта, коль скоро онъ вышелъ изъ обычной колеи, непокорный по самой натурѣ и уживающійся съ произвольнымъ и насильственнымъ правленіемъ одного лица гораздо охотнѣе, чѣмъ съ разумнымъ и свободнымъ правленіемъ лучшихъ гражданъ, никогда не свободный на столько, чтобъ нельзя было поработить его, и никогда не поработенный такъ, чтобъ онъ не могъ свергнуть съ себя иго, не знающій границы ни въ рабствѣ, ни въ свободѣ, легко вѣдимый на ничтожѣ и неудобоуправляемый, какъ только поданъ ему примѣръ сопротивленія власти, годный на все, но стоящій на высшей степени совершенства только въ военномъ дѣлѣ, народъ болѣе преклоняющійся предъ случаемъ, передъ силою, передъ успѣхомъ и блескомъ, чѣмъ предъ истинною славой, болѣе способный къ героизму, чѣмъ къ добродѣтели, къ гениальности, чѣмъ къ здравому смыслу, къ составленію колоссальныхъ замысловъ, чѣмъ къ совершенію великихъ предпріятій: самая блестящая и самая опасная нація въ Европѣ, попеременно возбуждающая къ себѣ удивленіе, ненависть, жалость, страхъ, но никогда не равнодушіе“.

Если бы чужно было эту блестящую страницу замѣнить сухимъ перечисленіемъ основныхъ чертъ французскаго характера, мы должны

¹⁾ Сочиненіе Токвилля переведено на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Старый порядокъ и революція», подъ редакціей Н. Кондирева. С.-Пб. 1861 г., а ниже-слѣдующій отрывокъ — сверхъ того находится въ сочиненіи А. И. Герцклевск. «Галлы въ эпоху Юлія Цезаря», во введеніи, откуда онъ и заимствованъ.

были бы поставить впереди всего указаннаго и здѣсь подвижность и непостоянство, неустойчивость и наклонность къ массовымъ увлеченіямъ, *mobilité* и *sociabilité*, какъ выражаются Французы. Легко показать, что такія черты были уже старыми, ископными недостатками или качествами древнихъ Галловъ. Пользуясь русскою книгою о Галлахъ, въ которой очень полно и хорошо сведены относящіеся сюда тексты классическихъ писателей, предлагаемо для сравненія нѣсколько отзывовъ о характерѣ древнихъ Кельтовъ. По замѣчанію Цицерона, Галлы такъ отличаются природою и обычаями отъ прочихъ народовъ, что древніе писатели безъ труда могли уловить всѣ особенности ихъ характера. Извѣстный римскій диктаторъ Камиллъ, какъ говоритъ Титъ Ливій, называлъ ихъ націей, которой природа дала и тѣло, и духъ болѣе великіе, чѣмъ крѣпкіе и сильныя („*Gens est, cui natura corpora animosque magna magis, quam firma, dederit*“). Эта великость духа происходила отъ необыкновенной горячности, воспримчивости, впечатлительности, которыя всегда были отличительными чертами ихъ характера. Но живая воспримчивость Галловъ нисколько не умѣрялась твердымъ храненіемъ разъ воспринятыхъ впечатлѣній. „Всякій, кто только хочетъ“, говоритъ Страбонъ (Геогр. IV, 4),— „гдѣ бы, когда бы и подъ какииъ бы ни было предлогомъ, легко можетъ возбудить и воодушевить Галловъ, и тогда они готовы на всякую опасность“. Благодаря необыкновенной воспримчивости Галловъ, виновники новыхъ замысловъ всегда пользовались у нихъ великимъ авторитетомъ; у нихъ была кака-то особенная наклонность къ перемѣнамъ и страсть къ политическимъ переворотамъ, *novis rebus student*. Цезарь называетъ Галловъ чрезвычайно любопытными и падкими до новостей; онъ описываетъ, какъ они останавливали всѣхъ прохожихъ и волею-неволею заставляли ихъ разказывать всевозможныя были и небылицы, какъ народъ окружалъ купцовъ на рынкахъ и оснпалъ ихъ вопросами, откуда они, что видѣли и что слышали. Возбужденные такъ либо ипаче добытыми нерѣдко совершенно пустыми слухами, они принимали рѣшенія часто о весьма важныхъ дѣлахъ, въ которыхъ имъ приходилось сейчасъ же расказываться (B. G. IV, 5). Такимъ образомъ Цезарь обвиняетъ Галловъ въ необыкновенной быстротѣ и неосновательности рѣшеній (*Gallorum sunt subita et repentina consilia*). Поливій говоритъ, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Галлы руководствуются не столько разумомъ, сколько горячію своимъ сердцемъ (II, 35). Эта способность горячо увлекаться первымъ впечатлѣніемъ и подъ его непосредственнымъ влія-

нѣмъ немедленно приниматься за дѣло была тѣмъ болѣе опасна, что они обыкновенно сходились на совѣщанія цѣлыми массами, массами проникались однимъ и тѣмъ же чувствомъ, однимъ и тѣмъ же порывомъ (Страбонъ). Древніе писатели, напримѣръ, Цезарь и Полливій, указываютъ также на легковѣрность и легкомысліе, на необдуманность и безразсудство Галловъ, на ихъ неустойчивость въ намѣреніяхъ и слабодушность: *infirmitas, levitas et mobilitas animi*. Они легко переходили отъ одной крайности въ другую, такъ что все зависѣло отъ впечатлѣнія минуты. Какъ бодро и скоро они рѣшались на войну, также легко и падали духомъ при первой неудачѣ. „Трудно рѣшить“, пишетъ Цезарь (VIII, 3),—„болѣе ли надмеваются Галлы при малѣйшихъ успѣхахъ, или падаютъ духомъ при незначительныхъ неудачахъ. Они легко падаютъ духомъ при первой неудачѣ“ (B. G. III, 19). При способности увлекаться, Галлы прежде всего увлекаются собою—они заносчивы, тщеславны и хвастливы: это замѣчаетъ и Ливій, въ разказѣ о первомъ нашествіи Галловъ на Римъ, и Цезарь. Они склонны къ преувеличеніямъ и фразерству: Діодоръ указываетъ на ихъ обыкновеніе говорить темно, цвѣтисто и папыщенно. Въ Галлахъ развита страстная любовь къ военной славѣ, власти и внѣшнему блеску. Галлы по самой природѣ своей, говоритъ Страбонъ,—военная нація, и они обладаютъ нѣкоторыми качествами хорошаго солдата въ высокой степени; но и въ войнѣ они неустойчивы, неспособны, по словамъ Ливія, переносить продолжительный трудъ и зной, особенно жажду и бессонницу. Это подтверждаютъ и Цезарь, и Полливій. Война съ тѣми разнообразными и живыми ощущеніями, которыя она съ собою приноситъ, особенно привлекаетъ къ себѣ Галловъ; они любили войну для войны, а не ради ея результатовъ. Они дорожили не столько добычей, сколько военною славою и возможностью тщеславиться и хвастаться своими военными подвигами. Ливій разказываетъ, что „широкія раны, которыя они получали въ сраженіи, нисколько ихъ не смущали; иногда даже сами они разсѣкали кожу, чтобы рана казалась шире и была замѣтнѣе; но если рана была мала, а между тѣмъ глубока и опасна, тогда они приходятъ въ отчаяніе“. На равнѣ съ воиннымъ дѣломъ, Галлы имѣли особенное пристрастіе къ остроумной и живой рѣчи, тонкимъ и замысловатымъ выраженіямъ: *Pleraque Gallia duas res industriosissime persequitur, rem militarem et argute loqui*, замѣтилъ старій Катонъ. Должно быть, замѣчаетъ современный Французъ,—римская важность (*gravitas*) такъ же трудно мирилась съ нашимъ насмѣшливымъ характеромъ и нашею

непреодолимую потребностію de faire des mots, какъ и нѣкоторая современная тяжеловѣсность нашихъ сосѣдей. Сверхъ того, Галлы имѣли несомнѣнную склонность и способность къ ораторскому краснорѣчію. Уже изъ Цезаря видно, что и ораторы у нихъ были не рѣдки, и сила слова имѣла большую власть надъ умами. Галльскій Гераклесъ въ мифологіи выражаетъ эту идею.

Приведемъ теперь еще одну новую характеристику.

„Кельтская, иначе Галатская или Галльская нація“, пишетъ Моммсенъ, — „получила отъ общей матери иное приданое, чѣмъ Италійская, Германскія и Эллинскія сестры ея. При многихъ солидныхъ и еще болѣе блестящихъ достоинствахъ, у нея недостаетъ той глубокой нравственной и государственной основы, на которой зиждется все хорошее и великое въ челоуѣческомъ развитіи. Для свободнаго Кельта, говоритъ Цицеронъ, — считалось позорнымъ воздѣлывать поле собственными руками. Земледѣлію они предпочитали пастушескій образъ жизни, и даже въ плодородныхъ долинахъ По, промышляли по преимуществу скотоводствомъ, питаясь мясомъ отъ своихъ стадъ и пребывая съ ними днемъ и ночью въ дубовыхъ лѣсахъ. Той преданности родимой почвѣ, которая свойственна Италійцамъ и Германцамъ, у Кельтовъ недостаетъ,—между тѣмъ какъ, съ другой стороны, они любятъ селиться въ кучѣ, по городамъ и мѣстечкамъ, разрастающимся и приобретающимъ у нихъ значеніе, какъ кажется, ранѣе, чѣмъ въ Италіи. Гражданское устройство ихъ очень несовершенно: не только единство народное выражается у нихъ слабою племенною связью, что можно, пожалуй, сказать въ началѣ и обо всѣхъ націяхъ,—но даже и въ отдѣльныхъ общинахъ у нихъ не хватаетъ единодушія и твердой организаціи власти, строгаго духа гражданственности и послѣдовательныхъ стремленій. Единственная организація, которой они подчиняются,—это военная, узамъ дисциплины своей избавляющая недѣлимаго отъ тяжелой заботы самообладанія. „Выдающіяся свойства Кельтскаго племени“, говоритъ историкъ его Тьерри,—„суть: личная храбрость, которую они превосходятъ всѣ народы, открытый, стремительный доступный всякому впечатлѣнію темпераментъ,—бойкій умъ, но при этомъ крайняя подвижность, отсутствіе выдержки, отвращеніе отъ подчиненности и порядка, хвастливость и пескончаемые раздоры, слѣдствіе безграничнаго тщеславія“. Короче говорить въ этомъ же смыслѣ старикъ Катонъ: „У Галловъ болѣе всего въ ходу двѣ вещи—военное дѣло и красное слово“. Такія свойства хорошихъ солдатъ и плохихъ гражданъ объясняютъ намъ историческій фактъ, что Кельты

поколебали всѣ государства, но сами не основали ни одного. Вездѣ мы ихъ видимъ готовыми странствовать, то-есть, предпринимать походы, предпочитая движимое добро клочку земли, и всему вообще—золото, и занимаясь войною, какъ организованнымъ разбоемъ, или даже какъ ремесломъ за плату, во всякомъ случаѣ, впрочемъ съ такимъ успѣхомъ, что даже римскій историкъ Саллюстій признаетъ превосходство Кельтовъ надъ Римлянами. Это настоящіе ландскнехты древности, какъ намъ представляютъ ихъ изображенія и разказы: большія, немускулистыя фигуры съ косматою головою и длинными усами, совершенно наоборотъ съ Греками и Италийцами, которые стригли усы и голову,—въ пестро-цвѣтныхъ и вышитыхъ платьяхъ, которыя въ битвѣ нерѣдко сбрасывались, съ широкимъ кольцомъ на шеѣ, безъ шлема и безъ какого бы то ни было метательнаго оружія, но за то съ необъятнымъ щитомъ и длиннымъ, душно закаленнымъ мечомъ, съ кинжаломъ и пикой,—и все это въ золотыхъ украшеніяхъ, такъ какъ они вообще умѣли недурно выдѣлывать изъ металловъ. Для похвальбы служило все, даже рана, которую часто значительно распирали, чтобы пощеголять болѣе широкимъ рубцомъ. Сражались они обыкновенно пѣшіе, но иные кланы, кромѣ того, и верхомъ, причемъ за каждымъ вольнымъ человѣкомъ слѣдовали два конные оруженосца; боевыя колесницы были у нихъ издревле въ употребленіи также, какъ у Ливіанъ и у Грековъ. Иныя черты напоминаютъ средневѣковое рыцарство, больше всего—чуждый Грекамъ и Римлянамъ обычай поединковъ. Не на войнѣ только имѣли они обыкновеніе вызывать на бой отдѣльнаго непріятеля, сперва осмѣивъ его словами и тѣлодвиженіями,—и въ мирное время они не рѣдко бились между собою на смерть, въ блестящемъ вооруженіи. За этими подвигами слѣдовали, само собою разумѣется, попойки и пиршества. Такимъ образомъ подъ собственными или чужими знаменами, среди нескончаемыхъ битвъ и такъ-называемыхъ геройскихъ подвиговъ, вели они свой неусидчивый солдатскій родъ жизни, разсѣявшій ихъ отъ Ирландіи и Испаніи вплоть до береговъ Малой Азіи; но что бы они ни начинали, все расплынилось, какъ весенній снѣгъ, и нигдѣ ими не было основано большаго государства, нигдѣ не создали они своей культуры" (Римск. исторія, т. I).

„Въ сильномъ круговоротѣ всемірной исторіи, который безжалостно сокрушаетъ всѣ народы не крѣпкіе и не гибкіе подобно стали, Кельты не могли долго держаться. Достопно и праведно заслужили они ту же долю отъ Римлянъ, которую ихъ соплеменники въ Ирландіи

испытываютъ отъ Саксовъ. Судьба ихъ—исчезнуть подобно дрожжамъ будущаго развитія въ политически превосходящей ихъ національности“.

„Разставаясь съ замѣчательною націей“, говоритъ далѣе Моммсенъ,—„мы позволяемъ себѣ еще напомнить, что въ извѣстіяхъ древнихъ о Кельтахъ на Луарѣ и Сенѣ, едва ли отсутствуетъ одна характеристическая черта изъ тѣхъ, по которымъ обыкновенно узнается падди (ирландскій крестьянинъ). Все есть здѣсь: медленность въ обработываніи поля; страсть къ дракѣ или пьянству; хвастливость; рѣчь, полная сравненій и гиперболъ; забавный юморъ; глубокая любовь къ лѣси и сагъ о дѣлахъ прошедшаго и рѣшительный ораторскій и поэтическій талантъ; любопытство и безумное легковѣріе; дѣтская набожность и несравненная чуткость національнаго чувства“ (Римск. исторія, т. III).

Вотъ характеристика, начертанная рукою мастера, строга и твердая. Однако, у насъ возбуждаются нѣкоторые недоумѣнія и сомнѣнія; точкой отправленія для нихъ можетъ служить именно падди. Мы не беремся здѣсь разсуждать, исполнѣ ли справедливъ упрекъ въ лѣности, брошенный въ лицо ирландскому крестьянину безъ приведенія всякихъ историческихъ смягчающихъ обстоятельствъ,—но только спрашиваемъ: почему въ данномъ случаѣ понадобился такой переходъ отъ Кельтовъ на Сенѣ и Луарѣ къ ирландскимъ ихъ соплеменникамъ. Конечно, потому, что французскій крестьянинъ никакъ не можетъ служить образцемъ лѣни и безпечности; онъ отличается совершенно противоположными качествами. Бережливость, доходящая до скупости и скряжничества, упорство въ преслѣдованіи цѣли, состоящей въ приобрѣтеніи завѣтнаго куска земли,—вотъ черты, характеризующія не только упрямаго Бретонца, но и Овернского крестьянина; трудолюбіемъ и тщательностію работы, отличается французскій мастеровой; нравы французской буржуазіи заставили признать бережливость французскою національною добродѣтелью. Во всемъ этомъ видна выдержка и предусмотрительность, находящаяся въ прямомъ противорѣчій съ легкомысліемъ и подвижностію кельтскаго характера. Только отчасти можно сказать, что это качества, привитыя культурой, ибо они обнаруживаются съ особенною силою даже въ тѣхъ слояхъ, которые всего менѣе подлежали ея дѣйствію.

Съ другой стороны при болѣе внимательномъ изученіи, если не тѣ же самыя, то подобныя противорѣчія замѣчаются и въ древнихъ

Галлахъ, какъ они описываются въ классическихъ источникахъ. Эти противорѣчія старается выставить на видъ Беллогэ въ третьей части своего сочиненія, посвященной Галльскому генію (*Le Génie gaulois*). Если мы отбросимъ, разсуждаетъ онъ, тѣ черты, которыя объясняются уровнемъ культуры и могутъ быть наблюдаемы у всѣхъ варваровъ, то у насъ останутся слѣдующіе бесспорные признаки Галльскаго природнаго характера: страсть къ битвамъ, преувеличенная національная гордость, безмѣрная хвастливость, слѣпая пылкость и впечатлительность физическая и нравственная, вслѣдствіе которой они постоянно переходили отъ одной крайности къ другой—отъ крайней самонадѣянности къ унынію, и отъ которой происходили ихъ любопытство, легковѣріе и подвижность, вошедшія въ пословицу. Затѣмъ слѣдуютъ указанія, тоже сообщаемыя древними, на такіе свойства, которыя взаимно противорѣчатъ одно другому: съ одной стороны крайнее непостоянство и недостатокъ энергіи, а съ другой твердая и героическая преданность своимъ вождямъ, и далѣе вѣрность и цѣломудріе женъ въ противоположность холодности и распутству мужчинъ; необыкновенная жадность къ золоту и въ то же время щедрое посвященіе его богамъ, тяжелая неподвижность ума и страсть къ краснорѣчію, грубая и наивная простота и способность придумывать всяческія хитрости на войнѣ, лѣнивый, мало возбужденный интеллектъ и способность къ изобрѣтеніямъ; наконецъ замѣчательная восприимчивость Трапсальпинскихъ Галловъ къ искусствамъ и цивилизаціи, тогда какъ ихъ братья въ Италіи долго оставались чуждыми самымъ простымъ удобствамъ жизни, съ которыми могли ознакомиться отъ Этрусковъ и Римлянъ.—Всѣ такіе противорѣчія Беллогэ объясняетъ, съ одной стороны, сосуществованіемъ на почвѣ Галльской двухъ или болѣе расъ, если не вездѣ, то въ нѣкоторыхъ пунктахъ еще не достигшихъ полного сліянія, но уже не различаемыхъ писателями, отчасти самымъ послѣдовавшимъ сліяніемъ ихъ, которое могло совершиться и уже въ сущности ко времени Цезаря совершилось какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Онъ предполагаетъ возможность метизаціи не только фізіологической, но и духовной, такъ что особенныя качества и способности разныхъ расъ—главнымъ образомъ Лигурійской и Кельтической—могли смѣшиваться и уравниваться, а отчасти переходить совмѣстно въ цѣлости къ позднѣйшему Галльскому потомству. Для большей ясности нужно припомнить себѣ довольно обиденное замѣчаніе объ отдѣльныхъ лицахъ, что такой-то отъ отца наслѣдовалъ такіе-то качества,

ВОПРОСЪ О КЕЛЬТАХЪ.

и отъ матери другія. Тѣ духовныя свойства, которыя одинаково были присущи обѣимъ расамъ, сохранились во всей силѣ и всецѣло перешли къ нынѣшнимъ Французамъ, сѣвернымъ и южнымъ. Особенныя спеціальныя качества отдѣльныхъ породъ выразились весьма не одинаковымъ образомъ въ различныхъ отрасляхъ Кельто-Лигурійскаго потомства; въ одной мѣстѣ возобладала одна рѣзкая черта, въ другой — иная, болѣе энергически выраженная въ которомъ-либо изъ предковъ. Беллогэ дѣлаетъ попытку распредѣлить вышеозначенныя противорѣчивыя черты, замѣченныя уже въ характерѣ Галловъ, а затѣмъ и нынѣшнихъ Французовъ, между племенными элементами, послужившими къ физическому образованію націи. Живость и подвижность темперамента онъ считаетъ общимъ наслѣдствомъ, но въ большей пропорціи отъ Лигуровъ, чѣмъ отъ Галловъ. Галлу чистой крови (*pur sang*) принадлежитъ дикое, увлеченіе, необдуманность и звѣрская ярость, неумѣренность, страсть къ нарядамъ и украшеніямъ, излишнее тщеславіе своими подвигами и самымъ происхожденіемъ, откровенность, легковѣріе, пыльное гостепріимство, простота и жесткость ума. Покоренной расѣ принадлежитъ живость ума, природное краснорѣчіе, насмѣшливость и то, что теперь называется *esprit gaulois*, безпокойное любопытство, хитрость и способность изобрѣтенія и подражанія и т. д. Намъ кажется, что ученый и проницательный авторъ входитъ въ излишнія подробности и тонкости, такъ что вслѣдствіе этого кое-что начинаетъ представляться невѣроятнымъ и натянутымъ. Для нашей цѣли было бы достаточно, если бы въ характерѣ нынѣшнихъ кельтическихъ племенъ намъ показали осязательныя слѣды другаго вліянія. Какія черты отличали древнюю Лигурійскую расу? По описанію классическихъ авторовъ, Лигуры, отличающіяся малымъ ростомъ, сухимъ и жилистымъ тѣлосложеніемъ, были націею трезвою, привычною къ труду, экономною, упрямою, переносящею всякія утомленія и лишения, *Ligures duri et agrestes* (Cicer.); *assuetus malo Ligur* (Vergil.). Самыя женщины, пользовавшіяся у нихъ большимъ почетомъ и вліяніемъ въ дѣлахъ общественныхъ, были чрезвычайно работящи и непосливы до грубости, особенно когда дѣло шло о наживѣ (Strab. III, 4, 17). Кромѣ упрямства, составляющаго наиболѣе выдающуюся черту ихъ характера, Лигуры отличались хитростію и живостію, *fallaces Ligures* (Auson.); политическіе и дипломатическіе таланты средневѣковыхъ Генуэзцевъ ведутъ отсюда свое начало. Но нельзя ли тутъ найти и нѣкоторыя черты характера современныхъ Французовъ, начиная съ крестьянина и кончая еще и теперь играющими во Фран-

цій важную роль хитрыми Генуэзцами, способными заслужить съ начала прованіе *foi fugieux*, а затѣмъ обнаружитъ замѣчательную дальновидность и выдержку?

Беллоге дѣлаетъ нѣсколько цѣнныхъ общихъ замѣчаній относительно передачи по наслѣдству племенныхъ духовныхъ качествъ— по поводу того соображенія, что Лигурійское племя легло въ основу не однихъ только собственно Французовъ, но также Бретонцевъ, Ирландцевъ, отчасти Испанцевъ. Пути природы бывають страннымъ образомъ медленны и таинственны; мы видимъ тому доказательство въ атавизмѣ, который часто проявляется въ нашихъ семьяхъ и перѣдко послѣ многихъ поколѣній вдругъ возвращаетъ дитяти типъ его дѣда, либо еще болѣе отдаленнаго предка въ той или другой восходящей линіи. Вотъ такихъ, процессъ моральнаго сліянія, о которомъ была рѣчь выше, подверженъ большимъ колебаніямъ, смотря по разнымъ обстоятельствамъ и частнымъ условіямъ смѣшенія той или другой группы; эти колебанія даютъ результаты весьма различные, которые иногда выражаются временною пріостановкою, возвращеніемъ назадъ, но въ концѣ концовъ уравниваются и сглаживаются въ совокупности населенія. Дѣйствіемъ силы еще болѣе таинственной, чѣмъ атавизмъ физическій, одно извѣстное качество, одинъ извѣстный недостатокъ одной изъ расъ будетъ господствовать въ одной странѣ, а другое качество или недостатокъ возобладаетъ въ сосѣдственной провинціи. Такъ, во Франціи, проявляются живость ума Лигура въ Провансѣ и въ Бургони, его упрямство въ Бретани, старое галльское хвастовство въ Гаскони, а римскій духъ законности и порядка въ Нормандіи. Сверхъ того, населенія, долго жившія изолированно и потому оставшіяся позади движенія цивилизаціи, тѣмъ лучше сохраняютъ наиболѣе выдающіяся черты, наслѣдованныя отъ общихъ предковъ. Нижне-Бретонецъ, наприкладъ, представляетъ болѣе вѣрно первоначальнаго Галла, только привычки къ труду и выдержка здѣсь привились *à la longue* къ запальчивости и тяжелому интеллекту Кельта. Напротивъ, Ирландецъ сближается съ старымъ человѣкомъ юга, прирожденное буйство котораго (*turbulence*) и живое воображеніе были еще усилены лѣнностію, безпечностію и пьянствомъ Кельта. Беллоге думаетъ, что именно Ирландецъ всего болѣе похожъ на классическаго Галла Цезаря и Тита Ливія; тогда какъ житель Вельса, въ одно и то же время тревожно-безпокойный (*temperant*) и упрямый, подвижный тѣломъ и духомъ, представляетъ намъ лучшій портретъ Лигура чистой крови. Наконецъ, Галль Шотландіи, хилый и хитрый, какъ его

братья въ Альпахъ, вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ труду сохранилъ главнымъ образомъ гордость расы, и вздорливый, драчливый духъ (*esprit querelleur*) своихъ кельтскихъ предковъ. Беллогэ умолчалъ объ Англичанахъ, въ жилахъ которыхъ также предполагается многими значительная примѣсь кельтической крови, а это заставляетъ думать и о психологическомъ наслѣдствѣ. Здѣсь мы должны обратиться къ тѣмъ уже извѣстнымъ намъ ученымъ, которые объясняютъ особенности и отличія Британской націи въ сравненіи съ германскими вліяніемъ кельтскихъ элементовъ.

Свою систему Пайкъ и Никелесъ прилагаютъ одинаково какъ къ физической сторонѣ, такъ и къ нравственнымъ качествамъ англійскаго типа. Если отыскавъ синтезъ англійскаго характера, разсуждаетъ послѣдній, мы убѣдимся, что онъ не сходится съ древнимъ тевтонскимъ, то мы должны будемъ искать причину различія, и если причина откроется въ характерѣ древнихъ Бриттовъ (Кельтовъ), то намъ не будетъ болѣе нужды продолжать поиски. Какія же отличительныя черты Кельтскаго и Германскаго племени? Одинъ англійскій ученый докторъ представилъ ихъ почти въ наглядной таблицѣ en regard. Кельтской расѣ принадлежатъ: живость воспріятія, большая способность комбинировать, прилежаніе, любовь къ равенству, къ обществу, къ увеселеніямъ, къ славѣ; недостатокъ осторожности и предусмотрительности, національное тщеславіе, утонченныя привлекательныя манеры, большая виѣшняя учтивость безъ внутренней симпатіи, раздражительность, отсутствіе готовности забывать обиду, явное нерасположеніе къ тяжелому труду, большой запасъ остроумія. Германская раса отличается медленностію, но точностію воспріятія и пониманія, медленностію, но глубиною и проницательностію ума, отсутствіемъ блеска остроумія, отличающаго Кельтовъ, болѣею любовію къ независимости, чѣмъ ко виѣшнимъ признакамъ ранга и достоинства, предусмотрительностію и осторожностію, сдержанностію, гостепріимствомъ, аристократическими консервативными стремленіями, уваженіемъ къ женщинѣ, искренностію, страстію къ приключеніямъ. Очевидно, однако, что у автора такой характеристики, съ одной стороны, былъ предъ глазами Французъ, какъ представитель кельтскаго типа, а съ другой какой-то слишкомъ отвлеченный идеальный Тевтонъ—повидимому, усовершенствованный въ англійской школѣ. Никелесъ не согласенъ допустить, чтобы, напримѣръ, виѣшняя учтивость, несопровождаемая внутреннимъ чувствомъ, могла характеризовать Кельтовъ Британіи,

а съ другой стороны онъ не видитъ причины отнести прилежаніе (хотя и не въ тяжелыхъ занятіяхъ) только на счетъ кельтическаго вліянія, отказавъ въ немъ Германцамъ. Намъ нужно, говоритъ авторъ Родословной Англійскаго народа,—отыскать отличія, *differentia*, подлиннаго Англичанина въ сравненіи съ подлиннымъ и настоящимъ Кельтомъ. Англичанинъ никакъ не есть вѣрная копія Германида древнихъ временъ. Онъ обнаруживаетъ интеллектуальныя и нравственныя черты, которыя не входятъ замѣтнымъ образомъ въ синтезъ стараго германскаго типа, именно: находчивость, живость, выжидательность или творчество (*constructiveness*), дѣятельность фантазій (*imaginativeness*), ищущость, доброжелательство, щедрость, индивидуализмъ и религіозный идеализмъ. А что касается Кельта, то опять значительная доза тяжеловѣсныхъ, солидныхъ и здоровыхъ (*strong*) качествъ Англичанина кладетъ широкую раздѣлительную черту между обоними. Физіологія и психологія говорятъ, что главныя качества Кельтической расы суть блестящая конценція (*brilliance of conception*), пылкость темперамента, безотчетное стремленіе къ дѣйствию. Мы всѣ знаемъ, какъ они живы, прихотливы, капризны, впечатлительны, какъ неспособны къ разсудительному совѣту, къ дипломатіи, къ организаціи, терпѣливому труду и выжиданію благоприятнаго времени. (Авторъ имѣлъ въ виду ирландскую агитацію шестидесятихъ годовъ).—Затѣмъ Кельты характеризуются ихъ литературою, что уже ранѣе блестящимъ образомъ было сдѣлано Ренапомъ, правда, съ большими, можетъ быть, пристрастіемъ, чѣмъ у Англичанина, тоже расположеннаго къ Кельтамъ, тоже считающаго себя ихъ потомкомъ ¹⁾.

¹⁾ Извлеченія изъ статьи Ренама «La poésie des races celtiques», мы уже находимъ въ известномъ сочиненіи В. И. Ламанскаго: «Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго міра» (С.-Петербургъ, 1871), и заимствуемъ отсюда слѣдующіе два отрывка. «Безконечная тонкость чувства, отличающая Кельтскую расу, тѣсно связана съ ея потребностію въ сопереживленіи. Натуры, мало раскрывающіяся, всегда чувствуютъ наиболѣе глубоко, ибо чѣмъ глубже чувство, тѣмъ оно меньше стремится къ обнаруженію. Отсюда эта прелестная скромность, какая-то прикрываемость, сдержанность и мнѣшество, такъ живо проявляющіяся въ пѣсняхъ сборника «*Villemaurque*» и столь далеки и отъ сродной племенамъ латинскимъ риторичности чувства, и отъ напускной наивности Нимцевъ. Наружная сдержанность Кельтовъ зависитъ отъ втой внутренней робости, заставляющей думать, что чувство высказанное теряетъ половину своей силы и что сердце не нуждается въ постороннихъ зрителяхъ. Если-бы было позволено означать полъ народомъ, какъ отдѣльными лицами, то слѣдовало-бы не колебаться сказать, что Кельтская раса, особенно въ Кимрской или Бретонской вѣтви, есть су-

Фантазія и воображеніе Кельта, выразившіяся въ средневѣковой литературѣ, никогда не были оцѣнены должнымъ образомъ. Ихъ созданія часто странны, грубы, безсвязны, негармоничны, но безъ сомнѣнія несутъ на себѣ печать подлинной поэзіи. Сѣмена поэтическаго

шественно женская. Полагаю, что ни одно племя человѣческое не внесло въ любовь столько таинственности. Ни одно не задумывало съ большимъ изяществомъ женскаго идеала и не находилось подъ столь сильнымъ его вліяніемъ... Женщина въ поэзіи Кельтской является какъ родъ неяснаго видѣнія, посредникомъ между человекомъ и міромъ сверхъестественнымъ... Сравните Женевру и Изольду съ вѣтвими скандинавскими еурилами Гудруною и Кригильдою, и вы согласитесь, что рыцарскій идеалъ женщины, этотъ идеалъ нѣжности и красоты, какъ высшая цѣль жизни — не есть созданіе ни классическое, ни христіанское, ни германское, а чисто кельтское».

«Въ идеальныхъ созданіяхъ Кельтовъ сравнительно съ Германскими съ перваго раза поражаетъ та чрезвычайная мягкость нравовъ, которая въ нихъ называется. Тутъ нѣтъ страшныхъ мщеній, наполняющихъ Эдду и Нибелунги. Сравните кельтскаго и германскаго богатыря, напримѣръ, Передура и Беовульфа. Какое различіе! Здѣсь весь ужасъ отвратительно кроваваго варварства, опьяненіе убійствомъ, безкорыстный, если можно сказать, вкусъ къ разрушенію и смерти; тамъ, напротивъ, глубокое чувство справедливости, сильное, правда, увлеченіе индивидуальною гордостью, но вмѣстѣ большая потребность въ самопожертвованіи, строгая законность. Человѣкъ тиранническій, черныиъ человѣкъ является тамъ, какъ у Омера Лестригоны и Циклопы, только для внушенія ужаса противоположностью нравамъ болѣе мягкимъ. Это почти то же, что злой человѣкъ въ напивномъ воображеніи ребенка, воспитаннаго матерью въ страхъ Боженіемъ. Первообытныиъ Германецъ возмущаетъ насъ своею безпредметною грубостью (*brutalité*), этою любовью ко злу, которая дѣлаетъ его умнымъ и сильнымъ только для ненависти и вреда. Богатырь кимрскій, напротивъ, въ своихъ странныхъ уклоненіяхъ всегда руководится привычками благоволенія и живаго сочувствія къ существамъ слабымъ. Это чувство одно изъ самыхъ глубокихъ у народовъ кельтскихъ». Въ самомъ началѣ своей статьи, написанной въ 1854 году, Ренанъ, для предупрежденія недоразумѣній, замѣтилъ, что его характеристика относится не къ цѣлой кельтской расѣ, нѣкогда составлявшей все населеніе запада, а только къ четыремъ упомянутымъ и нѣсколько забытымъ исторіею группамъ: 1) Кимри Вельса, 2) Вретоны французской Бретаніи 3) Галлы Шотландіи и 4) Ирландцы. Но другіе знатоки дѣла считаютъ необходимыми еще дальнѣйшія ограниченія. Профессоръ поэзіи въ Оксфордѣ и поклонники Вальсейской литературы Матью Арнольдъ (*Matthew Arnold*), утверждаетъ, что такіа выраженія, какъ *douce petite race naturellement chrétienne, race fière et timide à l'extérieur gauche et embarrassée* — еще могутъ, пожалуй, идти къ Кимри, но ни какъ къ Галлу, ни подъ какимъ видомъ — къ типическому Ирландцу. Равнымъ образомъ *«Infinie délicatesse de sentiment qui caractérise la race Celtique»* совсѣмъ не согласуется съ ходячимъ народнымъ предположеніемъ объ Ирландцѣ... *How little that accords with the popular conception of an Irishman who wants to*

вдохновенія и генія, заложенные въ Кимрскомъ духѣ — въ періодъ господства римской культуры и еще ранѣе, — оставались потомъ нѣкоторое время погребенными подъ тяжелою массою развалинъ варварской эпохи германскихъ завоеваній; но благодаря природной живучести кельтскаго темперамента, неблагопріятныя вліянія были мало по малу побѣждены; Кимрамъ Вельса принадлежитъ честь возбужденія, внесеннаго въ область мысли и литературъ европейскихъ; толчокъ, ими данный, сильнѣе, чѣмъ какой-либо другой, когда-либо пошедшій отъ другаго народа. Смѣшанныя расы, населявшія Англію, были туги и медленны на развитіе какой бы то ни было литературы. Сравнительно болѣе чистыя и безпримѣсныя кельтическія населенія Вельса и Арморикіи далеко опередили ихъ, и благодаря счастливому сочетанію способности къ построенію (*constructiveness*), любви къ чудесному, безграничной и плодотворной фантазій, успѣли создать тинъ литературы, до тѣхъ поръ вѣроятно неизвѣстной въ Европѣ. Романтическая поэзія и проза, господствовавшая въ средніе вѣка и съ такимъ могуществомъ въ Бретани, Провансѣ, Италіи, Германіи и Англіи — получили свое начало, какъ основательно полагаютъ, среди Кимровъ. Приключенія Мерлина, короля Артура, и рыцарей Круглаго стола, Ричарда Львиное Сердце и толпы другихъ занимаютъ первенствующее мѣсто въ поэмахъ французскихъ труверовъ и въ итальянской эпической поэзіи. Вельсскій Мабиногіонъ (сборникъ сказокъ) заключаетъ въ себѣ остатки творчества, показывающіе воображеніе столь игривое и чувство столь деликатное и пѣжное, что въ этомъ отношеніи они не уступятъ произведеніямъ никакого другаго вѣка. Какъ это случилось? Можетъ ли это быть объяснено иначе, какъ проявленіемъ наслѣдственныхъ качествъ характера? Культура и геній, обнаружившіе свои присутствіе и ранѣе, не смотря на неблаго-

borrow money! См. сочиненіе Арнольда: *On the study of celtic literature*. London, 1867, pag. 100 и сл. Оставивъ въ сторонѣ нѣкоторые признаки и оттѣнки племенной и провинціальной враждебности, не чуждыя отзывамъ Арнольда — Кимра объ Ирландцахъ — Гидедахъ, все-таки слѣдуетъ согласиться, что законы бы ни были хорошія и дурныя стороны національнаго ирландскаго характера, робость, застѣнчивость и деликатность не входятъ въ разрядъ ни тѣхъ, ни другихъ. Что касается собственной попытки Арнольда найти общую характеристику, одинаково являющую въ Кимри и Гидедахъ, то въ сущности она близко сходится съ приводимыми нами взглядами автора «Родословной Англійскаго народа и его соперника, Пайка. Истиннее было бы останавливаться здѣсь долѣе на этомъ, конечно, любопытномъ вопросѣ.

госпіятную обстановку и политическія бѣдствія, поднялись наконецъ изъ своего подавленнаго и темнаго положенія и распространили свѣтъ и животворную силу, которыхъ тевтонскій завоеватель не умѣлъ еще понять и оцѣнить, надъ многими странами запада. Во всякомъ случаѣ, романтическая литература была слишкомъ легка и воздушна по натурѣ своей, чтобы она могла получить начало или даже найти первую поддержку въ подлинномъ тевтонскомъ умѣ, если мы и признаемъ за нимъ извѣстную долю поэтической воспримчивости и изобрѣтательности. Плавѣрное такое тевтонскаго ума не существовало въ Британіи въ первое вѣка послѣ саксонскаго завоеванія. Новая смѣшанная раса—Бриттоны съ Англами и Саксами, — названная Англійскою, была слишкомъ матеріальна и чувственна, слишкомъ подчинена руководству ея теперешняго демона—здравлаго смысла, чтобы имѣть вкусъ къ этимъ созданіямъ воображенія, гдѣ рѣчь идетъ о великансахъ, злыфахъ, волшебникахъ и феяхъ. Эти продукты кельтской фантазіи нашли себѣ сочувственный пріемъ среди континентальныхъ націй — въ Бретани, Провансѣ, Нормандіи, гдѣ много было кельтской крови. Каковы бы ни были достоинства романтической литературы, разсматриваемой въ себѣ самой, она несомнѣнно говоритъ въ пользу народа, который далъ ей существованіе. Въ ея произведеніяхъ выражается большая умственная сила и плодовитость воображенія. На сколько средневѣковые романы обнаруживаютъ эти качества, на столько они обнаруживаютъ геній и культуру кельтской расы.—Что же сказать о Шэмсѣ и Тевтонѣ? Сколько его знаетъ исторія, это всегда былъ нѣсколько медленный, раздумчивый, разсудительный и осторожный индивидуумъ; однако, хотя медленно, но постоянно движущійся впередъ индивидуумъ. Можетъ быть, не слѣдуетъ ожидать ничего блестящаго, нѣжнаго, поэтическаго отъ подлиннаго типическаго Германца; но не будетъ ничего удивительнаго, если онъ совершитъ нѣчто поразительно великое—въ области мысли или дѣйствія,—ибо онъ владѣетъ ясною головою и твердою мыслию... Теперь что же остается сказать объ Англичанинѣ? Есть ли онъ вѣрное отраженіе кельтскаго или германо-тевтонскаго типа? Конечно, нѣтъ; оно не есть ни то, ни другое. Современный англійскій народъ есть точное изображеніе результата, какой долженъ былъ произойти отъ смѣшенія и соединенія двухъ элементовъ. Народъ въ одно и то же время высоко-честолюбивый и работающій; богато одаренный фантазією и практическій; гордый и терпѣливый; энергическій и осторожный; религіозный и свободомыслящій, изобилующій философами

и купцами; изобрѣтательный, способный на открытія и любящій твердо держаться преданія—этотъ народъ на каждой страницѣ своей исторіи показываетъ, что онъ происходитъ ни отъ Тевтонской, ни отъ Кельтической націи, а отъ обѣихъ.

Недостатокъ этой попытки объяснить генезисъ англійскаго характера сліяніемъ двухъ нравственныхъ темпераментовъ, Кельтическаго и Германскаго, состоитъ опять-таки въ томъ, что авторъ совершенно опускаетъ изъ виду значеніе третьяго основнаго элемента, тѣмъ болѣе важнаго, чѣмъ онъ рѣзче отличался отъ первыхъ двухъ, элемента неарійскаго: о позднѣйшемъ норманскомъ можно и не говорить, такъ какъ въ данномъ вопросѣ никто не приписываетъ ему существеннаго значенія. Нужно припомнить, что въ фізіологическомъ отношеніи Англичане—суть, конечно, потомки Англо-Саксовъ, а затѣмъ—того смуглаго черноволосаго племени, которое только по ошибкѣ считалось кельтическимъ, и наконецъ,—уже на третьемъ мѣстѣ—потомки Кельтовъ, и что въ этомъ, то-есть, фізіологическомъ отношеніи различіе между Кельтами и Германцами было весьма незначительно. Не слѣдуетъ ли думать, что также не глубоки были и нравственные отличія между обѣими бѣлокуроими расами, и что причины отличій Англичанъ отъ Ирландцевъ заключаются не столько въ извѣстныхъ пропорціяхъ кельтической примѣси, сколько той другой—лигурійской или по инымъ, иберійской? Вопросу о „предкахъ и предшественникахъ Англійскаго народа“ посвятилъ нѣсколько лекцій и статей знаменитый англійскій натуралистъ Гѣксли; относительно послѣдственности характера онъ именно полагалъ, что не было никакого различія—ни физическаго, ни интеллектуальнаго, ни моральнаго—между расами кельтскою и германскою, и что сходству фізіологическому соответствовало здѣсь полное сходство психическое. Къ сожалѣнію, имѣти въ виду нѣкоторые политическіе выводы по отношенію къ Ирландіи, онъ вообще болѣе настаиваетъ на сходствахъ способностей и дарованій, чѣмъ на отличіяхъ, обусловливаемыхъ расою, и этимъ далъ поводъ обвинять себя въ полномъ отрицаніи какого-либо характеристическаго отличія между людскими породами, тогда какъ онъ именно заявлялъ общее убѣжденіе въ глубокомъ значеніи расы. Подобно другимъ антропологамъ настаивая на извѣстномъ намъ отличіи двухъ породъ—бѣлокурой и темноволосой, считая только первую аріискою, вторую неарійскую именуя иберійскою, и прямо провозглашая Иберовъ предками Британцевъ и въ частности Англичанъ, равно какъ и большинства Ирландцевъ, Гѣксли опять считаетъ нужнымъ дока-

затѣ способность своихъ Иберовъ къ цивилизаціи, ихъ умственную и нравственную равноспособность съ Аріицами. Тожество и одинаковость даровитости всѣхъ трехъ основныхъ элементовъ, которые хотя и въ разныхъ пропорціяхъ вошли въ составъ англійской и ирландской націи, конечно, приводитъ къ необходимости признанія и политической ихъ равноспособности, и равноправности; по за то мало разъясненными остаются для насъ причины все-таки неподлежащихъ сомнѣнію особенностей темперамента и характера у разныхъ племенныхъ группъ Великобританскаго королевства ¹⁾. Для объясненія ихъ—хотя бы только приближительнаго—мы опять должны будемъ возвратиться къ соображеніямъ историка и археолога, то-есть, въ данномъ случаѣ автора „Родословной Англійскаго народа“. Нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на одну существенную ошибку и нѣкоторые частные промахи, въ его разсужденіяхъ все-таки заключается значительная доля правды; и мы будемъ еще ближе къ истинѣ, если подѣ его Кельтами будемъ понимать не первоначальную простѣйшую расу этого имени, а позднѣйшую сложную, образовавшуюся изъ ихъ смѣшенія съ покоренными неарійскими породами, которымъ Кельты сообщили и свой языкъ, и свое имя.

Можно замѣтить, что и древніе Галлы, какъ они описываются древними, все-таки имѣли оттѣнки, отличающіе ихъ отъ Германцевъ; тѣмъ болѣе должны были развиться эти отличія при дальнѣйшихъ комбинаціяхъ, когда привзошли новыя элементы. Мы не пытаемся опредѣлять таковыя отличія болѣе точнымъ образомъ, чѣмъ это сдѣлано другими,—но только полагаемъ, что въ общемъ они приблизительно вѣрно обозначены у Беллоге, и у англійскаго автора.

IV.

Изученіе религіознаго быта древнихъ Кельтовъ представляетъ много трудностей, происходящихъ отъ качества самихъ источниковъ, изъ которыхъ мы можемъ почерпнуть о немъ свѣденія. Три главы у Цезаря, нѣсколько строкъ у Діодора и Страбона, нѣсколько стиховъ Лукіана, и отрывки Грека Тимогена, сохраненные Амміаномъ Марцелиномъ — вотъ почти главные источники. Они вообще сообщаютъ

¹⁾ Содержаніе публичной лекціи Гёксли и разборъ ея см. Англійскій Athenaeum 1870, 22-го и 29-го января. Затѣмъ: *Huxley, Critiques and Adresses*. Ср. *Revue critique* I, 175.

намъ не болѣе, какъ отрывочныя, недостаточныя и случайныя указанія. Даже Юлій Цезарь, имѣвшій всѣ побужденія ближе ознакомиться съ дѣломъ и не чуждый теоретическаго интереса къ религіознымъ вопросамъ, такъ какъ онъ писалъ о разныхъ способахъ гаданій не говоря уже о его первосвященническомъ санѣ,—все-таки ограничился общою характеристикою галльскаго вѣроученія и культа, приравливая ее къ невысокому уровню пониманія своихъ читателей. Самые умные люди древности мало заботились о постиженіи особенностей и точномъ уразумѣніи смысла чуждой мѣоологіи, а прежде всего хватались за сходства, хотя бы и совершенно вѣшнія ея образы съ божествами Греціи и Лаціума; они спѣшили приурочить чужихъ боговъ къ греческимъ и римскимъ, чтобы не сообщать варварскихъ и трудныхъ наименованій; довольствуясь однимъ или нѣсколькими пунктами подобія и тождества, они почти всегда предполагали полное совпаденіе функцій тамъ, гдѣ могли быть существенныя и глубокія различія и т. д. Сверхъ того въ древности никакъ не менѣе, чѣмъ въ новыя времена была сильна склонность слѣдовать правилу: *omne ignotum pro magnifico*, т.-е. во всемъ отдаленномъ и мало извѣстномъ подозрѣвать нѣчто таинственное и глубокое; даже великій Аристотель не уберегся отъ этой слабости, говоря о друидахъ; и онъ готовъ былъ смотрѣть на ихъ ученіе, какъ на стройную философическую систему. Великую важность имѣютъ источники другого рода, оставшіеся также отъ древности—вещественныя памятники и надписи, воздвигнутыя и начертанныя хотя уже въ римское время и при римскомъ господствѣ въ Кельтскихъ странахъ, но еще ранѣе, чѣмъ угасли туземныя религіи, вѣрованія и культы, и сохраняющіе подлинныя имена и фигуры галльскихъ и британскихъ боговъ, иногда, вслѣдствіе особаго рода религіознаго синкретизма, почитаемыхъ подъ римскимъ именемъ и подъ туземнымъ прозваніемъ. Находки этого рода становятся все болѣе многочисленными и цѣнными, но до сихъ поръ онѣ еще не приведены въ порядокъ и не собраны въ одномъ изданіи. Мы знаемъ, что на надписяхъ С.-Жермэнскаго музея въ Парижѣ насчитано 25 галльскихъ боговъ и 14 богинь, да сверхъ того еще 12 божественныхъ именъ, сохраняющихся только въ видѣ прозваній при римскихъ по наименованію боговъ. Такимъ образомъ надписи даютъ гораздо болѣе именъ, чѣмъ писатели, но зато почти однихъ только именъ; древніе авторы, особенно Цезарь, все-таки сообщаютъ нѣкоторыя данныя о характерѣ религіи Кельтовъ, объ основныя ея догматахъ, о суетвѣріяхъ и обрядахъ, а здѣсь

мы имѣемъ одни сухія и голыя имена, и о значеніи ихъ можемъ судить—при томъ не всегда—только изъ сопоставленія кельтскаго названія рядомъ съ латинскимъ или вообще классическимъ—въ родѣ такихъ посвященій, какъ *Apollini Beleno*, *Minervae Belisamae*. Не слѣдуетъ пренебрегать этими односложными и безжизненными свѣдѣніями. Во всякомъ случаѣ, они болѣе надежны и прочны, чѣмъ другія аналогіи и сравненія, вводимыя иногда слишкомъ поспѣшно въ изученіе галльской мифологіи. Мы приведемъ одинъ примѣръ, идущій прямо къ предмету нашей рѣчи. Въ русскомъ спеціальному сочиненіи о Галлахъ, которое мы уже нѣсколько разъ упоминали съ одобреніемъ, сдѣлана была весьма остроумная попытка построить и оживить зданіе галльской мифологіи при помощи аналогій, систематически заимствуемыхъ изъ системы германскаго язычества, возстановленнаго въ привлекательной стройности трудами Гримма и его послѣдователей. Природа cadaго отдѣльнаго божества опредѣляется посредствомъ сравненія его съ германскимъ, причемъ римское названіе кельтскаго бога служитъ только ступеню для сближенія съ нѣмецкимъ. Всего лучше этотъ методъ характеризуется пространнымъ разсужденіемъ о Тейтатѣ, считаеомъ главнымъ божествомъ Галловъ; онъ совершенно совпадаетъ съ Вуотаномъ или Однимъ; все, что извѣстно объ одномъ, должно идти къ другому. Самое же тождество Вуотана и Тейтата въ сущности держится на томъ предположеніи, что галльскій богъ, какъ и германскій одинаково назывались Римлянами Меркуріемъ. Но вотъ, именно благодаря надписямъ, мы убѣждаемся, что у Галловъ Меркурію соотвѣтствовалъ вовсе не Тейтатъ, а какой-то другой богъ. Вся система русскаго автора, возведенная съ такимъ большимъ трудомъ и ученостію, оказывается потрясенною въ самомъ ея основаніи, благодаря открытію двухъ новыхъ односложныхъ надписей. Тѣмъ не менѣе мы рекомендуемъ его сочиненіе всякому, кто желаетъ ближе познакомиться съ кельтскою мифологіею, наравнѣ съ новѣйшимъ болѣе краткимъ, но весьма разумнымъ и точнымъ изложеніемъ ея, принадлежащимъ одному изъ лучшихъ французскихъ кельтологовъ (*H. Gaidoz, Esquisse de la religion des Gaulois. Paris, 1879*).

Третьимъ источникомъ слѣдуетъ считать національные источники кельтской мифологіи, дошедшіе до насъ въ очень позднихъ и сомнительныхъ редакціяхъ, а также народныя повѣрья, преданія и суевѣрія, представляющія, конечно, весьма темный и смутный источникъ.

Имъ слѣдуетъ пользоваться съ болѣею осторожностію.

Въ своихъ комментаріяхъ о Галльской войнѣ (VI, 17) Цезарь говоритъ, что главный богъ Галловъ есть Меркурій, что его изображенія всего чаще встрѣчаются; Галлы почитаютъ его изобрѣтателемъ всѣхъ искусствъ, указателемъ путей и вождемъ путниковъ, наконецъ богомъ, имѣющимъ наибольшее вліяніе на денежную прибыль и на торговый дѣла. Такимъ образомъ Галлы по Цезарю выше всѣхъ боговъ ставили того бога, который соотвѣтствовалъ латинскому Меркурію; отыскать постоянное галльское названіе этого бога, не указанное ни Цезаремъ, ни другими писателями, для насъ было бы очень важно; но въ то же время это оказывается болѣе труднымъ. Въ римское время ему поклонялись и самые Галлы подъ его латинскимъ названіемъ, такъ что Меркурій заставилъ позабыть туземное имя своего галльскаго собрата гораздо ранѣе, чѣмъ это случилось по отношенію къ другимъ богамъ, менѣе важнымъ. Къ сожалѣнію, и британская надпись 191 года (см. *Inscript. Britann. ed. Hübner, VII, N 271*), посвященная „богу, который изобрѣлъ пути и дороги“, *Deo qui vias et semitas commentus est*, не сообщила намъ его наименованія. О распространенности культа Меркурія въ Римское время свидѣлствуетъ большое количество надписей, посвященныхъ его имени, и множество статуэтокъ съ изображеніемъ этого бога; одна изъ нихъ массивнаго серебра была найдена въ Луксембургскомъ саду въ Парижѣ. Жертвенники Меркурію обыкновенно ставились на высокихъ мѣстахъ; такъ его храмъ стоялъ на вершинѣ Пюи-де-Дома (*Puy-de-Dôme*) въ Оверни; это такъ-называемый *Mercurius Dunias* или *Argvgnus*, особенно почитаемый во всей Галліи; есть указанія на существованіе подобнаго храма и на Монмартрѣ. Множество названій различныхъ мѣстностей Франціи напоминаютъ культъ этого бога: *Mercoeur*, *Montmercuire*, *Mercurot*, *Mercuru* и т. д. Иногда Меркурій является въ сопровожденіи женскаго божества, Росмерты (*Rosmercta*). Какъ сказано выше, отождествленіе Меркурія съ галльскимъ Тейтатомъ, считавшееся до послѣдняго времени несомнѣннымъ, не находитъ себѣ подтвержденія въ надписяхъ.

Изъ Лукіана мы узнаемъ, что Галлы почитали также Геркулеса подъ именемъ Омгіа. Они изображали его въ видѣ дряхлаго, плѣшиваго старика; отъ его языка спускались и шли назадъ приди золотыхъ нитей, которыя прикрѣплялись затѣмъ къ многочисленнымъ ушамъ влекомой этими узами толпы. Само собою разумѣется, что это есть аллегорическое и символическое изображеніе могущественнаго вліянія краснорѣчія, приковывающаго къ словамъ оратора вни-

маніе слушателей. Но во всякомъ случаѣ отождествленіе дряхлаго старика, сильнаго вовсе не физическою силою, съ Геркулесомъ представляется страннымъ; можно подумать, что оно принадлежитъ лично самому греческому остроумцу, не щадившему въ своихъ насмѣшкахъ ни людей ни боговъ, и основано развѣ только на сходствѣ внѣшнихъ атрибутовъ, такъ какъ Огмій изображался съ палицею въ одной рукѣ, съ лукомъ въ другой и колчаномъ за плечами (по описанію спомого Лукіана). Настоящая природа этого божества, нужно думать, ближе и точнѣе выражается самымъ значеніемъ слова, самымъ смысломъ его названія. *Ogmios* значитъ знающій, ученый, что весьма идетъ къ богу краснорѣчія. Слово это до настоящаго времени сохранилось въ ирландскомъ *Ogam* (*ogham*), которое означаетъ особый родъ древняго письма, употреблявшійся въ подписяхъ на камняхъ и извѣстный еще писателямъ IX вѣка (см. А. И. Георгіевскаго, Галлы, стр. 156). Самъ изобрѣтатель этихъ писемъ, идущихъ съ низу въ верхъ, назывался Огмою (*Ogma*). Соотвѣствующимъ и совершенно синонимическимъ выраженіемъ является слово *Visucius* (отъ корня *visu—vidtu—вѣдаю*), вѣдающій, знающій, мудрый; а это послѣднее прямо присоединяется къ подписяхъ въ видѣ прозванія къ имени Меркурія. На этихъ основаніяхъ съ римскимъ Меркуріемъ всего естественнѣе было бы сопоставить Огмія или Огму, галльскаго бога краснорѣчія, тѣмъ болѣе, что Меркурій въ числѣ прочихъ искусствъ былъ также изобрѣтателемъ письма. Возможною представлялась догадка, что если Цезарь не даетъ мѣста на Галльскомъ Олимпѣ Геркулесу, то именно потому, что онъ держался другой системы приуроченія, болѣе соотвѣтствующей существу дѣла, чѣмъ остроумныя сопоставленія Лукіана. Таковы были предположенія, высказанныя новѣйшими знатоками кельтической древности въ недавнее время ¹⁾. Къ этому можно было бы прибавить и то, что сказочный великанъ Гаргантюа, Гаргантъ или Гургунтъ, въ которомъ узнають Геркулеса, не даетъ никакихъ чертъ сходства съ богомъ краснорѣчія, а напротивъ заставляетъ думать о солярномъ и плодотворящемъ значеніи соотвѣтствующаго кельтскаго бога (см. *Gaidoz, Gargantua: Revue archéolog.* 1868). Но теперь намъ указываютъ на другое кельтическое божество, еще болѣе подходящее по своимъ функциямъ къ Меркурію; это есть *Eug* или *Lugus* (род. *Lugovas*), имя кото-

¹⁾ См. статью *Arbois de Jubainville—Revue archéolog.* 1873. Ср. *Dejardins, Geogr. de la Gaule.* II, 505.

раго слышалось нѣкогда въ галльскомъ названіи Ліона—Lugu-dunum. Лугъ играетъ важную роль въ ирландскихъ преданіяхъ; тамъ онъ прозывался главою или княземъ многообразныхъ ремеслъ или занятій (sab iildānach). Въ одной легендѣ онъ является на помощь богамъ неба и свѣта въ борьбѣ съ богами моря и смерти. Кто ты? спрашиваетъ Луга привратникъ. Я плотникъ, отвѣчаетъ Луга. У насъ уже есть искусный плотникъ, говоритъ привратникъ: ступай прочь. Но я хорошій кузнецъ, опять говоритъ Лугъ. Хорошій кузнецъ также есть на лицѣ. Лугъ предлагаетъ себя попеременно въ качествѣ опытнаго воина, игрока на арфѣ, поэта, законовѣда, врача, колдуна, и когда оказывается, что всѣ эти специальности уже заняты, то онъ заявляетъ себя такимъ мастеромъ на всѣ руки, какого уже конечно не могло быть: онъ способенъ былъ съ одинаковымъ знаніемъ и искусствомъ заниматься всѣми ремеслами, и на этомъ основаніи былъ принятъ въ союзники; предъ сраженіемъ онъ дѣлаетъ смотръ всѣмъ людямъ ремесла, fer dāna, въ числѣ которыхъ названы плотники, кузнецы, поэты, друиды, кудесники, врачи и проч. Вотъ настоящій богъ всѣхъ искусствъ, omnium inventor artium. Сверхъ того, онъ имѣлъ прямое отношеніе къ торговлѣ и барышамъ, такъ какъ каждый годъ въ день, ему посвященный (Lug—nasad), именно 1-го августа, бывали въ Ирландіи большія ярмарки (oenach), на которыхъ совершались всякаго рода сдѣлки, хотя эти собранія имѣли также религіозное и политическое значеніе. На его почитаніе въ другихъ мѣстахъ, кромѣ имени Лугудунина (Ліона), указываютъ двѣ надписи—одна испанская, другая швейцарская въ честь Lugoves (во множ.), изъ коихъ первая сдѣлана отъ имени ремесленниковъ, занимавшихся приготовленіемъ обуви¹⁾. Лугъ, въ ирландскихъ мифологическихъ преданіяхъ, отличенъ отъ Огмы, изобрѣтателя огамическаго письма; когда Лугъ предлагаетъ себя какъ солдата, привратникъ ему отвѣчаетъ: намъ нечего съ тобою дѣлать, у насъ есть Огма. И такъ, Огма все-таки есть патронъ по преимуществу людей военнаго ремесла, а Лугъ какъ всѣхъ другихъ, такъ и этого...

Послѣ Меркуріи, читасмъ мы у Цезаря, Галлы почитаютъ Аполлона и Марса, Юпитера и Минерву; объ этихъ богахъ они имѣютъ почти такое же представленіе, какъ и другіе народы. Аполлонъ про-

¹⁾ См. *Arbois de Jubainville*, *Etudes sur le droit celtique* pag. 83. Онъ, однако, не обратилъ вниманія на изображеніе генія Ліона на монетахъ; рогъ изобилія въ его лѣвой рукѣ тоже напоминалъ бы Меркуріи: *Revue celtique* IV, 26.

гоплетъ болѣзни, Минерва сообщаетъ начатки ремесла и искусствъ; Юпитеръ владѣетъ небеснымъ пространствомъ, Марсъ ведетъ войны весьма часто, принявъ рѣшеніе вступить въ битву, они заранѣе посвящаютъ сему послѣднему то, что будетъ взято на полѣ сраженія.

И такъ, второе мѣсто среди галльскихъ боговъ занимаетъ Аполлонъ. Онъ является на юдинсахъ Галліи, Британіи и Норика съ весьма разнообразными прозваніями или эпитетами; изъ нихъ особенно часто повторяются Белепъ, Belenus или Belinus, Борвонъ, Вогуо и Граннъ, Granus. Такъ какъ эти имена встрѣчаются также и отдѣльно, то слѣдуетъ полагать, что они обозначаютъ отдѣльных и самостоятельныхъ боговъ, родственныхъ между собою и съ Аполлономъ. Изображеніе Белена въ видѣ свѣтлаго юноши, жертвы ему приписаны, состоявшія изъ плодовъ и хлѣбныхъ колосьевъ (на барельефѣ, найденномъ въ Норикѣ близъ нынѣшняго Клагенфурта), обнаруживаютъ въ немъ божество солнечнаго происхожденія. Въ III вѣкѣ по Р. Х. Беленъ былъ почитаемъ въ совершенно римскомъ городѣ Аквилей и сопоставлялся прямо съ Аполлономъ. Римскій поэтъ IV вѣка по Р. Х. Авзоній упоминаетъ о существованіи такого же культа въ нынѣшнемъ Вауеихъ (въ Нормандіи). Въ собственной Галліи онъ, впрочемъ, былъ болѣе извѣстенъ подъ другими названіями въ качествѣ бога цѣлителя, прогоняющаго болѣзни. Ему принадлежали цѣлебныя источники и разнаго рода травы, которымъ приписывалась такая же сила. Какъ богъ теплыхъ ключей, онъ назывался Борвономъ и сообщилъ наименованіе нѣсколькимъ мѣстностямъ во Франціи: Bourbon l'Archambault, Bourbon-Lancy, Bourbonne les Bains первая изъ нихъ дала имя знаменитой французской династіи Бурбоновъ. Въ латинскомъ названіи Ахена, Aquisgranum, Aquae Granni, сохранилось третье наименованіе божества, приводимаго въ связь съ Аполлономъ. Граннусъ, какъ и Борвонъ, почитался въ мѣстностяхъ, славившихся цѣлительною силою своихъ водъ, при теплыхъ ключахъ, при мѣстахъ купаній, любимыхъ Галло-римлянами. Его почитали при истокѣ Гранна въ Вогезахъ, Гроны (Grosne) въ древней странѣ Одуевъ при городѣ Гранъ (Gran) въ Секваніи, въ Пломбьерѣ, въ мѣстностяхъ на Рейнѣ и Дунаѣ, во всей Галліи и въ Каледоніи. Слово Аполлонъ ясно видно въ такихъ названіяхъ, какъ Poligny, Polignac. Одна глосса, сохраненная въ словарѣ Кормака (IX вѣка, см. ниже), сообщаетъ, что языческіе Прладдцы имѣли бога, называемаго Біалъ, которому посвященъ былъ праздникъ Белтенъ, что значитъ огонь Біала. Въ этотъ день, говорятъ въ словарѣ Кормака, друиды громко распѣвали ма-

гическія пѣсни, зажигали два костра, между которыми должны были проходить стада животныхъ, и это предохраняло скотъ на цѣлый годъ отъ варазы.—О Белтиніихъ или Беалтиніихъ, праздновавшихся весною 1-го мая, сохранилась очень хорошая память въ народныхъ преданіяхъ, обрядахъ, суевѣріяхъ и поговоркахъ Ирландіи и вообще Кельтическихъ странъ острова. Отсюда видно, что это былъ торжественный праздникъ въ честь солнца и огня, соотвѣтствующій римскимъ Палиліямъ, отчасти нашему Юрьеву дню (см. Галлы А. И. Георгіевскаго, стр. 139; Elton, pag. 270, 294 и проч.). Въ центральномъ пунктѣ Ирландіи, въ городѣ Уизнехъ (Uisnech), въ этотъ праздникъ кельтскаго Волоса собиралась большая народная сходка, соединявшаяся вмѣстѣ съ ярмаркою; разбирались и рѣшались судебныя дѣла; женщины отыскивали себѣ жениховъ или лучше новыхъ мужей на предстоящій годъ, такъ какъ въ Ирландіи были въ обычаѣ браки, заключаемые на такой краткій срокъ ¹⁾. Если тутъ окажется какое сходство съ праздникомъ лѣтняго солнцестоянія въ другихъ мѣстахъ, то это сходство еще болѣе увеличивается принадлежностію Белену разныхъ цѣлебныхъ травъ и растений, собираемыхъ съ приѣмами таинственности и волшебства въ опредѣленные для того сроки (Георгіев. Галлы 139. Elton p. 260 и пр.).

Спутницею Борвона часто является богиня Дамона, а спутницею Аполлона—богиня Сирона; послѣдняя встрѣчается и сама по себѣ, при чемъ изображалась съ такими атрибутами, какъ хлѣбные колосья и виноградная лоза, что заставляетъ считать ее богиней земледѣлія и плодородія.

Марсъ на надписяхъ является съ эпитетами Камула (Camulus), Сегомона (Segomo), Тейтата, Катурикса, Альбіорикса и т. д. Первые два названія встрѣчаются также самостоятельно, обозначая особыхъ галльскихъ боговъ. Имя Камула сохранилось въ названіи одного поселенія въ Британіи, Камулодонума, упоминаемаго Тацитомъ и превращеннаго въ первую римскую колонію (теперь Кольчестеръ, Coloniae castrum); оно читается также на британскихъ монетахъ, сопровождаемое воинственными эмблемами. Въ Британіи же найдена надпись, посвященная Марсу Тоутату, Marti Toutati; съ нею слѣдуетъ сопоставить ту, которая отыскана въ древнемъ Норикѣ въ пывѣшней Штириі (близъ колоніи Flavia Solva, Seckau) и читается такъ: Marti Latobio Harnogio Toutati Sinati Mogenio ex

¹⁾ *Arbois de Jubainville. Etudes sur le droit celtique, p. 84.*

voto (Corpus inscript. III № 5320). Очевидно, что и во второмъ случаѣ подѣ разными названіями разумѣется одно и тоже божество. Нѣтъ никакого основанія отличать отъ этого Тоутата знаменитаго и страшнаго Тейтата, о которомъ говоритъ Лукіанъ въ ниже приводимомъ мѣстѣ Фарсалиды. Отождествленіе Тейтата съ Меркуріемъ, основываемое сначала на неправильномъ чтеніи одного мѣста у Тита Липія (XXVI, 44), затѣмъ поддерживаемое посредствомъ довольно произвольнаго сопоставленія съ германскимъ Вуотаномъ, должно быть оставлено ¹⁾. Спутница Марса есть богиня Неметона, извѣстная въ Ирландіи подѣ именемъ Немонъ (Nemon), военной фурии, играющей важную роль въ народныхъ сказкахъ. Кромѣ вышеприведенныхъ названій, подѣ которыми Марсъ почитался по всей Галліи и другимъ Кельтическимъ областямъ, онъ носилъ нѣсколько чистомѣстныхъ названій, какъ это видно изъ надписей: Marti Randosati (Randan въ Руи-де-Доме), Sodomoni Cunctino (Contes въ округѣ Ниццы) и т. д. Минерву Галліи почитали подѣ именемъ Белизамы, такъ какъ есть надпись, дѣлающая такое сопоставленіе: Minervae Belisamae.

Теперь намъ нужно найти кельтическаго Юпитера. Въ надписяхъ встрѣчаются посвященія: Iovi Taganico; Deo Taganico; Iovi Optimo maximo Tagano. Тотъ же богъ, очевидно, названъ у Лукіана Таранисомъ (Taganis) и поставленъ на ряду съ Тейтатомъ. Всѣ эти сходныя выраженія содержатъ въ себѣ кельтское коренное слово, обозначающее громъ. Тараниса, поэтому, узнаютъ въ статуэткахъ, представляющихъ человѣческую фигуру съ молоткомъ въ рукѣ, потому что молотокъ обычный символъ молніи; хотя другіе — на довольно слабыхъ, кажется, основаніяхъ — приписываютъ эти изображенія богу Діу или Плутону, о почитаніи котораго Галлами то же говорится у Цезаря (статья Barthelemy въ первомъ выпускѣ *Revue celtique*). Предполагаютъ, что въ ближайшей связи съ Таранисомъ находились нѣкоторыя растенія, какъ-то дубъ и рябина, въ частности тѣ вѣтви ея, которыя выросли на другихъ деревьяхъ, и особенно чужаедающее растеніе на дубахъ, знаменитая омела (qui, viscus), собирацію которой друидами придавалась прежде такая громадная важность (см. А. Н. Георгіевскаго: Галлы, стр. 118—119).

¹⁾ Его, однако, держатся, кромѣ русскаго вышеупомянутаго ученаго, Беллогге и даже Бергранъ (*Revue archéolog.* 1881 г. pag. 80). Гедозъ и Елтонъ, а также Арбуа-де-Жюбанвилль отказались отъ стараго мнѣнія.

У двухъ писателей и на одномъ любопытномъ памятникѣ встрѣчается названіе еще одного галльскаго бога, очевидно, занимавшаго первостепенное мѣсто въ кельтскомъ пантеонѣ, такъ какъ писатели сопоставляютъ его съ Тейтатомъ—Марсомъ и Таранисомъ—Юпитеромъ. Вмѣстѣ съ этими двумя богами онъ имѣлъ кровавую привилегію челоѳическихъ жертвъ и назывался Езусомъ.

Въ 1711 году, когда производились раскопки подъ вѣпросомъ собора Парижской Богоматери, найдены были посвящительные камни, поставленные еще при Тиберіи ассоціаціею перевозчиковъ черезъ Сену (*Nautae Parisiaci*). На этихъ каменныхъ плитахъ съ четырехъ сторонъ сохранились барельефы, изображающіе различныхъ галльскихъ боговъ. Фигура, вооруженная сѣкирою, находящаяся посреди лѣса, и совсѣмъ не имѣющая никакого сходства съ Аресомъ или Марсомъ, обозначена совершенно отчетливо надписью на верху *Esus*. Другія надписи гласятъ: *Volcanus*, *Iovis*, *Tarvos Trigaranus*, *Castor*, *Serpapnos*,—словомъ, тутъ смѣшаны имена туземныхъ и римскихъ боговъ. Переводъ словъ *Tarvos Trigaranus* облегчается изображеніемъ находящагося внизу барельефа: на немъ представленъ быкъ, на спинѣ котораго сидятъ три птицы; и такъ слова значатъ „быкъ съ тремя журавлями“; но самый смыслъ мѣна или символа остается совершенно темнымъ. *Serpapnos* представленъ въ видѣ старика съ оленьими рогами на головѣ; значеніе этой фигуры тоже не разъяснено сколько нибудь удовлетворительнымъ образомъ. Но такъ какъ римскія названія указываютъ на боговъ, то и подъ галльскими изображеніями приходится разумѣть существа божественныя и слѣдовательно отвергнуть предположеніе, что фигура съ сѣкирою представляетъ друида, вышедшаго сбирать омулу.

Такимъ образомъ, самыя выдающіеся, главныя, наиболѣе распространенныя фигуры галльскаго Олимпа—это Тейтатъ, Таранисъ и Езусъ. Мы можемъ предположить, что именно они изображаются на барельефахъ въ видѣ такъ-называемыхъ галльскихъ тріадъ, встрѣчающихся довольно часто на памятникахъ. Тріадами мы называемъ прежде всего изображенія трехъ боговъ вмѣстѣ; при чемъ главное божество представляется сидящимъ посрединѣ съ поджатыми на восточный манеръ и перекрещенными ногами; иногда встрѣчаются изображенія одного, по трехголоваго божества (трикефалія), или же комбинація того и другаго—тріады и трикефалія, то-есть, изображеніе трехъ боговъ, изъ коихъ средній является съ тремя головами. По поводу одного недавняго открытія о трикефаліяхъ и тріадахъ

помѣстилъ нѣсколько статей въ *Revue Archéologique* 1880 года А. Бертранъ. Онъ разсматриваетъ отдѣльно главные атрибуты фигуръ изображенныхъ на большомъ Сэнтскомъ (*Saintes*) жертвенникѣ: 1) поджатыя, сложенные на крестъ ноги сидячаго главнаго бога (*attitude accroupie*) представляютъ поразительную аналогію съ обычною позою индійскихъ и буддійскихъ боговъ; 2) рога, украшающіе головы, какъ главнаго бога, такъ и другихъ, — тоже восточный символъ, отчасти, впрочемъ, свойственный и греческому Діонису; 3) ожерелье (*torques*) есть не только галльское украшеніе: на персидскихъ памятникахъ эпохи Ахеменидовъ такъ изображаются цари; 4) троичность (*trinité*) и трехголовость напоминаетъ опять Индію, но встрѣчается и у другихъ арійскихъ народовъ; 5) кошелекъ въ рукахъ главнаго бога есть атрибутъ, свойственный Меркурію; 6) свастика опять указываетъ на восточное родство. Во всемъ этомъ еще много загадочнаго. Изображенія относятся къ римскому времени и нѣкоторыя сдѣланы римскими и греческими художниками, но идея ихъ, конечно, древняя, и будучи связана съ таинственными восточными культами, принадлежитъ кельтской міеологіи. Прибавимъ, что въ средней главной фигурѣ Бертранъ признаетъ Езуса, который такимъ образомъ возводится на степень главнаго галльскаго божества, и слѣдовательно долженъ соотвѣтствовать Меркурію Юлія Цезаря: на раду съ Огмиемъ, котораго впрочемъ лучше оставить въ званіи Геркулеса, хотя и съ нѣкоторою двойственностію компетенціи (военное ремесло и огамическое письмо), это уже третій претендентъ на сдѣлавшійся вакантнымъ (послѣ Тейтата) главный тронъ кельтскаго Олимпа. Однако, совсѣмъ не будетъ удивительно, если окажется возможнымъ и нужнымъ признать Езуса и Луга за одно и то же лице, чѣмъ повело бы къ окончательному соглашенію всѣхъ противорѣчій. Кромѣ трехъ главныхъ мужскихъ фигуръ на барельефахъ, изображающихъ триады, встрѣчаются женскія, признаваемые за Росмерту и Эрекуру (*Aegescura*); послѣдняя соотвѣтствуетъ Прозерпинѣ.

Возвращаясь къ предполагаемымъ тремъ главнымъ богамъ. Известно, что и въ стихахъ Фарсалиды, гдѣ говорится о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, названы три бога (*I vers. 445*):

*Immitis placatur sanguine dīro
Teutates, horrensque feris altaribus Hesus,
Et Taranis. Scythicae non mitior ara Dianae.*

Лактанцій называетъ только первыхъ двухъ, переставляя порядокъ: Галлы умилюствовали челоѣческой кровію Езуса и Тейтата *Galli* часть ссхххх, отд. 2.

Esunt atque Teutatem humano sanguine placabant. Весьма естественно предполагать, что здѣсь мы встрѣчаемся съ главными боже-ствами, съ тѣми, которыя должны были входить въ составъ триады, что ужасными жертвами умножествляли наиболѣе могущественныхъ и грозныхъ владыкъ. Самыя кровавыя жертвы, которыя съ такой мрачной стороны характеризуютъ религію древнихъ Кельтовъ, не всегда имѣли одинъ и тотъ же смыслъ и назначеніе, такъ что если одинъ видъ ихъ служилъ къ чествованію бога войны, то другой могъ быть угоднымъ болѣе кроткому галльскому Меркурію или даже неназванному у Лукана Аполлону-Белену. Приносили въ жертву, во-первыхъ, военнопленныхъ, иногда согласно съ обѣтомъ, заранее даннымъ предъ сраженіемъ богу войны, Марсу—Тейтату. Суровый обычай—не чуждый, однако, и прочимъ индо-европейскимъ народамъ и между прочимъ Германцамъ. У Литовцевъ, которые долѣе всѣхъ своихъ собратій отстаивали свое язычество, онъ удерживался до второй половины XIV вѣка, когда они еще приносили въ жертву богамъ нѣмецкихъ рыцарей Тевтонскаго ордена. Было у Кельтовъ въ обычаѣ заколотъ предъ алтарями боговъ или же сожигать разнаго рода злодѣевъ и преступниковъ, какъ-то воровъ и разбойниковъ; такого рода жертвы считались угодными, между прочимъ, и тому богу, отъ котораго зависѣло плодородіе земли и урожай даннаго года; не слѣдуетъ ли дополнить и выгода земледѣльца? Этимъ объясняется неясное мѣсто Страбона, въ которомъ говорится, что чѣмъ больше у друидовъ было уголовныхъ дѣлъ по смертоубійству, тѣмъ болѣе, по убѣжденію Галловъ, нужно было ожидать плодородія, то-есть, тѣмъ милостивѣе становилось божество. Цезарь, однако, дѣлаетъ замѣчаніе, что въ случаѣ недостатка преступниковъ закалывали и невинныхъ. Далѣе прямо сказано, что жертва иногда требовалась для отвращенія гнѣва боговъ выразившагося въ какомъ нибудь, насланномъ бѣдствіи. Повиднѣйшія сказанія и легенды сообщаютъ объ избіеніяхъ плѣнниковъ для прекращенія болѣзни и заразы, о принесеніи въ жертву дѣтей для прекращенія засухи и неурожая (Elton, p. 272, 274). Но не только общественныя, и частныя бѣдствія и опасности могли вызывать такія крайнія мѣры. По словамъ Цезаря, Галлы, подвергнувшіеся тяжелой болѣзни или же угрожаемые опасностію смерти на войнѣ или какъ иначе, либо сейчасъ же прибѣгали къ человѣческой жертвѣ, либо давали въ этомъ обѣтъ; впрочемъ, прибавляетъ нашъ авторъ, и этого рода жертвоприношенія имѣли публичный характеръ, т.-е. могли быть совершены только чрезъ посредство друидовъ.—Во всѣхъ странахъ Европы распространены пре-

данія и поѣрья, указывающія на необходимость человѣческой жертвы при постройкѣ новаго дома, только въ послѣдствіи замѣненной заклапиемъ лошади, барана или пѣтуха: разказывается о кропленіи основанія кровью дитяти, о закладываніи въ стѣну живой дѣвушки и т. д. Въ ирландскихъ мѣстныхъ сказкахъ, а также въ исторіи Ненніа о королѣ Вортигернѣ сообщаются подобные случаи; домъ или замокъ не строится, собранные матеріалы безслѣдно исчезаютъ, пока, по совѣту мудрецовъ, основаніе не будетъ окроплено кровью невиннаго дитяти. Даже древнѣйшій кельтскій святой, именно Колумбанъ по легендарному изводу его житія, считаетъ необходимымъ для прочности зданія вызвать добровольное самопожертвованіе одного изъ своихъ учениковъ (Elton, p. 274). Наконецъ, говорится о добровольномъ принесеніи себя въ жертву родственникамъ умершаго и о саможиганіяхъ на одномъ кострѣ съ его трупомъ. Римлянамъ не чужды были воспоминанія о человѣческихъ жертвахъ, нѣкогда совершавшихся для спасенія государства и окончательна отмѣненныхъ только въ 97-мъ году до Р. X.; но они особенно поражались многочисленностію ихъ въ Галліи и ужасными способами исполненія. Пѣны и накопившіеся въ продолженіи извѣстнаго срока преступники сжигались цѣлыми массами. Изъ древесныхъ вѣтвей, либо изъ сѣна приготавливались колоссальной величины фигуры; члены ихъ наполнялись живыми людьми, а также скотомъ и звѣрями; потомъ фигуры зажигались и охваченные пламенемъ люди и животныя погибали. Отдѣльныхъ лицъ закаляли съ разными приѣмами сами жрецы, пользуясь своею жертвою для разнаго рода гаданій о будущемъ по ея предсмертнымъ судорогамъ и т. д. Любопытны остатки ужаснаго обряда долго державшіеся во Франціи. Описанныя Цезаремъ чучела, сплетаемыя изъ ивовыхъ вѣтвей, употреблялись до нашего времени, только содержимое ихъ измѣнилось по обыкновенному приѣму замѣнять людей животными. Во многихъ мѣстностяхъ названной страны было обыкновеніе бросать въ купальскіе огни (*le feu de la Saint-Jean*) мѣшки или ивовыя корзины, содержащія въ себѣ кошекъ, собакъ лисицъ, волчатъ. Въ прошедшемъ столѣтіи подобную церемонію исполняли въ городахъ жеръ и эшевены, сжигавшіе въ корзинахъ по двѣ дюжины кошекъ. Въ Парижѣ это обыкновеніе было уничтожено въ началѣ царствованія Людвига XIV (*Gaidoz, Esquisse, pag. 22*). Можно думать, что и во времена Юлія Цезаря всесожженія людскія совершались въ тотъ именно праздникъ лѣтняго солнцестоянія, который потомъ превратился въ Ивановъ день.

Если культъ главныхъ боговъ съ его человѣческими жертвоприношеніями придавалъ религіи Кельтовъ суровый и мрачный характеръ, то въ ней была другая сторона, вполне ясная, свѣтлая и радостная. При сужденіяхъ о прирожденномъ геніи галльскаго или кельтскаго племени поступаютъ многіе несправедливо и неосторожно, обращая вниманіе только на одну темную сторону. Кромѣ общихъ боговъ племени, имѣвшихъ національное значеніе, у Кельтовъ было множество второстепенныхъ и мѣстныхъ божествъ; они наполняли воды, лѣса, долины и горы, и стояли гораздо ближе къ человѣку, находились къ нему въ болѣе постоянныхъ и въ тоже время болѣе интимныхъ отношеніяхъ; въ сущности характеръ религіозныхъ воззрѣній народа опредѣляется не столько тою высшею, сколько этою низшею міеологіею. Какъ и другіе аріицы, Кельты съ большою легкостью превращали предметы и явленія природы въ нѣчто божественное и живое: каждая мѣстность и каждый источникъ получалъ своего генія, одушевляющаго ихъ и господствующаго въ нихъ. Арденнскій лѣсъ былъ посвященъ богинѣ Ардуиннѣ (dea Arduinna); Черный лѣсъ (Шварцвальдъ) богинѣ Абнобѣ (dea Abnoba); есть надписи, свидѣтельствующія о почитаніи Вогезовъ — неизвѣстно лѣса или самихъ горъ; встрѣчаются благодарственные посвященія „шести деревьямъ“ (sex arboribus), и „феямъ дубовъ“ (fatis dervonibus). Рѣки тоже были предметомъ культа какъ свидѣлствуютъ надписи: Deae Sequanae (богинѣ Сены), Deae Iovanni (богинѣ Ионны). Озерамъ еще во время Григорія Турскаго въ Галліи приносили жертвы. Города и поселенія тоже наконецъ были божествами, то-есть, имѣли патроновъ, которые носили ихъ имена и были предметомъ почитанія. Наиболѣе было распространено почитаніе водныхъ источниковъ; водные духи—обыкновенно женскаго пола—считались благодѣтельными друзьями человѣка; они изцѣляли его болѣзни, облегчали страданія, избавляли отъ всякихъ бѣдъ. Культъ источниковъ близко граничилъ и, повидимому, часто совпадалъ съ почитаніемъ тоническихъ божествъ; это особенно относится къ такъ называемымъ богинямъ (deae), родоначальницамъ позднѣйшихъ фей. Ихъ долго всѣ принимали за олицетвореніе извѣстныхъ городовъ и мѣстечекъ, имя которыхъ онѣ носятъ, за геніевъ мѣста. Но кажется, очень трудно допустить, чтобы въ римское время, къ которому относится и надписи и самое начало существованія олицетворяемыхъ мѣстностей въ видѣ городовъ и значительныхъ поселеній, возможенъ былъ апотеозъ всѣхъ этихъ большихъ и малыхъ, часто очень неважныхъ городовъ и общинъ: довольно было боготво-

ренія самаго города Рима вмѣстѣ съ Августомъ, и не было никакого основанія ставить на ряду съ ними какой нибудь Немаузъ (Нимъ) или Вазіонъ (Vaison). Въ настоящее время съ большими признаками основательности полагаютъ, что начало почитанія богинь относится къ до-Римскому времени, что въ отдѣльных частныхъ случаяхъ оно иногда предшествовало самому возникновенію городовъ и мѣстностей, и слѣдовательно относилось первоначально не къ нимъ, а къ источникамъ, отъ которыхъ по распространенному вездѣ обычаю получали потомъ наименованіе города и селенія, при нихъ возникавшія. Самый характеръ культа указываетъ больше на источники, чѣмъ на города; потому что даже олицетворенный въ видѣ генія городъ трудно себѣ представить въ роли врача и цѣлителя. Между тѣмъ многочисленные памятники культа галльскихъ богинь суть просто посвященія, сдѣланныя по обѣту (ex voto) въ благодарность за исцѣленіе, или же другаго рода благодѣяніе; вообще это суть акты личной набожности, мало идущія къ холодному олицетворенію политическаго характера. Почти всѣ памятники такого рода происходятъ съ береговъ какого-нибудь источника, либо изъ сосѣдства съ нимъ, иногда изъ храмовъ, посвященныхъ этимъ благодѣтельнымъ божествамъ. Если слѣдить исторію и позднѣйшую филиацію этого культа богинь въ новѣйшихъ селеніяхъ и деревняхъ, то почти всегда его находятъ при священныхъ источникахъ, еще до нынѣ посѣщаемыхъ поселянами съ цѣлю получить излеченіе отъ болѣзни, обезпечить здоровье дѣтей, благосостояніе скота и хорошую жатву. Мало источниковъ, посѣщаемыхъ пилигримами, гдѣ бы не нашлось старыхъ слѣдовъ культа геніевъ—или въ остаткахъ нѣкогда тутъ существовавшихъ алтарей или въ изображеніяхъ всякаго рода, находившихся поблизости, или въ обрядахъ, оставшихся неизмѣнными со временъ глубокой древности. На этихъ основаніяхъ полагаютъ, что даже богъ Vasio и богъ Немаузъ были собственно геніями источниковъ Увезы (Ouvèze) и Немозы (Nemause), а не олицетвореніемъ городовъ Вэзона и Нима, и тѣмъ болѣе богини Vesunna, Aventia, Divona, Bibracte не были олицетвореніями мѣстъ, гдѣ отыскиваются ихъ ex-voto. Источники предшествовали городу и не были обоготворены благодаря ему, но напротивъ, городъ припалъ имя обоготвореннаго источника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его храмы стали поступать приношенія въ честь генія источника. Въ римское время Галлы продолжали воздавать источникамъ почитаніе, къ которому привыкли ранѣе; чужая цивилизація измѣнила только внѣшнія формы культа, не уничтожая сущности. Какъ и прежде,

они ходили къ источникамъ пить воду, чтобы прогнать лихорадку, приносили въ жертву богинѣ яйцо, монету, свой посохъ; но тогда какъ древніе Галлы мало заботились объ образахъ и ограничивались нѣсколькими суеверными дѣйствіями, ихъ потомки галло-римской эпохи заимствовали обычай дѣлать изображенія и фигуры богинь, сочинять и вырѣзывать на плитѣ благодарственные посвященія ¹⁾.

Не менѣе дружелюбный и свѣтлый характеръ имѣли другія женскія божества, извѣстныя подъ именемъ Богинь-матерей: *deaes matrae*, *deae matronae*, *déeses mères*. Хотя и сомнительно, чтобы ихъ названіе происходило отъ Кельтскаго слова, заключающаго идею охраненія ²⁾, все-таки ихъ культъ явно былъ народнымъ кельтскимъ, и сопоставленіе ихъ съ классическими парками, встрѣчающееся на нѣсколькихъ памятникахъ (*Robert, Epigraphie de la Moselle*, p. 50), служить только новымъ тому доказательствомъ, такъ какъ паркѣ во всякомъ случаѣ имѣютъ развѣ какое отдаленное родство съ ними. Богини-матери, подобно паркамъ, изображаются втроемъ, и обыкновенно представляются на барельефахъ въ видѣ молодыхъ женщинъ съ выраженіемъ благосклоннымъ и серьезнымъ, одѣтыхъ въ длинныя одежды съ широкими складками, средняя обыкновенно въ сидячемъ положеніи,—съ плодами или цвѣтами въ рукахъ, съ дитятею или нѣсколькими на колѣняхъ; впрочемъ есть памятникъ, на которомъ всѣ три стоятъ и держатъ въ рукахъ плоды или цвѣты. Означенныя атрибуты даютъ право разсматривать „матерей“, какъ божества полевая, приносящія обиліе и урожай, представляющія производительную силу природы. Онѣ заставляютъ созрѣвать жатву, онѣ также заботятся о продолженіи семьи и рода, о благостояніи городовъ и общинъ. Богини-матери, находящіяся въ очевидномъ родствѣ съ богинями источниковъ и часто приурочиваемыя подобно имъ къ извѣстному мѣсту—*Matribus Treveris* (въ Трирѣ), *Matrebo Nemausicabo* (въ Нимѣ), были наиболѣе возлюбленными геніями Галльскаго народа; громадная популярность ихъ культа засвидѣтельствована числомъ па-

¹⁾ Наиболѣе подробное изслѣдованіе о богиняхъ въ статьяхъ *Bulliot, L'ex-voto de la dea Vibracte-Revue celtique* I, 306. II, 21.

²⁾ Беллогэ и другіе производили наименованіе отъ Кельтскаго *maer*, *maïr*, охраняющій, надзирающій; но чтеніе *maïrabus*, которое служило поддержкою такого производства, опять отвергается новыми изслѣдователями и вмѣсто его возставляется *matrabus*. См. *Robert, Epigraphie gallo-romaine de la Moselle* pag. 45, 46.

мятниковъ, посвященныхъ имъ въ древности, и прочностію воспоминаній, сохраняющихся объ ихъ культѣ въ настоящемъ. Ихъ почитаніе было распространено въ римскую эпоху, не будучи уподоблено какому-нибудь латинскому культу. Въ средніе вѣка онѣ превратились въ добрыхъ госпожъ, въ бѣлыхъ женщинъ, *les bonnes dames*, *les dames blanches*, въ благодѣтельныхъ фей, живущихъ въ гротахъ, въ развалинахъ замковъ, покровительствующихъ слабому противъ несправедливыхъ притѣсненій сильнаго, наводящихъ страхъ своимъ появленіемъ на ночныхъ грабителей и злодѣевъ. До сихъ поръ народъ относится съ глубокимъ почтеніемъ къ „чернымъ дѣвамъ“ (*vierges noires*), къ деревяннымъ статуеткамъ, представляющимъ изображение сидящей женщины съ покрываломъ на головѣ и съ младенцемъ или нѣсколькими на колѣняхъ. Эти почернѣвшія отъ долгаго пребыванія въ землѣ изображенія древней богини, отчасти въ слѣдствіе сходства позы, принимались за чудотворныя вновь обрѣтенныя древнія изображенія — Богородицы, и такимъ образомъ Богини матери снова получали поклоненіе въ католическихъ церквахъ, основанныхъ часто на мѣстѣ ихъ языческаго почитанія ¹⁾.

Въ народныхъ повѣрьяхъ и древнихъ легендахъ Ирландіи и Шотландіи открываются слѣды почитанія многихъ боговъ и богинь, по видимому, неизвѣстныхъ на континентѣ, или же отличныхъ отъ болѣе намъ знакомыхъ Галльскихъ по своимъ названіямъ. Отецъ Ирландскаго Олимпа былъ духъ тепла и жара, завѣдующій всѣми огнями на землѣ и на небѣ. Онъ назывался Дагда, великій добрый огонь; онъ сѣрѣе самаго сѣраго тумана; его котелъ есть сводъ облачный, его молотъ — молнія; его сопровождаетъ толпа божественныхъ искусниковъ и работниковъ и одинъ врачъ, изцѣляющій всякіе недуги. Его сынъ Луга, олицетворенное пламя, есть господинъ всѣхъ пауковъ и художествъ (Ср. выше, что сказано о Лугѣ); въ числѣ его сыновей находятся также кузнецъ Ангусъ (*Angus*) и солнцеобразный Огма, патронъ музыки и поэзіи. Айнэ или Ана, — луна, есть царица неба и мать боговъ; въ то же время вмѣстѣ съ сестрами *Bad b* (*Cathu—bodua* латинскихъ надписей) *Macha*, *Neman* и *Morrighu* она имѣетъ

¹⁾ «Plusieurs d'entre elles ont la même attitude que plus tard la Vierge tenant l'enfant Jésus, et les statues miraculeuses de la Vierge Marie trouvées dans la terre à diverses époques (telle est dans plus d'un cas l'origine de ce qu'on appelle les «Vierges noires» étaient sans doute des statues de déesses-mères gauloises ou gallo-romaines». II. *Gaidoz*, Esquisse de la religion des Gaulois pag. 12.

отношеніе къ военному дѣлу, и является въ видѣ богини войны, въ сопровожденіи сейчасъ названныхъ сказочныхъ фурій ¹⁾. Иные британскіе боги испытали участь многихъ другихъ своихъ собратьевъ и были превращены народною поэзію въ царей и героевъ, великановъ и волшебниковъ. Это отчасти касается уже самаго Велена — Аполлона; но особенное приложеніе имѣетъ къ тремъ божественнымъ фамиліямъ или группамъ: къ дѣтямъ Дона (Don), Нида (Nudd) и Лира. Первая группа состоитъ изъ небесныхъ силъ, жилища которыхъ находятся на звѣздахъ и въ созвѣздіяхъ; Гвидонъ (Gwidion) сынъ Дона прославляется въ Вельскихъ сказкахъ и въ поэмахъ, приписываемыхъ Таліезину, барду VI вѣка; ему принадлежитъ Млечный путь. Преданія Вельса и Британіи показываютъ, что Нидъ, иначе Nodens, былъ богъ глубокаго моря; въ Ирландіи онъ является королемъ съ серебряною рукою. Лиръ первоначально былъ тоже морскимъ божествомъ, почитаемымъ въ Ирландіи и Британіи; затѣмъ онъ является царемъ, котораго дочери были превращены въ лебедей; въ числѣ ихъ названа и Корделія, предавшая его по смерти погребенію на двѣ одной рѣки. Особенную важность въ ирландской поэзіи имѣетъ Маннанъ, играющій роль Меркурія.

¹⁾ *Hennessy*, The ancient Irish goddess of war: *Revue celtique*, I, 32 II, 489. Elton pag. 287.

В. Васильевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХХVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашива, Средн. Подъяч., № 1.

1883.

СОДЕРЖАНИЕ

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Франція и Россія при Петрѣ Великомъ. А. Блужинскій.
 Князь Горонецкій Мстиславъ Мстиславичъ. Вл. Бузескула.
 Вопросъ о Кельтахъ. В. Васильевского.

Критика и библиографія:

Коллегія въ древнемъ Римѣ. Ю. Кулаковская. Кіевъ.
 1882. И. Помыковскаго.

Изслѣдованіе ряда вопросовъ по государственнымъ древ-
 ностямъ Аени. Р. Стемпловская. Варшава. 1882. В. Латшинева.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Д. Кобеко. Изданіе 2-е.
 С.-Пб. 1883. Д. Корсакова

Specimina linguae paleoslavonicae. Edidit V. Jagić.
 С.-Пб. 1882.—Оборникъ древне-русскихъ на-
 мятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи.
 А. Смирнова. Варшава. 1882. А. Соболевскаго.

Сборникъ статей по славяновѣдѣнію къ юбилею В. И.
 Ламанскаго. С.-Пб. 1883. А. Павловскаго.

Еще о туранизмѣ въ славянской исторіи. Д. Иловайскаго.

Очерки западно-европейской историографіи П. Виноградова.

Чествованіе памяти митрополита Москов-
 скаго Макарія въ Самарѣ.

Императорское Русское Географическое Об-
 щество въ 1882 году.

Нынешнее состояніе народнаго образова-
 нія у Болгаръ. П. Сырку.

Извѣстія о состояніи и дѣятельности на-
 шихъ учебныхъ заведеній.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

(См. на 3-й стр. обертки).

ВОПРОСЪ О КЕЛЬТАХЪ ¹⁾.

IV.

Познакомившись съ главными чертами мифологии Кельтовъ, переходимъ къ вопросу объ организаціи и значеніи жреческаго сословія; здѣсь прежде всего встрѣчаютъ насъ пресловутое и прославленное имя друидовъ, окруженное многими темными и таинственными преданіями о глубокомъ и таинственномъ знаніи, объ особомъ глубоко-мысленномъ вѣроученіи, обозначаемомъ заимствованнымъ отъ нихъ названіемъ терминомъ друидизма, о духовномъ и свѣтскомъ могуществѣ. Главнымъ нашимъ руководителемъ здѣсь долженъ быть опять Юлій Цезарь, отъ котораго мы отправлялись при изученіи кельтическаго пантеона.

Цезарь подробно говоритъ о друидахъ въ двухъ главахъ (13-й и 14-й) шестой книги своего сочиненія о Галльской войнѣ. Онъ сообщаетъ намъ, что въ Галліи есть два класса, имѣющіе преобладающее общественное значеніе, это—друиды и всадники. Друиды заимствуютъ богослуженіемъ, совершаютъ общественныя и частныя жертвоприношенія, объясняютъ предзнаменованія. Къ нимъ толпами сходятся молодежь, чтобы учиться, и они пользуются у Галловъ большимъ почетомъ. Они разбираютъ всѣ общественныя и частныя процессы—

¹⁾ Продолженіе. См. сентябрьскую книжку *Журнала Мин. Нар. Просв.* за 1882 годъ.

будь это уголовныя преступленія, напримѣръ, убійство, я простыя—тяжбы изъ-за наслѣдства или владѣнія извѣстнымъ участкомъ земли. Они же назначаютъ пени и наказанія. И если либо частный человекъ, либо цѣлое племя не повинуются ихъ опредѣленіямъ, они подвергаютъ виновнаго отлученію: это для Галловъ самое тяжкое наказаніе, потому что отлученные признаются всѣми за позорныхъ и преступныхъ людей, всѣ ихъ сторонятся, избѣгаютъ встрѣчи съ ними и разговора—изъ опасенія, чтобъ ихъ прикосновеніе не принесло какого несчастья; они стоятъ внѣ закона, для нихъ закрытъ доступъ ко всякимъ почестямъ. Во главѣ друидовъ находится одинъ, пользующійся среди прочихъ верховною властію. Послѣ его смерти ему наслѣдуетъ наиболѣе достойный изъ среды всѣхъ. Если есть нѣсколько равныхъ, между ними производится выборъ голосованіемъ друидовъ, а иногда дѣло рѣшается силой оружія. Въ извѣстное время года они собираются въ священное мѣсто, въ странѣ Карнутовъ, въ центрѣ Галліи. Туда же сходятся всѣ, у кого есть тяжбы, предлагаютъ ихъ на судъ друидовъ и покорно повинуются ихъ рѣшеніямъ. Вѣроученіе друидовъ возникло въ Британіи и оттуда занесено было въ Галлію; въ Британію и теперь отправляются тѣ, которые хотятъ ближе и точнѣе его изучать. Друиды не платятъ податей, освобождены отъ военной службы и избавлены отъ всякой другой повинности. Прельщались такими важными привилегіями, многіе приходятъ къ нимъ для обученія и по своей волѣ, и посылаемые родителями или родными. Друиды заставляютъ ихъ заучивать множество стиховъ, и время ученія продолжается иногда двадцать лѣтъ. Они не считаютъ возможнымъ передавать письму свою науку, хотя во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ общественнаго и частнаго характера не избѣгаютъ пользованія (греческимъ) алфавитомъ. Вѣроятно—догадывается отъ себя Цезарь—они соблюдаютъ эту тайну по двумъ причинамъ: чтобъ ихъ ученіе не распространялось въ народѣ, и чтобъ ученики, надѣясь на письмо, не стали меньше упражнять память. Друиды въ особенности стараются распространить убѣжденіе, что души не уничтожаются послѣ смерти, но переходятъ изъ одного тѣла въ другое. Они полагаютъ, что это убѣжденіе, внушая презрѣніе къ смерти, всего лучше можетъ содѣйствовать возбужденію мужества. Они также разсуждаютъ много о звѣздахъ и ихъ движеніи, о протяженіи земли и міра, о природѣ вещей, о силѣ и могуществѣ безсмертныхъ боговъ и преподаютъ все это юношеству.

Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Цезарь говоритъ о человѣческихъ жертвахъ, онъ прямо замѣчаетъ, что исполнителями кроваваго и ужаснаго обряда являлись друиды (гл. 16-я). Точно также общее народное вѣрованіе о происхожденіи Галловъ отъ подземнаго бога, *Dis piter*, было, по его словамъ, внушено друидами (гл. 17-я). Вотъ въ близкой передачѣ свѣдѣнія, сообщаемыя намъ Цезаремъ; его ясный и свѣтлый умъ и зоркость политическаго государственнаго человѣка помогли ему уловить и выставить на видъ такія черты, которыя для другихъ писателей остались въ тѣни и не получили надлежащей оцѣнки; разумѣемъ преимущественно общественное значеніе сословія.

Изъ словъ Цезаря видно, что друиды въ Галліи не только были представителями духовныхъ интересовъ, но имѣли могущественную политическую организацію и силу, хотя и не составляли касты въ настоящемъ смыслѣ слова. Они выбирали изъ своей среды пожизненнаго главу, друидическаго папу, который пользовался громаднѣмъ вліяніемъ. Указывая на значеніе этого выборнаго первосвященника и на упоминаемое Цезаремъ право интердикта, одинъ нѣмѣцкій ученый остроумно замѣтилъ, что отъ этого не далеко было до церковнаго государства (*Kircheustaat*), съ папой и соборами, съ клерикальною свободой отъ податей и повинностей, съ отлученіями и духовными судами; только это церковное государство въ Галліи не отрѣшилось, какъ повѣйшее Римское, отъ всякаго принципа народности, но было, напротивъ, прежде всего національнымъ (Моммсенъ, *Римская исторія*, т. III, стр. 196 въ русск. перев.). Въ другихъ отношеніяхъ въ изложеніи Цезаря мы найдемъ недостатки, происходящіе именно отъ наклонности объяснять религіозныя явленія сознательными соображеніями пользы и выгоды, найдемъ также и нѣкоторые пробѣлы.

Юлій Цезарь не говоритъ о какихъ-либо подраздѣленіяхъ въ классѣ друидовъ, сопоставляемомъ со свѣтскою аристократіей и противоположаемомъ вмѣстѣ съ нею всему остальному народу. Но другіе писатели указываютъ намъ въ этомъ классѣ подраздѣленія и разряды. Діодоръ Сицилійскій отъ философовъ и богослововъ, подъ которыми у него разумѣются друиды, какъ это прямо и сказано, отличаетъ прорицателей (*μάντις*), которые тоже имѣютъ большое значеніе; сверхъ того, съ друидами сопоставляются и пѣвцы-пѣсты, то-есть, барды: „У Кельтовъ есть философы и богословы, пользующіеся особеннымъ уваженіемъ, которыхъ они называютъ друидами (*druidae*). Но у нихъ есть также прорицатели, привлекаю-

ніе къ себѣ большое расположеніе. Они предсказываютъ будущее посредствомъ наблюденія за птицами и посредствомъ закалываемыхъ жертвъ и заставляютъ весь народъ слушаться себя. Особенно когда предстоитъ рѣшеніе о чемъ-нибудь важномъ, они соблюдаютъ странный и невѣроятный обрядъ. Окровивъ челоуѣка возліаніями, они поражаютъ его сѣкирою въ грудь (въ мѣсто надъ діфрагмой), и когда онъ упадетъ, то по способу паденія и по виду конвульсій въ членахъ, а также по тому, какъ течетъ кровь, они угадываютъ будущее. Они вѣрятъ въ такой способъ гаданія на основаніи старинныхъ и долговременныхъ наблюденій. Обычай не позволяетъ приносить какую бы то ни было жертву безъ содѣйствія философа; ибо они утверждаютъ, что жертвы, пріятныя богамъ, не могутъ быть приносимы иначе, какъ чрезъ посредство людей, знающихъ божественную природу и находящихся какъ бы въ сообщеніи съ нею (*ωστερὰ τινὸν ὁμοφύων*), и что только чрезъ посредство нихъ можно испрашивать желаемыя блага. Не только въ мирныхъ дѣлахъ, но и на войнѣ, Кельты повинуются этимъ философамъ, а также и вѣдателямъ и поэтамъ (*τοῖς μολοβοῖσι ποιηταῖς*); ихъ слушаются не только друзья, но и враги. Часто случается, что когда два враждебныхъ строя близко сойдутся, обнажатъ мечи и выставятъ впередъ коня, то они бросаются въ среднюю и останавливаютъ бой, какъ будто посредствомъ какого очарованія, совершаемаго надъ дикими звѣрями. Такимъ образомъ и у самыхъ грубыхъ варваровъ гнѣвъ уступаетъ мудрости, и богъ войны преклоняется предъ музами" (V, 31).

Страбонъ прямо говоритъ о трехъ классахъ людей, пользующихся у Галловъ уваженіемъ. Это суть, во первыхъ — барды, вторыхъ — уаты (*υάταις*), и третьихъ — друиды. Отличіе между двумя послѣдними разрядами оказывается не особенно рѣзкимъ, и компетенціи отчасти сливаются. Уаты суть священнодѣлатели (*ιεροκοί*), то-есть, совершители священныхъ обрядовъ и жертвоприношеній, какъ это описано у Діодора по отношенію къ *μάταις*, и фізіолога (*φυσολόγοι*), что указываетъ на занятіе законами природы. Но это же самое приписывается собственно друидамъ у Цезаря, у Помпонія Мелы, который его почти буквально повторяетъ, и у Цицерона. Извѣстны слова Цицерона въ его трактатѣ *de divinatione*: „Самые варвары занимаются гаданіемъ; такъ въ Галліи есть друиды. Я самъ зналъ одного изъ нихъ, Эдуа Дивитіака; онъ утверждалъ о себѣ, что онъ знаетъ законы природы, то, что Греки называютъ фізіологіей, и предсказывалъ будущее отчасти посредствомъ птицъ,

отчасти по догадкѣ". Друиды, по словамъ Страбона, кромѣ познанія природы, изучаютъ еще нравственную философію, которою, по видимому, не обяваны были заниматься у аты. Но что подъ этимъ разумѣется, остается не совсѣмъ яснымъ. У Страбона далѣе говорится объ уваженіи, которымъ друиды пользовались прежде (онъ писалъ при Тиберіѣ) у Галловъ: они слыли самыми справедливыми изъ людей, такъ что на рѣшеніе ихъ отдавались частные и общественные споры и тяжбы; они останавливали готовыхъ вступить въ бой непріятелей; въ особенности имъ поручалось рѣшеніе дѣлъ по смертоубійству; ожиданіе хорошей или худой жатвы находилось въ связи съ болѣе или менѣе щедрыми припошеніями въ пользу друидовъ; наконецъ, отмѣчаются нѣкоторыя черты друидическаго вѣровученія, едва ли, однако, входящія въ составъ фізіологіи. „Друиды“, говоритъ Страбонъ, — „подобно другимъ варварамъ, вѣрятъ въ безсмертіе души и міра; но вода и огонь, по ихъ мнѣнію, должны нѣкогда восторжествовать“ (IV, 4).

Амміанъ Марцеллинъ сохранилъ намъ свѣдѣнія, собранныя греческими писателями Тимагеномъ, современникомъ императора Августа; изъ нихъ видно, что и Тимагенъ различалъ три класса среди галльской духовной и умственной аристократіи, именно бардовъ, евваговъ (по другому чтенію — евбаговъ) и друидовъ (съ вариантомъ — драсидовъ). Евваги (Euhages) изслѣдуютъ порядокъ и высшія области природы (*seriem et sublimia naturae pandere conabantur*); а друиды, съ притязаніями на какое-то особенное умственное превосходство (*ingeniis celsiores*), и какъ это было установлено у Пифагора, соединенные узами товарищества или корпораціи (*sodaliciis adstricti consortiis*), занимаются вопросами о вещахъ таинственныхъ и глубокихъ; презирая обыкновенное человѣческое, они провозглашаютъ безсмертіе душъ. Раздѣльная линія между еввагами, или что то же, уатами Страбона и ихъ братьями друидами опять остается для насъ довольно неуловимою. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что дѣйствительно существовали три разряда въ интересующемъ насъ классѣ духовной аристократіи. Какъ Цезарь, такъ и Діодоръ, вмѣстѣ съ Тимагеномъ и Страбономъ, горючатъ собственно о Галліи; ихъ извѣстія хорошо дополняются и разъясняются тѣми свѣдѣніями, которыя почерпаются изъ памятниковъ ирландской литературы, благодаря умножающимся изданіямъ и появившимся трудамъ англійскихъ и французскихъ кельтологовъ все болѣе и болѣе раскрывающей намъ свои сокровища.

Среднеѣковая Ирландія въ началѣ христіанскаго своего періода, кромѣ бардовъ и друидовъ, знала еще третій родственный имъ классъ людей, такъ-называемыхъ филе (file), что значитъ „видящіе“. Самое слово *vates*, которое можно угадывать въ греческой транскрипціи Страбона (*уаты, οὐάταις*), встрѣчается въ ирландской поэзіи почти въ томъ же самомъ видѣ—*fáith*, и служитъ въ глоссахъ для перевода рѣченія „*propheta*“, пророкъ. Этими филе или пророками принимаются и всѣ тѣ дѣйствія, которыя у Діодора подлежатъ вѣдѣнію прорицателей, *ράνταις*. И такъ, филе соотвѣтствуютъ прорицателямъ Діодора, евгагамъ или евбагамъ Тимагея и уатамъ Страбона; на ряду съ друидами и бардами, они представляли въ Ирландіи третій разрядъ въ томъ сословіи, которое Цезарь обозначилъ однимъ общимъ наименованіемъ друидовъ. Встрѣчающееся у новыхъ изслѣдователей отождествленіе филе съ бардами (см. Георгіевскій, Галлы, 193) также неправильно, какъ и сопоставленіе *vates*, уатовъ, съ бардами. Далѣе мы будемъ говорить отдѣльно о каждомъ классѣ.

Если мы поставимъ вопросъ о томъ, повсемѣстно ли въ Галльскихъ земляхъ былъ распространенъ друидизмъ, то окажется, что отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Изъ словъ Юлія Цезаря, передающаго мнѣніе современниковъ, можно вывести такое заключеніе, что друидизмъ былъ извѣстенъ, и друиды существовали только въ *Gallia comata* и въ Британніи; въ Британніи онъ возникъ, въ Трансальпийскую Галлію былъ занесенъ. Дѣйствительно, не отыскано ни у писателей, ни въ надписяхъ какихъ-либо слѣдовъ существованія друидизма въ Испаніи и въ Цизальпийской Галліи, а также на востокъ отъ Рейна, на территоріяхъ, искони занятыхъ Кельтами; нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы Кельты, проникшіе за Пиринеи въ началѣ VI вѣка до Р. Х., и Галлы, начавшіе завоеваніе сѣверной Италіи около 400 года, принесли съ собою это учрежденіе въ новыя свои поселенія; изъ этого слѣдуетъ заключить, что въ соответствующіи эпохи они не были еще съ нимъ знакомы, что тогда еще не принималъ на континентъ этотъ продуктъ британской почвы. Даже и въ позднѣйшей кельтской колоніи, основанной въ началѣ III вѣка до Р. Х. въ Малой Азіи, въ Галатскихъ тетрархіяхъ, почти не отыскивается никакихъ слѣдовъ существованія друидизма; все, что можно указать, заключается въ одномъ словѣ Друнеметонъ (*Δρουμέτων*), сохранившемся у Страбона (XII, 5, I) и означавшемъ священное мѣсто, гдѣ собирався галатскій сенатъ, судившій дѣла по смерто-

убійству, какъ это дѣлало собраніе друидовъ въ Галліи въ странѣ Карпутовъ. Первая часть сложнаго слова, *dru*, едва ли не представляетъ того самаго корня, отъ котораго произошло слово друидъ: вторая же несомнѣнно означаетъ святѣилище, священное мѣсто. Было бы довольно смѣло выводить отсюда какое-либо положительное заключеніе; только въ видѣ догадки можно высказать предположеніе, что хотя не въ полномъ развитіи, а въ зародышѣ, друидизмъ существовалъ у континентальныхъ Кельтовъ въ IV вѣкѣ до Р. Х., въ эпоху Аристотеля и Александра Великаго. Таково теперь мнѣніе французскаго кельтолога, *Arbois de Jubainville*, который прежде склоненъ былъ относить просвѣщеніе Галліи друидизмомъ ко времени, гораздо болѣе близкому къ эпохѣ Юлія Цезаря. Затѣмъ, по вопросу о происхожденіи друидизма можно идти еще далѣе. Беллогэ если не первый высказалъ, то первый научно доказывалъ ту мысль, что друидизмъ, какъ религія, первоначально принадлежалъ не собственно Кельтамъ, а покореннымъ Кельтами племенамъ не-арійскаго происхожденія, то-есть, Лигурамъ. Въ пользу такой теоріи съ нѣкоторыми видоизмѣненіями склоняется мнѣніе новѣйшихъ англійскихъ ученыхъ, занимающихся этими вопросами. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что завоеватели заимствовали у побѣжденныхъ ихъ вѣрованія, и что туземная духовная аристократія удержала религіозное господство въ своихъ рукахъ. Рисъ думаетъ, что друидизмъ обязанъ своимъ происхожденіемъ расѣ или расамъ, которые предшествовали Кельтамъ въ обладаніи Британніей; онъ не находитъ никакихъ указаній на его существованіе ранѣе 200 года до Р. Х. и полагаетъ, что посредниками и передатчиками его съ острова на материкъ могли быть Белги, поселившіеся въ Британніи, или даже вѣроятнѣе, какъ онъ выражается въ своей попой книгѣ (*Celtic Britain. London, 1882*), что Кельты нашли друидизмъ здѣсь и тамъ (въ Галліи и Британніи), какъ общую религію первобытнаго населенія отъ Балтики до Гибралтара. Инымъ кажется, что самый характеръ британскаго друидизма имѣетъ видъ большей первоначальной грубости и неразвитости въ сравненіи съ тѣмъ, что извѣстно о Галліи по Цезарю. Въ Британніи—замѣчаетъ Ельстонъ—друиды представляются, впрочемъ по преданіямъ, идущимъ отъ христіанскаго времени, не многимъ лучше, чѣмъ обыкновенные колдунъ, волшебники и заклинатели; они хвалятся умѣньемъ вызывать бурю и снѣгъ и пугаютъ народъ летающею тряпкою, пучкомъ сѣна или соломъ (который они бросали въ лицо нещастному человѣку и тѣмъ

превращали его въ бездомнаго скитальца и лунатика: см. O'Singh, Manners of the ancient Irish, vol. II, 203) и другими ребяческими чарами. Они предсказываютъ о будущемъ по чиханію и другимъ примѣтамъ, на основаніи сновъ, которые они видѣли послѣ бычачьей трапезы, или пожравъ мясо предъ своими идолами, по карканію воробьевъ и по чириканію прирученнаго короляка, либо полизавъ горячій топоръ, вынутый изъ рабиноваго топорща; они похожи на знахарей у Краснокожихъ Индійцевъ, на ангекоковъ у Эскимосовъ; они одѣты въ бычачьи шкуры съ птичьимъ покровомъ на головѣ и съ развивающимися крыльями. Главный друидъ изъ Таръ (то-есть, уже въ Ирландіи) представляется намъ въ видѣ прыгающаго фокусника съ золотыми серьгами въ ушахъ и въ пестромъ платьѣ; онъ мечетъ вверхъ мечи и шарики, которые летая, жужжатъ, какъ пчелы, однако не задрѣваютъ другъ друга. Однимъ словомъ, это нѣчто изъ роду шамановъ, совершенно подъ стать тѣмъ представленіямъ о религіи первоначальнаго неарійскаго населенія Британніи, которое можно было себѣ составить на основаніи странныхъ особенностей низшей мифологіи, обладающихъ въ Британніи и Вельсѣ. Елтонъ (Origins of English History, 174 и сл.) настаиваетъ на томъ, что потомки племенъ бронзового періода, строителей дольменовъ, существовали на островѣ до сравнительно поздняго времени, сохраняя особенности въ обычаяхъ и вѣрованіяхъ, не имѣющія ничего общаго со всѣмъ тѣмъ, что извѣстно объ Аріяхъ, и что отъ этой старой низшей расы перешли къ позднѣйшимъ собственнымъ Кельтамъ многія аномальныя явленія въ области, какъ общественной и семейной жизни, такъ и политической. Къ этимъ аборигенамъ относятся явные изъ разказовъ Гиральда Камбрійскаго (въ концѣ XII вѣка описавшаго Камбрію и Ирландію), казавшіеся наиболѣе неправдоподобными. Такіе варварскіе обычаи впоследствии дали Спенсеру (XVI в.) поводъ провести параллели между племенами сѣверной Шотландіи и Ирландіи и Татарскими, обитателями при-каспійскихъ степей. Предсказатели и истолкователи, о которыхъ говорится у Гиральда, что когда имъ приходится отвѣчать на вопросъ, они приводятъ себя въ полное изступленіе и страннымъ образомъ начинаютъ выть, самымъ новѣйшествомъ помѣщены среди Дардановъ, то-есть, темно-кожаго черноволосаго населенія въ Вельсѣ (потомки Иберійскихъ Силуровъ). Изъ примѣровъ, сопоставляемыхъ Спенсеромъ, достаточно привести обычай при заключеніи союза дружбы и вѣрности пить общую смѣшанную кровь

изъ одной чаши. Не далѣе какъ у Скайлера въ описаніи Туркестана (Schuyler's Turkestan, II, 29), можно найти любопытное сопоставленіе восточнаго истатши, то-есть, лица, которое живетъ тѣмъ, что беретъ на себя грѣхи другихъ и молится за нихъ, съ вельскимъ грѣхосъѣдателемъ (sin-later) ¹⁾. Погѣрья, производящія мнogie кланы отъ живогныхъ, названія клановъ, заимствованныя отъ животныхъ, въ родѣ клана дикихъ кошекъ (clan Chattan) и другіе родственныя факты, какъ особенное суевѣрное почтеніе къ нѣкоторымъ животнымъ и воздержаніе отъ ихъ мяса (напримѣръ, мясо зайца въ западной Британіи у крестьянъ было предметомъ такого же отвращенія, какъ и въ Россіи), заставляютъ даже предполагать существованіе если не у нашихъ Кельтовъ, то у покоренныхъ, съ ними смѣшавшихся расъ, той низшей системы религіозной, которая характеризуется теперь названіемъ тотемизма, и по которой отдѣльныя трибы воздаютъ религіозное почитаніе отдѣльнымъ животнымъ, видя въ нихъ своихъ родоначальниковъ и называя себя по ихъ имени (Elton, p. 300). Все это, несомнѣнно, можетъ служить къ разъясненію предполагаемой связи между друидизмомъ, особенно въ томъ видѣ, какъ онъ является въ Британіи, съ религіозными воззрѣніями первоначальнаго не-арійскаго элемента въ кельтскихъ странахъ.

Само собою разумѣется, слѣдуетъ признать, что въ описаніи Цезаря друиды и друидизмъ, давно усвоенные собственными Кельтами, являлись на гораздо высшей ступени развитія; то же самое нужно сказать объ Ирландіи, бытъ которой отражается въ поэмахъ, восходящихъ по своему происхожденію къ VIII и слѣдующимъ вѣкамъ и рисующихъ предшествовавшій періодъ даже до IV и V вѣковъ, считая назадъ ²⁾. Друиды Ирландіи имѣютъ почти то же самое положеніе, какое латинскіе и греческіе авторы приписываютъ друидамъ Галліи; явное различіе состоитъ развѣ только въ судебной компе-

¹⁾ Обычай состоитъ въ томъ, что когда трупъ умершаго вынесутъ изъ дому и положить на носилки, берется кусокъ хлѣба и передается черезъ трупъ грѣхосъѣдателю, а также кружка изъ кленоваго дерева съ пивомъ; онъ съѣдаетъ хлѣбъ, выпиваетъ напитокъ, получаетъ сверху того небольшую монету, и ipso facto беретъ на себя всѣ грѣхи умершаго или умершей.

²⁾ Относительно ирландскаго друидизма, кромѣ прежде указанныхъ сочиненій, мы уже имѣли возможность пользоваться недавно вышедшею книгою Арбуа-де-Жюбанилля: *Introduction à l'étude de littérature celtique* par H. D. Arbois-Jubainville. Paris, 1883, и отчасти новымъ сочиненіемъ оксфордскаго профессора Рена: *Celtic Britain*. By J. Rhys. London, 1882.

тепціи, которая въ Ирландіи принадлежала фило, выдающимъ. Други здѣсь и тамъ являются какъ гадатели и предсказатели, какъ чудесники и волшебники, какъ врачи и цѣлители, наконецъ—какъ наставники и учителя. Жизнеописанія св. Патрика, просвѣтителя Ирландіи, повѣствуютъ намъ, что друиды Ирландіи заранѣе возвѣстили его прибытіе (432 г. по Р. Х.). Они являются пророками въ свѣтской поэзіи и въ эпопеѣ ирландской о Конхобарѣ и Кухулайнѣ. Въ героической Ирландіи нельзя было предпринять военную экспедицію, прежде, чѣмъ друиды признаютъ моментъ благоприятный и обещающій успѣхъ. Друидами Галлы называютъ своихъ наговъ, имѣетъ Плиній Старшій: *Druidos, ita suos appellant magos*. Однимъ изъ средствъ ихъ магическаго волшебнаго искусства служило знаменитое змѣиное лѣице, открывавшее доступъ къ царямъ и помогавшее выигрывать тѣжи¹⁾. Сопоставленіе друидовъ съ древними магами и волшебниками встрѣчается въ древнѣйшихъ образахъ вельской поэзіи (въ поэмі Таліезина); восточные мудрецы, которые принесли дары новорожденному Христу, называются здѣсь друидами; Симонъ волхвъ превращается въ Симона друида и въ этотъ видъ является дѣйствующимъ лицомъ на кельтской почвѣ. Въ житіяхъ св. Патрика мы видимъ, что друиды короли Ирландскаго вселенскіи имѣются превзодити святаго своими чудесами: они заставляютъ выпастъ снѣгъ въ такомъ количествѣ, что люди вязнуть въ немъ по шею; они распространяютъ по всей долинѣ такую густую тьму, что ее можно оцупать, и тѣмъ наводятъ на присутствующихъ крайній ужасъ; по подобію тому, какъ Моисей побѣдилъ волхвовъ Фараона, Патрикъ посрамилъ силу друидовъ. Сходство между волхвами Египта

¹⁾ Ср. *Георгіевскаго*, Галлы, стр. 142. Приводитъ отрывокъ Плинія въ переводъ этого автора: «Есть родъ лицъ, неизвѣстный Грекамъ и пользующійся великою славой у Галловъ. Лѣицы безчисленныя змѣи собираются и совокупляются между собой слышаніи своихъ настей и пѣною, покрывающею ихъ кожу, отъ чего и происходитъ змѣиное лѣице. По словамъ друидовъ, змѣи подбрасываютъ его въ верху своихъ шипѣицъ, и его должно схватить плащею (*sagum*), прежде чѣмъ оно коснется земли. Похититель долженъ спастись на конѣ отъ преслѣдованія змѣи, которое продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не встрѣтитъ на пути своемъ какой-нибудь рѣки. Подлинность змѣиного лѣица узнается потому, можетъ ли оно пласть противъ теченія воды, будучи даже обдѣлано въ золото». Плиній самъ видѣлъ подобное лѣице; оно служило вышнимъ отличіемъ друида и носило на его шеѣ. Императоръ Клавдій велѣлъ казнить одного римскаго всадника по происхожденію Галла, за то, что онъ во время тѣжи извѣлъ подобное лѣице у себя за пазухою».

и кудесниками кельтскими было такъ ясно и очевидно для древняго Ирландца, что неизвѣстный по имени авторъ глоссъ въ манускриптѣ посланій апостола Павла (IX вѣка) объясняетъ, что Іаппій и Іамврій были имена двухъ египетскихъ друидовъ. Характеръ волшебника и мага по преимуществу сохраняютъ и друиды Британніи. Одно житіе св. Колумбы, писанное въ VII вѣкѣ (Адаманово), тоже упоминаетъ о борьбѣ святаго съ этими волхвами сѣвера, насылающими тьму и возбуждающими ярость стихій. Понятіе о друидѣ, какъ магѣ, было такъ высоко въ умѣ ревностнаго почитателя Колумбы, сложившаго ему наиболѣе древній гимнъ, что онъ заставляетъ своего святаго говорить: „Христосъ Сынъ Божій есть мой друидъ“. Въ эпической литературѣ Ирландіи сила друидовъ представляется столь великою, что она иногда торжествуетъ надъ могуществомъ боговъ. Питье, приготовленное друидами, заставляетъ Кухулайна забыть очарованіе соблазнившей его феи; при помощи друида, другой ирландскій верховный король, напротивъ, возвращаетъ себѣ похищенную у него богиню жепу, по природѣ собственно также богиню, получившую второе рожденіе въ Ирландіи. Плиній Старшій, писавшій свою Естественную исторію около 77 года по Р. Х., когда политическое и даже религіозное значеніе друидизма клонилось въ Галліи къ упадку вслѣдствіе столкновенія съ римскимъ вліяніемъ и властію, — даетъ намъ понять, что въ данную эпоху друиды удерживали за собою изъ прежнихъ своихъ функцій главнымъ образомъ знахарство, зельятія медициной и ветеринарнымъ искусствомъ. Въ связи съ этимъ находилось почитаніе омелы (*gui, viscus*) и другихъ чудесныхъ растений. „Чужездныя растенія на дубахъ“, говоритъ Плиній, — „друиды считаютъ за даръ, ниспосланный съ неба, и за приznakъ дерева, избраннаго самими богами. Они называютъ омелу именемъ, которое значить панацея (всеобщее лѣкарство). Они думаютъ, что омела, принятая въ питье, сообщаетъ плодовитость всякому бесплодному животному, и что она можетъ служить лѣкарствомъ противъ всякихъ ядовъ“ ¹⁾ Подобное же значеніе имѣли камфорникъ и вѣтренница.

¹⁾ О добываніи омелы см. *Георгіевскаго*. Галлы, стр. 120: «Очень рѣдко», пишетъ Плиній, — «удается находить омелу, а по отысканіи, ее снимаютъ съ дерева съ великими религіозными церемоніями и прежде всего въ шестой день луны... Совершивъ, какъ слѣдуетъ, подъ самымъ деревомъ жертвоприношеніе и пиришества, подводятъ двухъ быковъ бѣлаго цвѣта, рога которыхъ тогда впереме только связываются. Жрецъ въ бѣлой одеждѣ взлѣзаетъ на дерево и срываетъ омелу золотымъ серпомъ; принимается она въ бѣлую сагу (галльскій

Свою медицинскую репутацію друиды сохраняютъ въ древнѣйшихъ ирландскихъ эпическихъ сказаніяхъ. Чтобъ исцѣлить короля Ульстера Конхобара отъ тяжкаго недуга, которымъ онъ заболѣлъ вслѣдствіе огорченія и досады послѣ похищенія знаменитаго быка, составившаго честь Ульстера (что составляетъ содержаніе одного изъ сказаній древнѣйшаго эпическаго цикла), приближенные считаютъ нужнымъ обратиться къ славному тогда друиду Катбаду.

Главнѣйшая и наиболѣе важная функція друидовъ, изъ которой истекали и всѣ другія, заключалась, конечно, въ ихъ жреческомъ характерѣ, въ томъ, что они были необходимыми посредниками между людьми и богами. Безъ нихъ, какъ это счастливо замѣчаютъ Юлій Цезарь, Діодоръ и Страбонъ, не могло быть принесено ни одной, ни общественной, ни частной жертвы. Они являются главными дѣйствующими лицами при кровавыхъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, о которыхъ у насъ была рѣчь выше; если два греческіе писателя изъ трехъ сейчасъ названныхъ говорятъ объ участіи въ священнѣхъ и кровавыхъ обрядахъ прорицателей (*μάντις*) или уатовъ, то это нужно понимать такъ, что эти послѣдніе были только помощниками философовъ, то-есть, друидовъ. Здѣсь не мѣсто сообщать подробности о борьбѣ римской государственной власти противъ жестокаго обычая людскихъ закланій во имя гуманности и человѣколюбія; объ этомъ будетъ рѣчь, когда мы дойдемъ до римскаго періода и будемъ заниматься великимъ историческимъ процессомъ романизации кельтскаго запада. Въ памятникахъ ирландской словесности есть только одно мѣсто, свидѣтельствующее о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, но о друидахъ въ немъ не упомянуто. За то подробно описаны обряды, соблюдавшіеся при закланіи бѣлаго быка, съ цѣлію гаданія при избраніи верховнаго короля. Одинъ изъ присутствующихъ ѣлъ мясо и жиръ закланнаго животнаго, пока не насыщался до невозможности что-нибудь проглотить болѣе; затѣмъ онъ засыпалъ, и четыре друида произносили надъ нимъ на распѣвъ магическія заклинанія, долженствовавшія сдѣлать его свидѣтельство правдивымъ; потомъ этотъ человѣкъ видѣлъ надлежащій сонъ: онъ видѣлъ человѣка, котораго подобало возвести на царство, онъ различалъ черты его лица и т. д. Тогда обязанность друидовъ была кончена; другіе короли являлись присутствовать при пробужденіи того человѣка, ко-

палащ). Затѣмъ приносятся въ жертву быки, съ моленіями, чтобы богъ сдѣлалъ свой даръ счастливымъ для тѣхъ, кому далъ его» и т. д.

того магическій сонъ долженъ былъ послужить для нихъ откровеніемъ, я упавали отъ него о предызбранной личности. Торжественныя публичныя жертвоприношенія въ Тарѣ, столицѣ Ирландіи, описываются въ нѣкоторыхъ изводахъ житія св. Патрика. На этотъ праздникъ, совпадавшій со временемъ христіанской пасхи, собирався не только главари (*principes*) всего королевства, вельможи и начальники областей, но и учителя друидовъ (*druidum magistri*), для принесенія жертвъ идоламъ. Христіанское преданіе приписываетъ св. Патрику уничтоженіе жертвенныхъ обрядовъ, сопровождавшихся пролитіемъ животной крови; еслибы память о человѣческихъ жертвахъ была въ Ирландіи живѣе, то конечно, этому святому приписана была бы та честь, которая въ отношеніи къ другимъ кельтскимъ странамъ принадлежитъ римскому господству. Но есть данныя, доказывающія, что борьба христіанства съ друидизмомъ изъ-за языческой кровавой обрядности еще продолжалась и послѣ Патрика.

Содержаніе и характеръ вѣроученія друидовъ въ главномъ обозначены въ вышеприведенныхъ древнихъ текстахъ. Уже тамъ замѣчается склонность представлять друидовъ хранителями особаго таинственнаго знанія, особаго круга доктринъ, особой теологіи, очень будто бы глубокой, посившей темный мистическій характеръ, родившій ее съ панагоризмомъ. Въ новѣйшія времена пониманіе кельтической мифологіи и религіи затемнилось многими ложными теоріями и некритическимъ отношеніемъ къ памятникамъ позднѣйшей литературы, процвѣтавшей въ средніе вѣка въ кельтскихъ странахъ, преимущественно въ Вельсѣ. Бенедиктинскіе ученые открывали въ ученіи, приписываемомъ друидамъ, слѣды откровенной религіи, такъ что если Галлы оказывали религіозное почитаніе дубамъ, то это по воспоминанію о дубѣ Мамврійскомъ; если они убивали плѣнниковъ на кускѣ необсѣченного камня, то дѣлали это изъ уваженія къ одной обрядовой заповѣди Моисея. Вельскія историческія тριάды сдѣлались источникомъ другой теоріи. Онѣ выдають себя за исторію одного существа, называемаго Гу-Гадарномъ, Гу-Могучимъ, который привелъ Кимри изъ страны лѣта на острова Сѣвернаго океана. Легенда о Гу-Гадарнѣ, конечно, содержитъ многія прямыя илювіи на вельскую мифологію; но въ главномъ она есть перелицовка жизни патріарха Ноя, приукрашенная различными доскутками учености, какіе можно было собрать позднѣйшему барду въ своей бібліотекѣ (см. Elton, pag. 249); въ ней обнаруживается намѣреніе доказать, что древнее таинственное ученіе было уже тождественно съ подлиннымъ хри-

стванствомъ. Такъ какъ сверхъ всего прочаго, самое появленіе на свѣтъ этого литературнаго памятника относится не ранѣе, какъ къ XIV столѣтію, и развѣ только частію къ XII, то понятно, что его совсѣмъ слѣдуетъ оставить въ сторонѣ при изученіи вопросовъ о древнемъ друидическомъ вѣроученіи. То же самое придется сказать о знаменитыхъ „Таинствахъ Бардовъ“, изданныхъ Пиктѣ и прославленныхъ Мишле, Анри Мартеномъ и другими кельтоманами.

Въ вѣроученіи, преподаваемомъ друидами, древнихъ наиболѣе поражала важность, которую тѣ придавали ученію о безсмертіи души. Что друиды и вообще Кельты вѣрили въ безсмертіе души человеческой, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго — ибо всѣ народы въ это вѣрили. Но какова была природа этого безсмертія, это остается для насъ далеко неяснымъ. Цезарь говоритъ, что друиды учатъ, будто души не умираютъ, а переходятъ изъ одного человѣческаго тѣла въ другое. Слова: *ab aliis transire ad alios* — очевидно, не могутъ быть понимаемы иначе; предложеніе подразумѣвать тутъ слово *locos*, не заслуживаетъ вниманія. Помпоній Мела, который писалъ сто лѣтъ послѣ Цезаря, и очевидно, заимствовалъ отъ него свои свѣдѣнія о друидизмѣ, ничего не прибавляетъ такого, что могло бы послужить къ точнѣйшему уразумѣнію приведенныхъ словъ главнаго авторитета. „Изъ того, чему учатъ друиды, одно проникло въ народъ (*in vulgus effluxit*), конечно для того, чтобы внушить ему большее мужество въ войнахъ, а именно, что души вѣчны, и что есть другая жизнь въ жилищахъ мертвыхъ, *aeternas esse animas, vitamque alteram ad Manes*“. Отсюда можно извлечь развѣ только то, что для Мелы слова Цезаря о переходѣ душъ отъ однихъ людей къ другимъ либо совсѣмъ остались непонятными, либо онъ представлялъ себѣ эти переходы совершающимися въ другомъ мірѣ, *ad Manes*. Слѣдуетъ еще привести слова Лукана, читаемыхъ въ его *Фарсалидѣ*. „Вамъ однимъ“, говоритъ онъ, обращаясь къ галльскимъ друидамъ, — „дано знать или не знать боговъ и вѣдѣнія неба; по нашему ученію, не въ безмолвныхъ жилищахъ Эреба и не въ блѣдное царство подземнаго Днта устремляются тѣни умершихъ; но въ другомъ мірѣ тотъ же духъ управляетъ членами, и смерть есть только середина долгой жизни... Отсюда у мужей такая охота браться за оружіе и такая рѣшимость умирать: было бы недостойно падать жизнью, долженствующую возвратиться“ (переводъ Георгіевскаго). И такъ, отличіе друидическаго ученія о безсмертіи отъ представлений Грековъ и Римлянъ заключалось въ томъ, что по этому ученію посмерт-

ное существованіе души въ другомъ мірѣ будетъ отличаться всею тѣлесною полнотой земной жизни, которому, конечно, позавидовали бы классическія тѣни.. Но и у Лукана остается та неясность, что онъ не сказалъ намъ, будетъ ли та же самая душа управлять тѣми же самыми членами или другими (*regit idem spiritus artus Orbe in alio*), то-есть, принадлежавшими другимъ людямъ или существамъ, безъ чего нѣтъ переселенія или метемпсихоза, на который какъ будто намекаетъ Цезарь, хотя тоже въ ограниченномъ смыслѣ перехода изъ одного человѣческаго тѣла въ другое. Обыкновенно замѣчаютъ, что съ представленіями о переселеніи душъ плохо вяжутся и даже прямо имъ противорѣчатъ погребальные обряды Галловъ, какъ они описаны у Цезаря (VI, 19) и затѣмъ у Помпонія Мелы (III, 2). „Похороны“, говоритъ Цезарь,—„сравнительно съ образомъ жизни Галловъ вообще отличаются великолѣбіемъ и пышностію, и все, что было дорого умершимъ при жизни, въ томъ числѣ и животныя, бросается въ огонь, а не за долго до нашего времени, по совершеніи всѣхъ похоронныхъ обрядовъ, сжигались вмѣстѣ рабы и кліенты, которыхъ наиболѣе любилъ умершій“. Такого рода обряды основываются на томъ коренномъ и твердомъ религіозномъ убѣжденіи, что и въ будущей жизни люди будутъ нуждаться въ томъ же самомъ, въ чемъ нуждались въ настоящей. При такомъ ограниченномъ метемпсихозѣ, который допускается прямымъ смысломъ словъ Цезаря, умершій все-таки оставался бы человѣкомъ въ человѣческомъ тѣлѣ, и слѣдовательно, могъ бы нуждаться въ томъ, что любила при жизни его душа, сохраняющая свою тождественность. Слѣдовательно, предполагаемаго большаго противорѣчія тутъ нѣтъ; оно было бы въ такомъ только случаѣ, еслибы предполагалось переселеніе въ тѣла животныхъ или какіе низшіе организмы, не имѣющіе человѣческихъ потребностей, и еслибы считалось возможнымъ заранѣе знать ту или другую судьбу умершей души, то-есть, переселится-ли она въ человѣка или въ животное. То же самое нужно сказать о любопытномъ сообщеніи Помпонія Мелы и Валерія Максима, что Галлы давали другъ другу въ займы съ условіемъ уплаты въ другомъ мірѣ (*apud inferos*)—на томъ свѣтѣ; это, по объясненію самихъ древнихъ, основывалось на представленіи о безсмертіи, и слѣдовательно, тождественности души. Не болѣе разъясняетъ дѣло сопоставленіе съ ученіемъ Пифагора, которое мы находимъ у Діодора Сицилійскаго и у Валерія Максима. Первый утверждаетъ, что у Кельтовъ было въ силѣ ученіе Пифагора о томъ, что души лю-

дей безсмертны, и что, по ихъ мнѣнію, по прошествіи опредѣленнаго числа лѣтъ, души умершихъ проникаютъ въ другія тѣла (V, 28, 6). Второй, упоминая объ ихъ убѣжденіи относительно безсмертія душъ, прибавляетъ, что онъ называлъ бы ихъ сумасбродами, если бы они не говорили то же самое, что облеченный въ мантию греческій философъ Пифагоръ (VI, 6, 10). О сходствѣ друидизма съ пифагореизмомъ говорилъ и Тимеагенъ; но, сколько можно догадываться по довольно темной передачѣ его мысли Амміаномъ Марцеллиномъ, съ другой точки зрѣнія, именно съ точки зрѣнія корпоративнаго устройства. У приведенныхъ писателей рѣчь идетъ пока только о сходствѣ, а не о приномѣ родствѣ или какихъ-либо связяхъ Пифагора съ Галліей, и на оборотъ. Есть авторы, которые, по собственной древней склонности объяснять сходства такого рода примѣмъ заимствованіемъ, пришли къ предположенію, что либо Пифагоръ учился у друидовъ, либо друиды были его послѣдователями и едва ли не слушателями. Александръ Полигисторъ, писавшій между 60—80 годами до нашей эры, держался, по видимому, перваго мнѣнія: Пифагоръ заимствовалъ свои воззрѣнія у браминовъ и Галловъ, слушателемъ которыхъ онъ самъ былъ ¹⁾. Одинъ изъ ученѣйшихъ отцовъ церкви III вѣка, Оригенъ, неизвѣстно откуда заимствовалъ другое толкованіе, что, напротивъ, Галлы были учениками Пифагора, хотя не непосредственно; онъ знаетъ ими того Пифагорова ученика, который былъ наставникомъ друидовъ; это былъ Замолксисъ.

И такъ, сопоставленіе съ пифагореизмомъ очень мало служитъ къ разъясненію друидическаго ученія о безсмертіи; мы видимъ, откуда оно взялось, и не можемъ придавать ему самостоятельнаго значенія. Если возникнуть въ дѣло, то между ученіемъ Пифагорейцевъ, какъ оно сдѣлалось извѣстнымъ въ позднѣйшее время, и ученіемъ друидовъ, какъ его намъ передаютъ лучшіе свидѣтели, окажется боль-

¹⁾ Мѣсто изъ Елиментъ Александрійскаго, который ссылается на Полигистора, приведено въ книгѣ Жюбенама: *Introduction à l'étude de la littérature celtique*, pag. 86, въ примѣчаніи; но только въ текстѣ онъ неправильно толкуетъ приведенный отрывокъ. Αλέξανδρος δὲ ἐν τῇ περὶ πυθαγορικῶν συμβόλων ἀκχολοῦντι τε πρὸς τοὺτοὺς Γαλατῶν καὶ Βραχμάνων τὸν Πυθαγόραν βοῦλεται. Это никакъ не можетъ значить, что Галлы были учениками (disciples) Пифагора. Кстати замѣтимъ, и статья *Фюстель-де-Куланжа*, объ уничтоженіи друидизма въ Галліи, напечатанная въ *Revue celtique* (1879), весьма несвободна отъ неточностей въ передачѣ смысла древнихъ текстовъ.

шла равнина. Душа Кельта находитъ себѣ новое тѣло въ другомъ мѣрѣ, а по Пиеагору она получаетъ новое тѣло въ этомъ же самомъ мѣрѣ, гдѣ мы живемъ. Вселиться въ новое тѣло — таковы желаніе и надежда Кельта; эта надежда ободряетъ воина на полѣ битвы; у Пиеагора жить въ новомъ тѣлѣ есть наказаніе, искупленіе вины; душа праведнаго человѣка отъ этого избавляется, она будетъ вести жизнь чисто духовную въ воздушныхъ пространствахъ.

Въ подлинной кельтской литературѣ среднихъ вѣковъ оказывается весьма мало данныхъ по нашему вопросу. Книга Армагская (d'Armagh), манускриптъ IX вѣка, сохранила объ ученіи ирландскихъ друидовъ относительно будущей судьбы человѣка одно показаніе, которое было бы драгоцѣннымъ, еслибы всѣ выраженія автора были для насъ ясны и понятны. Гоноритси о королѣ Лоагерѣ, отказавшемся принять проповѣди св. Патрика. Онъ не хотѣлъ вѣрить и отговаривался тѣмъ, что его отецъ не позволялъ ему того, но заповѣдалъ ему быть погребеннымъ на вершинахъ Темро (Тары), въ военномъ убранствѣ. Ибо у язычникомъ—прибавляетъ латинскій текстъ—былъ обычай, по которому они клались въ гробницахъ въ полномъ вооруженіи, съ готовымъ (устремленнымъ впередъ) оружіемъ, и съ лицомъ, обращеннымъ къ непріятелю, въ ожиданіи дня, называемаго у игоговъ *erdathe*, то-есть, дня суда Господня ¹⁾. Къ сожалѣнію, точный смыслъ выраженія *erdathe* остается не разъясненнымъ; а христіанское толкованіе днемъ страшнаго суда легко могло быть произвольнымъ. Видно только, что въ Ирландіи друиды имѣли какое-то особое ученіе о будущей участи тѣлъ воиновъ, погребенныхъ вмѣстѣ съ ихъ военными доспѣхами — помимо общаго ученія о безсмертіи душъ.

Есть книга, вышедшая подъ такимъ заглавіемъ: „Тайнство друидовъ острова Британніи, или ученіе вельскихъ бардовъ среднихъ вѣковъ о Богѣ, будущей жизни и о переселеніи душъ“ ²⁾.

¹⁾ Sed non potuit credere dicens Nam Noel, paler meus, non sinivit mihi credere, sed ut sepeliar in caecuminibus Temro, quasi viris consistentibus in bello. Quia utuntur gentiles in sepulchris armati promptis armis facie ad faciem usque ad diem *erdathe* apud magos, id est iudicii diem Domini. См. *Arbois de Jubainville*, Introduction à l'étude de la littérature celtique, pag. 178, 179.

²⁾ Le Mystère des Druides de l'île de Bretagne, ou la doctrine des bardes gallois sur Dieu, la vie future et la transmigration des âmes. Texte original, traduction et commentaire par *Ad. Pictet*. Genève, 1856. Ср. *Анри Мармена*, Etude sur le mystère des Bardes de l'île de Bretagne в Etudes d'archéologie celtique (290—367).

Извѣстный французскій историкъ Анри Мартенъ привѣтствовалъ ея появленіе въ свѣтъ такими словами: „Книга таинствъ открылась ученому міру. Здѣсь друидическая мысль завінчала будущему то, что въ ней было безсмертнаго. Здѣсь хранятся тайны, которымъ были передаваемы въ теченіе вѣковъ посредствомъ устнаго преданія и наковецъ были вѣрены писму. Если мы приподнимемъ покровъ святыни, то будемъ ослѣплены свѣтоноснымъ явленіемъ, которое увидимъ восстающимъ на алтарѣ въ сіяніи лучей, отъ него исходящихъ“. Изданіе, возбуждавшее такой энтузіазмъ въ извѣстномъ ученомъ, впрочемъ весьма склонномъ къ кельтоманіи, состоитъ изъ ряда такъ называемыхъ триадъ, числомъ изъ 46-ти. Это—сентенціи нравственныя, философскія, религіозныя, выражены въ особой формѣ, сообщающей произведенію нѣкоторую оригинальность, болѣе, можетъ быть, видимую, чѣмъ дѣйствительную. Триада — это дидактическое предложеніе, въ которомъ приводятся въ связь между собою и вычисляются три предмета, три качества, три дѣйствія или состоянія предмета. Вотъ примѣръ: „Есть три побѣды надъ Dwg и Cythraul: знаніе, любовь и сила. Знаніе, желаніе и сила (власть) въ ихъ взаимодействіи могутъ выполнить все, что захотятъ“. Что касается самой системы ученія, то она состоитъ изъ двухъ частей: одна часть относится къ Богу, другая къ человѣку. Теодицея таинственнаго друидизма представляетъ намъ единаго Бога, который есть жизнь, знаніе и могущество, существо совершенное въ себѣ самоцѣ, въ своей волѣ и своихъ дѣйствіяхъ, верховное могущество, верховный разумъ, высшая любовь, которой всѣ существа обязаны своимъ существованіемъ. Христіанскій отпечатокъ очень явно выступаетъ на такомъ богословіи, такъ что его трудно не замѣтить съ самаго начала. Монотеизмъ чисто христіанскій всего скорѣе и принадлежитъ христіанству, а не друидамъ. Оригинальность „Таинствъ“ заключается въ другой части, въ которой раскрывается тайна судьбы человѣческой. Сведенное къ своимъ существеннымъ пунктамъ и освобожденное отъ мистическихъ формулъ, это ученіе представляется въ слѣдующемъ видѣ: Три круга содержатъ въ себѣ все существующее. Первый, заключающій въ себѣ два остальныхъ, есть кругъ безконечнаго (пустыни, Seugant); его въ цѣлости наполняетъ Богъ, существо вѣчное. Въ двухъ другихъ движутся всѣ существа сотворенныя, которыя имѣютъ начало своего существованія, но не будутъ имѣть конца. Бытіе ихъ начинается въ состояніи неорганической матеріи. Жизнь растетъ и развивается все болѣе и болѣе въ рядѣ

существо органическихъ—до человѣка, стоящаго на высшей ступени этой лѣстницы. Это есть кругъ переселенія (Abred, transmigration). Между тѣмъ какъ все остальное подчиняется роковымъ законамъ необходимости, человѣку доступно познаніе, и онъ можетъ выбирать между добромъ и зломъ; свободный въ своей волѣ, въ случаѣ выбора ала онъ осужденъ исходить, спускаться болѣе или менѣе низко, даже до животности, ниже человѣчности, или даже до неорганической матеріи. Но это только для того, чтобы снова начать посхождение по этой лѣстницѣ существъ, съ возможностью подобныхъ же новыхъ ниспаденій, пока наконецъ душа не заслужитъ себѣ выхода изъ круга переселенія для вступленія въ кругъ блаженства (Gwynfyd). Тамъ уже прекращаются ея испытанія; она тамъ наслаждается познаніемъ всѣхъ вещей, вспоминаетъ о предшествовавшихъ переселеніяхъ и даже можетъ по своей волѣ и ради опыта снова принять какую-нибудь изъ формъ круга переселеній. Такая доктрина—философскаго достоинства ея мы можемъ и не оцѣнивать,—рекомендуется намъ какъ древнее, изъ вѣка въ вѣкъ передававшееся ученіе друидовъ. Хранителями ея — предполагается — были барды княжества Вельса, гдѣ они въ теченіе среднихъ вѣковъ не только удержались, но даже сплотились въ организованную и могучую корпорацію, наследовавшую, между прочимъ, обязанности и преданія угасшаго въ борьбѣ съ христіанствомъ друидизма. Хранилось это преданіе не записаннымъ до XVI столѣтія; составленъ былъ бардомъ (Ливеллипъ Сіономъ) сборникъ, трактовавшій о предметахъ профессиональной спеціальности бардовъ, о стихосложеніи и просодіи, а также и о вѣроученіи: первое извѣстно за достоверное, второе—подвержено сомнѣнію. Этотъ первоначальный сборникъ оплѣтъ-таки дошелъ до насъ; но имъ воспользовался другой бардъ, Едвардъ Давидъ, который въ 1681 году представилъ на одобреніе общаго собранія бардовъ новое изложеніе правилъ бардическаго искусства: та часть, которая касалась собственно поэтики, получила теперь торжественное признаніе и одобреніе отъ всего собранія, а другая часть, богословская, самое существованіе которой даже и въ сборникѣ Давида подвержено сомнѣнію, не была и не могла, говорятъ, быть представлена изъ опасенія возбудить неудовольствіе или даже гоненіе со стороны церковныхъ властей. Удивительно только, какъ до сихъ поръ, въ теченіе многихъ вѣковъ, католическая церковь могла не замѣтить или такъ долго терпѣть, не протестуя, неправославное ученіе среди многочисленной и видной корпораціи. Совершенно невозможно пред-

ставить себя, чтобы хранимое про себя еретичество бардовъ ни разу не обличилось предъ церковнымъ трибуналомъ или предъ исповѣдальней. Какъ бы то ни было, въ 1822 году, богословскія тριάды появились наконецъ въ печати и съ тѣхъ поръ сдѣлались достояніемъ науки. Манускрипта, который свидѣтельствовалъ бы объ относительной древности британскаго таинства, никто не выдалъ — ни раньше, ни послѣ появленія книги, кромѣ, разумѣется, самого издателя. Издателемъ былъ мѣстный валлійскій любитель старины и патріотъ, Едвардъ Вилліамсъ, одинъ изъ послѣднихъ представителей вымиравшаго въ ХІІІ вѣкѣ бардизма. Анри Маргенъ, разбиравшій его бумаги и знакомый съ его наслѣдниками, съ негодованіемъ протестуетъ противъ всякаго намека о поддѣлкѣ, противъ всякаго сомнѣнія въ подлинности изданныхъ Вилліамсомъ тριάдъ. Французскій историкъ ссылается на безупречный личный характеръ Вилліамса. Жаль, что онъ не могъ представить болѣе осязательныхъ доказательствъ; въ данномъ случаѣ указаніе на личную честность недостаточно. Опытъ доказываетъ все болѣе и болѣе, что увлеченія подобныхъ любителей старины съ подкладкою національнаго и мѣстнаго патріотизма верѣдко простираются до того, что заставляютъ даже собственныя измышленія принимать за наслѣдіе древности и безосновательно, либо полусознательно, смѣшивать одно съ другимъ. Все умножается и число примѣровъ благочестиваго обмана, совершенныхъ людьми, которыхъ ни современники, ни ближайшіе потомки не осмѣлились бы заподозрить ни въ чемъ подобномъ, и которые были обличены только повѣйшею критикою. Найденныя въ бумагахъ Вилліамса и изданныя впоследствии піесы такого же содержанія, какъ и тριάды (Baardas), никакъ не могутъ служить въ защиту ихъ древности и подлинности, такъ какъ и отъ этихъ новыхъ піесъ дошли не старинныя манускрипты, а списки и выписки Вилліамса. А тѣ его изданія, которыя болѣе свободны отъ подозрѣній, напримѣръ, приписываемый Едварду Дивну трактатъ о стихосложеніи, не содержатъ ничего подобнаго доктринѣ переселенія, или даже вообще богословскимъ тριάдамъ. Находятся нѣчто похожее на идею метемпсихоза въ двухъ поэмахъ, приписываемыхъ барду Галіезину. Онъ разсказываетъ тамъ о существованіяхъ, чрезъ которыя онъ прошесть; онъ былъ птицею, рыбою, щитомъ, струною арфы; онъ былъ въ кончегѣ Ноевомѣ, присутствовалъ въ качествѣ зрителя при постройкѣ Невародовой бани, видѣлъ гибель Содома и Гоморры. Совершенно ясно, что если здѣсь и обнаруживаются нѣкоторыя представленія о метем-

психозѣ, то они вовсе не имѣютъ характера ученія или доктрины, а являются простою игрою поэтическаго воображенія, поэтическимъ приѣмомъ. И такъ, довольно припомнить исторію появленія Тайнства бардовъ, чтобы считать его весьма и весьма апокрифическимъ. Едва ли послѣ этого нужно пускаться въ изслѣдованіе источниковъ, изъ которыхъ могло быть почерпнуто ученіе о переселеніяхъ, какъ оно изложено въ триадахъ. Были ученые, отрицавшіе всякую связь этого ученія съ древнимъ друидизмомъ (въ которомъ, какъ мы видѣли, вовсе не было догмата о дѣйствительномъ метемпсихозѣ), но признававшіе его относительную старину и его усвоенность въ школахъ вельскаго бардизма; они искали начала этой доктрины въ средневѣковыхъ ересяхъ, и съ наибольшимъ усиліемъ, если не правдоподобіемъ, находили много сходнаго въ ученіи Оригена, греческаго отца церкви III вѣка.

О второмъ классѣ кельтскаго духовнаго сословія древніе авторы, какъ мы видѣли, сообщаютъ мало точныхъ и опредѣленныхъ данныхъ; Юлій Цезарь совершенно умолчалъ о нихъ. Въ Ирландіи этотъ классъ именовался филе (filé), что значить „видящій“; въ повозавѣтномъ переводѣ филе употребляется для перевода слова пророкъ. Видящимъ въ сущности приписываются всѣ тѣ дѣйствія, которыя подлежали также вѣдомству друидовъ. Они приносятъ жертвы и гадаютъ о будущемъ, при чемъ употребляютъ особенные приемы, изъ коихъ одинъ, наиболѣе важный, описанъ еще въ Словарѣ Кормака, памятникъ начала X вѣка. Филе жуетъ кусокъ мяса либо краснаго поросенка, либо собаки, либо кошки; потомъ онъ кладетъ этотъ кусокъ на жертвенный камень, произноситъ надъ нимъ заклинанія и призываетъ боговъ. Если на слѣдующій день онъ не получитъ отъ нихъ отвѣта, то произноситъ заклипательныя формулы надъ своими двумя руками и ложится спать, держа руки на лицѣ; во снѣ если не въ первый день, то во второй, третій, девятый ему должно открыться въ сновидѣніи желаемое рѣшеніе. Болѣе простой способъ гаданія заключался въ произнесеніи магическаго заклинанія надъ большимъ пальцемъ, вложеннымъ въ ротъ; прибѣгали также къ магической палочкѣ, которую клали на предметъ, коего касалось гаданіе, съ произнесеніемъ соотвѣствующихъ заклинаній. Снятому Патрику и здѣсь приписывается отмѣна обычаевъ, отличавшихся наиболѣе грубымъ языческимъ характеромъ. Заклинаніямъ видящихъ приписывается не только благотѣльная гадательная сила, но и губительная. Посредствомъ произнесенія „сатиры“ (áir), направлен-

часть ссхххх отд. 2.

ной противъ извѣстнаго лица, филе могъ наслать на того всякія бѣдствія, даже смерть. „Если ты мнѣ противорѣчишь“, говоритъ одинъ филе королю,—„то я составлю противъ тебя сатиру, противъ тебя и противъ твоего отца, твоей матери, твоего дѣда; я произнесу магическія слова надъ водами твоего королевства, и не будетъ болѣе рыбы въ вашихъ водахъ; я произнесу магическія слова надъ вашими деревьями, и они перестанутъ приносить плоды; я произнесу проклятіе на наши поля, и они сдѣлаются бесплодными и не дадутъ болѣе жатвы“¹⁾.

Сверхъестественное могущество филе служило также санкціей ихъ судебнымъ приговорамъ. Кто противился судебному приговору филе, подвергался опасности вызвать противъ себя сатиру, способную низвести на непокорнаго цѣлый рядъ бѣдствій. Сверхъ того, филе располагалъ еще особеннымъ средствомъ расправы, быстрой и рѣшительной. Ему стоило только схватить и особеннымъ образомъ стиснуть двумя пальцами конецъ уха у своего противника, и тотъ немедленно умиралъ. Эта операція имѣла особенное техническое названіе. Былъ у филе въ употребленіи и своего рода интердиктъ, какъ у друидовъ Цезаревой Галліи. Неудобный имъ человекъ низывался бѣглецомъ, изгоемъ (*elutach*); филе отказывали ему въ своихъ услугахъ и объявляли, что ни богъ, ни человекъ ничемъ въ отношеніи къ нему не обязанъ; кто давалъ отлученному убѣжище, платилъ пеню въ пять штукъ рогатаго скота. Такого рода постановленіе находится въ ирландскомъ законникѣ, въ такъ-называемой „Великой книгѣ древняго закона“ (*Senchus-Mór*), уже подвергшемся христіанскому вліанію; иначе наказаніе имѣло бы, вѣроятно, тотъ самый вполне религіозный характеръ, какъ и въ Галліи (*sacrificiis interdicit*). За то, съ другой стороны, несправедливая сатира, какъ и несправедливый судебный приговоръ, не проходили безнаказанно для лицъ, ихъ произнесшихъ. Неблаговидныя прыщи, появившіеся на лицѣ судьи, служили открытою и обычною уликою того, что онъ покрывилъ совѣстью; извѣстны были и другіе обличительные признаки: у одного судьи, напримѣръ, послѣ несправедливаго рѣшенія сжималось на шеѣ ожерелье и начинало стѣснять его дыханіе. Подобныя пѣрованія, съ одной стороны гарантирующія дѣйствительность наговоровъ и приговоровъ, произносимыхъ видящими, а съ другой стороны—ихъ справедливость, сообщали высокой авторитетъ и почти

¹⁾ *Arbois de Jubainville*, Introduction, 265.

религіозное освященіе дѣятельности ихъ въ области права. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы друидамъ Ирландіи когда-нибудь принадлежала судебная власть, какъ это было въ Галліи, не только по свидѣтельству Цезаря, не отличающаго никакихъ разрядовъ въ тамошнемъ духовно-ученомъ сословіи, но и другихъ писателей, знающихъ эти разряды; напротивъ, эпическая литература Ирландіи всегда представляетъ судебныя функции въ рукахъ филе, такъ что нѣтъ никакихъ прямыхъ основаній предполагать какое-либо измѣненіе, нѣкотораго рода секуляризацию, неизвѣстно когда происшедшую и лишившую друидовъ Ирландіи судебной власти. По видимому, даже не каждый изъ среды видящихъ былъ посвященъ въ тайны юриспруденціи; филе, занимавшіеся спеціально изученіемъ права и судебной практики, называются въ ирландскихъ поэтическихъ преданіяхъ брегонами (собственно *brithem*, затѣмъ, *brehon*, судья); подъ этимъ названіемъ и съ соотвѣствующимъ ему характеромъ древніе языческіе филе удержались и въ христіанскую эпоху, даже до XVII столѣтія, утративъ, конечно, жреческій характеръ, но сохранивъ за собою судебный авторитетъ, участіе въ отряженіи правосудія, а также научную обработку права и его преподаваніе. Законы, по которымъ судили брегоны-филе, первоначально передавались устно безъ помощи письма, изучались въ школахъ, во главѣ которыхъ стояли брегоны, вмѣстѣ съ другими отраслями вѣдѣнія, вмѣстѣ съ законами и правилами поэтическаго творчества. Въ сущности, корпорація брегоновъ, сдѣлавшаяся въ теченіе среднихъ вѣковъ наследственною, получившая нѣкоторый видъ касты, была первоначально хранителемъ и толкователемъ народнаго обычая и обряда въ дѣлѣ суда; но нельзя отрицать и того, что весьма рано началась и теоретическая, научная обработка права въ средѣ ирландскихъ филе. Народные правовые обычаи были приведены въ порядокъ, фиксированы, формулированы и систематизированы, по мнѣнію авторитетныхъ ученыхъ, уже брегонами первыхъ столѣтій по Р. Х. Арбуа де Жюбэвилль полагаетъ, что правовыя нормы, содержащіяся въ Великой книгѣ древняго закона, сложились приблизительно въ первомъ столѣтіи нашей эры, а самыя юридическіе трактаты, служащіе основою сборника и предметомъ для постоянного болѣе позднѣго комментарія или глоссы, по его мнѣнію, составлены въ пятomъ столѣтіи по Р. Х., затѣмъ нѣсколько вѣковъ, какъ и остальныя сокровища національной литературы, были сохранены устнымъ преданіемъ, а къ VIII вѣку уже были переданы письму. Почтенные своею несомнѣнно глубокою древностію своего

содержанія, еще болѣе чѣмъ формы, ирландскіе юридическіе памятники, называемые вообще Законами брегеновъ, только недавно выведены на свѣтъ Божій изъ мрака забвенія, и благодаря тому обстоятельству, что изданіе текстовъ, сопровождается англійскими переводами, сдѣлались доступными даже для ученыхъ, не обладавшихъ труднымъ и мало доступнымъ знаніемъ кельтскаго языка, на которомъ они писаны ¹⁾. Знаменитый англійскій ученый Соммеръ Маинъ (Somner Maine), уже равнѣ того прославившійся своими сочиненіями по исторіи первоначальнаго общества и древнѣйшаго права у индоевропейскихъ народовъ, посвятилъ законамъ брегеновъ одну курсъ лекцій, читаемыхъ имъ въ Оксфордѣ, и затѣмъ издалъ ихъ въ видѣ отдѣльнаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Чтенія о первоначальной исторіи учреждений“ ²⁾. Теперь уже можно считать общепризнаннымъ, что для объясненія первоначальнаго строя арійской семьи и общины, для изученія исходныхъ основъ и древнѣйшихъ превращеній индоевропейскаго права, его генезиса и эволюціи, какъ это нынѣ говорить, нѣтъ другаго источника, который превосходилъ бы законы брегеновъ своею важностію, за исключеніемъ развѣ законовъ Мау. Дополненіемъ къ сочиненію Маина, отличающемся широкими и поучительными обобщеніями, могутъ служить изслѣдованія французскаго ученаго, котораго имя мы уже нѣсколько разъ упоминали, то-есть, Арбуа-де-Жюбювилля. Онъ имѣетъ то преимущество предъ Маиномъ, что обладаетъ возможностью изучать подлинный первоначальный текстъ источника. Въ своихъ опитахъ, посвященныхъ кельтскому праву, именно Сенхусъ-Мору ³⁾, а также въ предисловіи къ французскому переводу вышеозначеннаго сочиненія Маина, Арбуа-де-Жюбювилль дѣлаетъ нѣсколько не лишенихъ значенія поправокъ къ разнымъ частнымъ положеніямъ, высказаннымъ англійскимъ болѣе авторитетнымъ ученымъ. Мы еще воротимся къ сочиненіямъ обоихъ ученыхъ, когда будетъ рѣчь о политическомъ бытѣ древнихъ Кельтовъ; теперь намъ слѣдуетъ замѣтить только то, что юридическіе трактаты,

¹⁾ Изданіе ведется на счетъ англійскаго правительства, хотя первоначальный къ тому починъ не принадлежалъ ему, а одному частному ученому человеку. Издано до сихъ поръ четыре тома подъ общимъ заглавіемъ: *Ancient Laws of Ireland* (1863 — 1879). Первые три тома содержатъ Великую книгу древняго закона, *Senchus-Mór*.

²⁾ *Lectures on the early history of institutions.*

³⁾ *Etudes sur le droit celtique. Le Senchus Mor. Par Arbois de Jubainville. Paris, 1881.*

составленные ирландскими брегонами, содержатъ, конечно, весьма важные данныя для болѣе точнаго опредѣленія положенія въ обществѣ и значенія ихъ родопачальниковъ, ирландскихъ филе или вѣдуннхъ; но не слѣдуетъ пренебрегать еще болѣе многочисленными указаніями въ памятникахъ эпической поэзіи. По основаніи ихъ и при помощи французскаго кельтолога, можно и слѣдуетъ исправить нѣкоторыя слишкомъ далеко идущія предположенія о власти брегоновъ, отъ Мэна перешедшія въ статью одного русскаго ученаго, которую здѣсь также необходимо назвать и рекомендовать. Мы разумѣемъ статью профессора Сокольскаго въ X томѣ Временника Демидовскаго юридическаго лицея: „О значенія вѣдателей права въ первобытныхъ обществахъ у древнихъ Кельтовъ и Германцевъ“. Объясняя образованіе класса брегоновъ, Мэнъ предполагаетъ, что и у Кельтовъ, какъ вообще въ арійскихъ первоначальныхъ обществахъ, глава трибы или племени, князь или король, былъ съ начала жрецомъ и судьей, равно какъ и военнымъ вождемъ—вмѣстѣ. Въ позднѣйшую эпоху арійской исторіи эта сложная власть дѣлится, дифференцируется, переходитъ отчасти къ вѣчу, отчасти къ новому классу вѣдуннхъ. У Ахейцевъ Гомера вождь не имѣетъ жреческаго характера, но онъ еще судья. У Кельтовъ Галліи и Ирландіи вождь пересталъ быть жрецомъ, и вѣроятно, также судьей, хотя онъ и могъ сохранить нѣкоторыя судебныя атрибуціи. Это превращеніе, приписываетъ Мэнъ,—существенно отличается отъ того явленія, которое извѣстно въ Ассирахъ, гдѣ напротивъ институтъ царей пережилъ себя только въ лицѣ архонта-василевса, который былъ сановникомъ судебного порядка. Въ противоположность Греціи и отчасти Риму, народная сходка утратила у Кельтовъ судебную власть, а короли передали свой авторитетъ простымъ своимъ совѣтникамъ. Въ означенной русскаго статьи также предполагается, что такимъ именно путемъ брегоны, отождествляемые тамъ съ жрецами-друидами, наследовали всю полноту судебной власти. На самомъ дѣлѣ только въ легендахъ, относящихся къ мифологическому періоду, филе, исполняющій обязанность брегона, провозноситъ окончательныя рѣшенія, съ безконтрольнымъ и абсолютнымъ авторитетомъ. Въ героическій періодъ, который можно изучать въ цѣломъ рядѣ сказаній, филе прерпатилась уже въ простыхъ совѣтниковъ королей и народныхъ собраний. Короли, народные вожди и вѣчевыя собранія не только не утратили судебной власти, а напротивъ постоянно являются въ роли дѣйствительныхъ судей, но конечно, они произносятъ свои рѣшенія

согласно съ мнѣніемъ своихъ совѣтниковъ, священныхъ вѣщателей права. Филе прежде всего являются хранителями формулъ и знатоками обрядовъ древняго права, передаваемыхъ изъ поколѣній въ поколѣнія, законовѣдами и вѣщателями права, отчасти адвокатами, а также наставниками и преподавателями юриспруденціи, и въ весьма ограниченномъ смыслѣ—собственно судьями. Преимущество филе заключалось прежде всего въ знаніи судебныхъ прецедентовъ и старыхъ формулъ, выраженныхъ иногда устарѣлымъ, архаическимъ, не для всѣхъ понятнымъ языкомъ, желѣзными словами, какъ сказано въ одномъ древне-кельтскомъ словарѣ; но чтобы получить согласіе короля и народа на предлагаемое рѣшеніе, филе обязаны были истолковать тѣ древнія правила. Формализмъ, совсѣмъ не чуждый древнему праву, и особенно ирландскому, часто дѣлалъ необходимымъ при вѣщаніи тяжбы или судебного дѣйствія участіе человека, свѣдущаго во всѣхъ тонкостяхъ тщательно соблюдаемой процедуры и обрядности; отъ того филе являются въ качествѣ адвокатовъ-совѣтниковъ у частныхъ лицъ. Судебныя рѣшенія, которые приводятся въ Великой книгѣ древняго закона (Сенхусъ-моръ), представляются совокупнымъ дѣломъ законовѣдовъ брегоновъ и королей, либо народнаго собранія. Одно и то же слово иногда употребляется для обозначенія акта, состоящаго въ предложеніи рѣшенія брегономъ, и акта, состоящаго въ усвоеніи и провозглашеніи рѣшенія королемъ или вѣщемъ; но въ большинствѣ случаевъ оба акта выражаются особыми, различными терминами. Закономѣдъ или правовѣщатель предлагалъ свое рѣшеніе, король или народъ принималъ его и давалъ ему законную силу. Въ Сенхусъ-моръ говорится объ установленіи двухдневной отсрочки при захватѣ испомъ имущества отиѣтчика съ цѣлю принудить его къ явкѣ въ судъ, что у римлянъ называлось *pignoratіo*, и обозначается французскимъ выраженіемъ—*la saisie*. Два брегона, названные тамъ по имени, произнесли рѣшеніе, устанавливающее эту отсрочку, и это было первымъ актомъ. Однако ихъ приговоръ имѣлъ характеръ чисто доктринальный; это было пѣчто аналогичное съ тѣмъ, что въ римскомъ правѣ называется *responsa prudentium*. Второй актъ былъ дѣломъ обитателей королевства Ульстера, Улатовъ, которые, усвоивъ рѣшеніе брегоновъ, сообщили ему легальное значеніе. Рѣшенія, произнесенныя королемъ или народнымъ собраніемъ, соотвѣтственно предложеніямъ филе, встрѣчали тѣмъ болѣе почтительную покорность въ вѣрующей массѣ и тѣмъ легче получали для будущаго силу судебного прецедента, такъ что косвеннымъ образомъ мнѣніе брегона

приобрѣтало законодательный характеръ, хотя въ немъ самомъ не было вѣншей принудительной силы. Даже и въ христіанскую эпоху, когда отпала всякая религіозная санкція, присущая постановленіямъ и требованіямъ жрецовъ или видящихъ, филе въ качествѣ брегоновъ могли удержатъ и удержали такое свое значеніе. Есть указанія на то, что въ противоположность друидамъ, они оставались въ добрыхъ отношеніяхъ съ христіанскою церковью и духовенствомъ. Легенда повѣствуетъ, что когда при покушеніи на жизнь просвѣтителя Ирландіи, св. Патрика, былъ вмѣсто того убитъ его возница, Одранъ, то св. Патрикъ явился предъ трибуномъ короля Лоегэра и потребовалъ суда; такъ какъ въ качествѣ иностранца онъ имѣлъ право выбора судьи, то онъ указалъ на знаменитаго тогда филе Дубтахъ (Dubtach), съ тѣмъ, чтобы тотъ высказалъ свое мнѣніе, произнесъ приговоръ. Нужно прибавить, что, по сказанію, этотъ филе первый изъ близкихъ къ королю лицъ обнаружилъ почтеніе къ лицу миссіонера, то-есть, всталъ при вступленіи его во дворецъ. Св. Патрикъ благословилъ уста вѣщаго, и тотъ произнесъ рѣшеніе, предлагающее смертную казнь виновному. Этотъ Дубтахъ составителями Великой книги древняго закона выдается за одного изъ ея авторовъ. Во введеніи къ Сенхусъ-моръ говорится, что для приведенія законовъ Ерина въ согласіе съ христіанскими заповѣдями назначена была коммиссія изъ трехъ епископовъ, трехъ королей и трехъ филе. Патрикъ былъ однимъ изъ трехъ епископовъ, Лоегэръ—однимъ изъ трехъ королей, и Дубтахъ—однимъ изъ трехъ филе; онъ именно обязанъ былъ изложить предъ своими товарищами всю совокупность древняго ирландскаго права, „всѣ судебные прецеденты, всю науку видящихъ Ирландіи и всѣ законы, которые царствовали у людей Ерина, въ состояніи естественнаго права (въ противоположность писанному, христіанскому)“. Кроме Дубтахъ Сенхусъ-моръ ссылается на рѣшенія другихъ древнихъ филе, приводитъ ихъ мнѣніе или подлинныя приговоры. Слѣдуетъ прибавить, что во главѣ сословія филе стоялъ такъ-называемый олавъ (ollam), соответствующій по своему положенію верховному галльскому друиду.

Наконецъ, мы не должны забывать и того, что при всѣхъ своихъ другихъ серьезныхъ занятіяхъ, ирландскіе филе оставались поэтами; они рассказывали исторіи, слогали и пѣли легендарныя повѣствованія о войнѣ, о любви, о праздникахъ и путешествіяхъ, принимаемая старою Ирландіей за свою національную исторію; они суть настоящіе творцы эпической ирландской литературы, на характеристикѣ кото-

рой мы здѣсь, къ сожалѣнію, не можемъ останавливаться: намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о бардахъ.

Въ древнѣйшихъ сообщеніяхъ, гдѣ о нихъ идетъ рѣчь, барды являются въ положеніи мало для нихъ почетномъ. Посидоній, писавшій за сто лѣтъ до нашей эры, въ первый разъ приводитъ названіе бардовъ: „Такъ-называемые барды суть поэты, слагающіе похвалы въ честь другихъ и произносящіе ихъ съ пѣніемъ“. По Діодору барды суть лирическіе поэты; при помощи инструментовъ, нѣтъ-только сходство съ лирой, они воспѣвають похвалу однимъ и порицаніе (сатиру) на другихъ.

Барды, по Посидонію, жили при дворахъ сильныхъ и знатныхъ людей, которые держали ихъ при себѣ въ качествѣ паразитовъ и даже брали ихъ на войну; они восхваляли своихъ патріоновъ въ стихахъ, какъ предъ собравшеюся слушать толпой, такъ и предъ отдѣльными лицами. Посидонію принадлежитъ описаніе одной любопытной полу-комической сцены, происшедшей при дворѣ короля Арверпонтъ около 121 года до Р. Х. Поэтъ явившійся на королевскій пиръ варварскій поэтъ бѣжитъ сзади за колесницей удаляющагося господина, голоса свои пѣсню, въ которой прославлялись доблести повелителя и печальная судьба опоздавашаго поэта; король велитъ бросить ему въ утѣшеніе кошелекъ съ золотомъ, и вотъ, подобравъ педру подачку, поэтъ все-таки продолжаетъ свою импровизацію; она гласила уже о томъ, что на цолосахъ, которыя проводитъ королевская колесница, немедленно произрастаетъ золото и всячекімъ благодѣніемъ Луканъ въ Фарсалидѣ, обращаясь къ тѣмъ же варварскимъ поэтамъ, говоритъ: „Вы также, поэты (*vates*), своими похвалами сохраняете для самаго отдаленнаго потомства память о храбрыхъ, павшихъ на войнѣ; вы, о барды (*bar-di*), безъ страха составили многочисленнѣйшія поэмы (*plurima carmina fuditis*)“. Другой римскій поэтъ, именно Марціалъ, указываетъ на то, что Римляне заимствовали у бардовъ одну изъ составныхъ частей ихъ одежды, кукуль, *cucullus*, *bardocucullus* ¹⁾. Въ римскую эпоху барды, очевидно, не подвергались никакимъ преслѣдованіямъ. Въ Британніи поэзія бардовъ процвѣтала еще въ VI вѣкѣ, то-есть, пережила періодъ римскаго господства; на это есть прямое указаніе въ Исторіи Бритовъ (*Historia Britonum*) Неннія, писателя IX вѣка, который называетъ нѣсколько бардовъ, въ числѣ ихъ Таліезина и Аневрина (въ текстѣ *Neiren*), процвѣтавшихъ около

¹⁾ Cp. *Scriptores Histor. Augustae*, ed. *Peter*, II, 135.

550 года: qui simul uno tempore in roemate britannico claruerunt. Въ Вельсѣ встрѣчаются барды въ VIII вѣкѣ, и даже въ XII. Изъ сообщенія, относящагося къ этой послѣдней эпохѣ и принадлежащаго Гпральду Камбрійскому, мы узнаемъ, что въ его время у мѣстныхъ бардовъ существовали какія-то старицныя книги, писанныя на кельтскомъ языкѣ и содержащія въ себѣ генеалогію вождей ¹⁾.

Въ законахъ Вельса, которыхъ наиболѣе древнія рукописи относятся къ XIII столѣтію, по текстъ которыхъ, очевидно, восходитъ къ болѣе древнему времени, бардъ есть одна изъ личностей, привлекающихъ вниманіе законодателя. Здѣсь барды занимаютъ, въ противоположность древней Галліи и средневѣковой Ирландіи, довольно почетное положеніе. Придворный бардъ числится восьмымъ въ росписаніи придворныхъ чиновъ; онъ получаетъ отъ короля не только землю и копя, но и свое платье; королева выдаетъ ему бѣлье; послѣ счастливаго пабѣга на сосѣдей, бардъ получаетъ свою долю добычи, корову или быка; цѣна его чести, то-есть, вира, довольно значительна. За то бардъ обязанъ даже свои личныя жалобы предъ властями излагать въ стихотворной формѣ. До насъ дошли произведенія лирическаго характера, которыя могутъ служить образцемъ древней бардической поэзіи времени Ненніа и болѣе раннихъ; рукописи, впрочемъ, не восходятъ выше XII вѣка, и конечно, содержатъ въ себѣ текстъ подновленный. Извѣстно, что въ Вельсѣ бардизмъ во вторую половину среднихъ вѣковъ имѣлъ свою эпоху процвѣтанія и очень широко развитую организацію (объ этомъ подробно говорится въ книгѣ А. Н. Георгіевскаго). Ирландскіе законы, равно какъ и нѣкоторые изюды житія св. Патрика, тоже упоминаютъ о бардахъ, но только съ очень малымъ къ нимъ уваженіемъ. Барды здѣсь помѣщаются ниже послѣдней степени филе: „бардъ ничего не обязанъ знать, для него достаточно его природнаго смысла“. Онъ освобождается отъ обязанности изучать огамическое письмо и поэтический размѣръ. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ произведеній ирландской поэзіи, въ Діалогѣ двухъ ученыхъ (вѣроятно, IX вѣка), выведенный тамъ на сцену филе предсказываетъ рядъ бѣдствій, имѣющихъ обрушиться на Ирландію; послѣднимъ изъ нихъ будетъ

¹⁾ Hoc etiam mihi notandum videtur, quod hardi cambrenses habent praedictorum principum genealogiam in libris eorum antiquis et authenticis, sed tamen cambriae scriptam.—Заяствуемъ цитату изъ рецензіи на книгу *Арбура-де-Жюблиа* въ *Revue de critique* текущаго года (№ 23), гдѣ, впрочемъ, тексту придано преувеличенное значеніе.

то, что „мы наконецъ дойдемъ до печальной поры, когда филе мы родятся до превращенія въ простыхъ бардовъ“. Такимъ образомъ барды занимаютъ очень неважное мѣсто въ ирландскомъ обществѣ; по всѣмъ признакамъ то же было и въ древней Галліи, гдѣ они исчезли вмѣстѣ со торжествомъ римской цивилизаціи. Позднѣйшее появленіе ихъ во французской Бретани—существуютъ о томъ документальныя свидѣтельства XI вѣка—есть результатъ переселеній въ Арморнику съ противоположнаго берега послѣ англо-саксонскаго завоеванія. Причина спеціальнаго процвѣтанія бардизма въ средневѣковомъ Вельсѣ, вѣроятно, заключается въ томъ, что тамъ они очутились единственными представителями науки и грамотности послѣ уничтоженія друидизма: институтъ в и д я щ и х ъ, филе, здѣсь почему-то не имѣлъ такого развитія и значенія, какъ въ Ирландіи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Васильевскій.
